

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

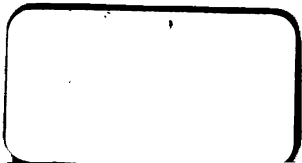

HN E7VN T

Slav 4170.555(4)

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

Гос. О. Книжковой. 1807.

Гос. П. Уткинъ.

Slav 4170.555 (4)

1828.

See 13 concepts

Spas 11 lectis

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
26 AUG 1965

WDEA

Digitized by Google

С Ъ В Е Р Н Ы Е

Ц В Ъ Т Ы

НА 1828 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

71324

25

П Е Ч А Т А Т Ъ   П О З В О Л Е Н О

съ тѣмъ, чѣобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предпачено было семь экземпляровъ сей книги въ Глашій Цензурный Комитетъ, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Сянктшпербургъ, 3 Декабря 1827 года.

Цензоръ Константинъ Сербиковичъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П р о з а.

	Стр.
Обзоръ російской словесности за 1827 годъ . . .	3
Паденіе Вейдена. Историческая повѣсть . . .	83
Дѣв сестры, или колорой онданъ преимуще- ство	151
Бедушка. Восточная повѣсть	166
О жизни и сочиненіяхъ Карамзина	186
Возхожденіе солнца въ бурное осеннее утро . . .	205
Опрывки изъ писемъ, мысли и замѣчаній . . .	208
Гайдамакъ, опривокъ изъ малороссійской по- вѣсти	227
О сочиненіяхъ Баратынскаго	301

П о э з і я.

Графъ Нудинъ	3
Море	18
Влггя	23

Р. 1. 2201
95

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ явмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсдано было семь экземпляровъ сей книги въ Главный Цензурный Комитетъ, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, 3 Декабря 1827 года.

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ.

Digitized by Google

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П р о з а.

	Стран.
Обзоръ російской словесности за 1827 годъ	3
Паденіе Вѣдена. Историческая повѣсть	83
Двѣ сестры, или конторой отдашь преимуще- ство	151
Бедуника. Восточная повѣсть	166
О жизни и сочиненіяхъ Карамзина	186
Возрожденіе солнца въ бурное осеннее утро	205
Ошрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія	208
Гайдамакъ, ошрывокъ изъ малороссійской по- вѣсти	227
О сочиненіяхъ Баратынскаго	301

П о э з і я.

Графъ Нулинъ	3
Море	18
Элегія	23

На смерть В...ва	24
Опръшокъ изъ Бориса Годунова	25
Безиѣстность	28
Вечерній звонъ	29
Фирдоуси	30
Учанъ - Су	32
Три Сонета (изъ Мицкевича)	37
Пчела и Мохылекъ	40
Къ портрету Ломоносова	41
Къ часамъ, при отсылкѣ ихъ сесирѣ	42
Къ нянѣ	43
Характеристика	44
Псаломъ LXII	45
Къ П. А. П—ву, отвѣтъ на его посланіе	47
Элегія	51
Двѣ оды изъ Горациа	52
Партизаны (опрѣшокъ)	55
Сыпованіе (Израильская пѣснь)	57
Опроверженнал послюица	58
Соловей	—
Ангель	59
Колѣна благопловителіа	60
Пророчество о Мессіи	61
Конь и жеребенокъ, басня (изъ Флоріана)	62
Жалоба на счастье	65
На смерть собачки: Амикт	—
Сила надежды	67

Стран.

Пославіе къ Н. Ф—ву	68
Спансы	70
Надписи къ изображеніямъ нѣкоторыхъ Итальянскихъ поэзовъ	71
Сочинишесю посланій	75
Прекраснымъ глазамъ	—
Алексію Николаевичу Оленину, при доставленіи послѣдняго изданія басень	77
Заспольшаи пѣсня	78
Цѣпокъ и первоначкѣ, басня	79
Руской романшицкѣ рускому классику	80
Переговоры въ Гѣлой Церкви (черна изъ жизни Богдана Хмельницкаго)	—
Опирьпокъ изъ поэмы <i>Валеной ветерѣ</i>	84
Опѣшигъ	86
Надежды	88
Послѣдняя смерть	89
Утѣшеніе	93
Идпльи	94
Эпиграмма	95
Смерть	96
Падающія звѣзды (подраж. Веранжеру)	97
Черепъ (пославіе къ Д.)	100

Поправка. Подъ статью: *О жизни и сочиненіяхъ Карамзина*, на стр. 202, пропущено имя сочинителя. — Издатели *Северныхъ Цвѣтовъ*, виныя и не извиняясь въ семь недосмотрѣ, долгомъ поспѣвають исправити оный и сказать, что сочинитель помѣнуемой статьи *Н. П. Греть*.

Приписка. Къ сей книжкѣ прилагается наглавалъ выиешка и портретъ *А. С. Пушкина*.

П Р О З А.

О Б З О Р Ъ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1837 ГОДЪ.

Давно уже мы слышимъ упреки нашей словесности за ея скудость. Упреки сии дѣлаются нашими же единоземцами, и повипоряются чужеземцами. Отбросивъ всякое пристрастіе въ защиту или въ обвиненіе, постараемся разсмотрѣть справедливость сихъ упрековъ.

Образованность наша еще такъ нова, что нѣкогда было намъ и ожидать изобилія въ произведеніяхъ, истинно изящныхъ. Много ли и въ нѣхъ странахъ, гдѣ образованность нѣсколькими вѣками ранѣ явилась, нежели у насъ, — гениевъ истин-

ныхъ, произведеній образцовыхъ? Не подводя подъ сей ипогъ древней Греции и Рима, взглянемъ на Государства современные: на Италию, Англію, Францію и Германію; имена славнѣйшихъ писателей каждой изъ сихъ странъ знаемъ мы наизусть, и можемъ изчислить ихъ, почти не переводя духа; отличнѣйшія же творенія сихъ мужей вмѣщаются, у каждаго изъ новѣйшихъ народовъ, въ небольшомъ числѣ помовъ. Оснальное (я говорю о произведеніяхъ воображенія и вкуса) составляетъ разныя степени посредственности. Гдѣ же по необъятное число, гдѣ та ужасная несоразмѣрность, кою порою насъ запугали, сравнивая съ чужеземцами?

Если скудость сію примемъ мы не въ смыслъ изыскаго, а вообще всего печальнаго; то укоры, въ нѣкоторомъ отношеніи, будутъ справедливы, и

сей вопросъ необходимо подвергнет-ся большимъ и пространнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но и тунъ, кажется, можно отвѣчать на него точно и удовлетворительно.

Опъ чего у насъ мало книгъ? Опъ того, что мало читателей. • *Когда мало потребителей, то число производителей не можетъ быть велико,* могъ бы сказать какой нибудь послѣдователь Сея или Адама Смита. У насъ есть публика читающая и публика нечитающая; послѣдняя превышаетъ первую въ неизвѣстной, но огромной пропорціи. Чтеніе не сдѣлалось еще у насъ всеобщемо и повсемѣстною потребностію, какъ въ Англии, Франціи и Германіи; даже въ томъ званіи людей, въ которомъ должно предполагать бѣльшую степень образованности, удовольствія ума и воображенія весьма часно усугубяются

* *

удовольствіямъ чувствъ. Въ большихъ городахъ, особливо въ столицахъ, свѣтскіе расчеты и разсѣянность, попомъ облѣненіе тѣла и души, похищаютъ все время; карны, изобрѣшеніе разченливой праздности, своими неспрыми, обманчивыми лепсочками, заслоняють лисны печальныхъ книгъ. Большая часть обласныхъ жипелей, есельскихъ помѣщиковъ, гоняюшя не за новою мыслью, не за новымъ созданиемъ своесправнаго воображенія поэтовъ, а за зайцами и лисенцами. Домоводство, пияжбы и другія заботы о наполненіи не ума, а кармана, присвоивають себя все время и все вниманіе самыхъ дьяшельныхъ.

Если перейдемъ къ Публикѣ читающей, то и въ ней находимъ два рода читателей. Первый изъ нихъ, и весьма многочисленный, состоить изъ *читателей не по руски*. Краснѣсь

признаемся, что у насъ и теперь еще есть люди, Рускіе по рожденію и по имени, и почти вовсе незнающіе природнаго своего языка, удивляющіеся, какъ можно писать на немъ, и просящіе, чтобы имъ переводили по французски то, чѣмъ восхищаются ихъ соотечественники. И теперь еще есть манеры, требующія, чтобы дѣли ихъ чисто и правильно изъяснялись по французски и по англійски, и вмѣстѣ убѣжденія, что Рускимъ не нужно учиться по руски. Какъ будто бы знаніе природнаго языка выплываетъ съ воздухомъ и проникаетъ въ умъ съ испареніями земли! Какъ будто бы можно чему научиться напѣемъ! Само по себѣ разумѣется, что сѣи люди, ошученные воспитаніемъ оныхъ звуковъ роднаго языка, не спрашиваютъ и не заботятся, есть ли что новаго въ словесности російской? Они выпвер-

(8)
дили съ дѣшества нѣсколько моно-
логовъ изъ Расина, нѣсколько ба-
сенъ Лафоншеневыхъ; знаютъ о Бай-
ронѣ, Мурѣ и Валперѣ Скоптъ по на-
слышкѣ и восхищаются ими по пе-
редачѣ; этого и довольно для все-
дневнаго ихъ обихода въ свѣтскомъ
быту. Досаднѣе всего, что они не
только не стыдятся, но даже хва-
лятся своимъ незнаціемъ отечествен-
наго языка и словесности его; и ча-
сто, съ умыслу, дѣлають о нихъ
такіе вопросы, копорые были бы смѣш-
ны и ошъ иностранца, вовсе не-
знакомаго съ Россією и съ языкомъ ру-
скимъ.

Правда, съ весьма недавнихъ лѣтъ
не все, а нѣкоторыя изъ нихъ на-
чинають чинать по руски и даже
судить о произведеніяхъ русской сло-
весности. Но въ сужденіяхъ своихъ
они все примѣняють и приравнива-

ють къ французскому: эпо, по ихъ разумнiю, мѣрло всякаго вкуса и возможности либеральной. По давно зашверженной поговоркѣ, многіе изъ нашихъ вѣрятъ, что *словесность россійская есть меньшая сестра французской*; и въ силу такого названнаго родства хопянтъ, что бы *меньшая сестра* наряжалась, румянилась и кланялась точно также, какъ и *старшая*.

Число чинашелей собственно-русскихъ книгъ, по сравненiю, весьма не велико; число тѣхъ, которые чинашуютъ съ выборомъ и умѣютъ судить о прочитанномъ, еще меньше. Для удовлетворенiя потребностей сихъ чинашелей, выходитъ у насъ, опшительно, въ каждый годъ почти столько журналовъ и книгъ, сколько нужно. Если бы охота къ чтенiю была болѣе общою, то, само по себѣ

разумѣется, число писателей и число хорошихъ книгъ умножилось бы въ той же пропорціи. Сему видимъ уже мы счастливыя начала. Съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе оказываешся охотниковъ читать, а оныя того съ каждымъ годомъ умножаешся число журналовъ и книгъ хорошихъ и уменьшаешся число книгъ дурныхъ и бесполезныхъ, принимая въ сѣнь смыслъ и пѣть, которыя вовсе не приносятъ удовольствія ни уму, ни сердцу, ни воображенію.

Для примѣра, изчислимъ литературныя наши пріобрѣтенія за минувшій годъ. Я не беруеь, впрочемъ, представивъ полный каталогъ всѣхъ вышедшихъ въ 1827 году книгъ; но упомяну, по возможности, обо всемъ, что обратило на себя вниманіе публики, въ хорошую сторону и обратно, или по чему либо осталось у меня на

намяти. Къ сему, мѣсяцами, прибавлю и краткія замѣчанія: правильны они, или нѣтъ — каждый читатель рѣшитъ по своему пониманію; по крайней мѣрѣ меня оправдываетъ собственное мое убѣжденіе.

Начнемъ съ журналовъ: ихъ давно уже называли ошголосками мнѣній общесва и указателями ешенени народнаго просвѣщенія. Пусть по этому, иногда ложно приевоаемому праву, они займутъ переднее мѣсто въ семь годовомъ опченѣ.

Въ Пешербургѣ, въ минувшемъ году, издавались слѣдующіе журналы (*):

(*) Въ семь обзорѣннхъ намѣренѣхъ и говореннхъ о журналахъ и книгахъ, болѣе въ литературножъ опношенннхъ. Посему официальные газетны, какъ-то: *С. П. Вурскія Вѣдомости* на Россійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, *Journal de S. Pétersbourg*, *Рускій Инвалидъ* и *Коммертеская Газета* пѣ-емноннхъ пѣъ числа журналовъ, о коихъ здѣсь упо-минаеннхъ.

1) *Сынъ Отечества*, заключающій въ себѣ многія, весьма хорошія переводныя статьи, какъ-то: повѣсти, историческіе очерки и проч. Изъ русскихъ сочиненій, нѣкоторыя статьи полемическія, писанныя разными лицами (*) и весьма любопытная для военныхъ людей: *Исторія Артиллеріи*, раздѣленная на семь періодовъ, также заслуживали вниманіе. Последняя изъ упомянутыхъ мною статей, написанная молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, Г. Рейсгольмъ 2, показываетъ большую начитанность и основательное познаніе своего дѣла. Справедливость требуетъ опъ

(*) Между прочимъ, взгляды на математическіе курсы, употребительнѣшіе въ российскихъ училищахъ, описывается ясною изложеньемъ и показываетъ обширныя свѣдѣнія сочинителя въ Математику и правильную точку зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на сію науку.

насъ упомянуть объ упрекѣ, который дѣланъ былъ *Сыну Отечества* въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ Журналовъ (*Revue Encyclopédique*), за то, что онъ по большей части содержитъ въ себѣ переводы иностранныхъ сочиненій. Мнѣ кажется, что упрекъ сей былъ бы основателенъ только тогда, когда бы журналъ С. О. былъ посвященъ исключительно русской литературѣ; но одна изъ главныхъ цѣлей сего журнала — знакомить соотечественниковъ нашихъ съ важнѣйшими событіями нашего времени и съ произведеніями лучшихъ иностранныхъ писателей; а чѣмъ же лучше можно сіе исполнить, какъ не выписками и переводами? 2) *Сѣверный Архивъ* заключалъ въ себѣ по прежнему многіе любопытные документы, касающіеся до российской Исторіи, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ

яхъ и спатиестическія свѣдѣнія о Россіи и другіихъ Государствахъ. Жаль, что отдѣленіе: *Правы*, за прошлый годъ было въ семь Журналь слабѣе, ибо Г. Булгаринъ почини не помѣщаль въ немъ остроумныхъ спашей своихъ; за то одна изъ нихъ: *Сиротка* (отрывокъ изъ рускаго Жилблаза) прекрасно списана съ напурь. 3) *Сѣверная Пчела* извѣщала о современныхъ произшествіяхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, о городскихъ новостяхъ и ш. н. Лишеранурный отдѣлъ сей газеты часно наполнялся весьма хорошими оригинальными спашьями, коихъ большая часть принадлежишь Г. Булгарину. 4) *Отегественныя Записки*, Н. Н. Свишьина, весьма ревностно выполняли прекрасную цѣль свою: знакомишь Рускихъ со всемъ рускимъ, настоящимъ и минувшимъ. 5) *Азіатскій Вѣстникъ*, изд. Г. Спасскимъ,

содержалъ въ себѣ по большей части переводы изъ иностранныхъ сочиненій объ Азiи. Въ отдѣленiи *Восточной Словесности* помѣщались въ немъ очень хорошия переводы арабскихъ поэтовъ, Г. Ботьянова. 6) *Технологическiй Журналъ*, изд. Академiею Наукъ. 7) *Указатель открытiй по Физикѣ, Химiи, Естественной Исторiи и Технологiи*, изд. Профессоромъ Щегловымъ. 8) *Горный Журналъ*, издаваемый оныъ Департаментомъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ и 9) *Журналъ Мануфактуръ и торговли*, издаваемый также Департаментомъ сего имени. Каждый изъ сихъ чепырехъ Журналовъ совершенно соотвѣтствовалъ своей цѣли и содержалъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣнiй, по предметамъ, входящимъ въ составъ его.

Нельзя не пожалѣть, что *Журналъ изящныхъ Искусствъ*, издав. Г. Гри-

горовичемъ, въ 1827 году прекратил-
 ся. Журналь сей, хорошими теоре-
 тическими сшапьями, основатель-
 ными сужденіями и умными замѣча-
 ніями, обѣщаль намъ разиространеніе
 въ нашемъ ошечесивѣ образованнаго
 вкуса къ изящнымъ произведеніямъ ис-
 кусивѣ. — Кромѣ сего, прекратилась
 еще слѣдующіе Журналы: *Благонамь-*
ренный, который, не во гитѣ Г. Изда-
 шело, въ послѣдніе годы оставался
 при одномъ своемъ *благомъ намьреніи*;
 и *Новости Литературы*, изд. Г. Во-
 ейковымъ. *Посости* сін дряхлѣли въ
 недолгольшней своей жизни и шихо,
 безъ дальнихъ сѣнованій и плакаль-
 щицъ, соскользнули на берега Лены.
 Мѣсто ихъ заснуила 10) *Славлникъ*,
 который, для перваго знакомешва съ
 своими чиншашелями, заговорилъ съ
 ними о военныхъ наукахъ и о памяш-
 никахъ ошечесивенныхъ, на какомъ-

шо неизвѣстномъ нарѣчій славянскаго языка, только не по руски. Филологи еще не рѣшили, что это за нарѣчье? Ощущеніе стихотвореній несравненно лучше прозы; но въ выборѣ ихъ, Г. Издашель руководствуется прежними своими правилами, и е. перенечанывашень изъ чужихъ книгъ и книжекъ. Къ слову пришлое сказать, что пора бы ошешанъ опгъ сихъ самопроизвольныхъ заимствований изъ чужаго запаса. Въ этомъ случаѣ, *литературная совесть* должна бы была имѣть силу закона о *литературной собственности*.

Еще издавалень въ Пешербургѣ слѣдующіе новые журналы: 11) *Новая Дѣтская Библіотека*, изд. В. М. Федоровымъ. Полезная цѣль, разнообразіе и хорошій выборъ статей, заслужили ему справедливое одобреніе публики. 12) *Дѣтскій Музеумъ*, издав.

Г. Ушаковымъ , появился снова и по
 прежнему содержалъ въ себѣ разкра-
 шенныя картинки , относящіяся къ
 Божественной Песнорин , съ объясне-
 ніями , приспособленными къ поня-
 тіямъ дѣшей. 13) *Журналъ Путей
 Сообщенія* , изд. опть сего Департа-
 мента.

Изъ Московскихъ Журналовъ , на-
 помнимъ , по праву первородства , объ
 14) *Историческомъ , Статистическомъ
 и Политическомъ Журналѣ* , который
 нынѣ , безъ всякой оговорки , напол-
 няется снанами изъ другихъ ру-
 скихъ журналовъ. За симъ слѣдуютъ :
 15) *Вѣстникъ Европы* , коего редакторъ
 Г. Каченовскій. Журналъ сей , съ нѣ-
 котораго времени , потерялъ прежнюю
 свою занимательность , и , кажется
 не слишкомъ заботился снова приоб-
 рѣсти ее. Повторимъ уже не разъ
 изъясненное о томъ сожалѣніе. 16)

Московскій Телеграфъ, изд. Г. Полевымъ, Журналъ сей правится своимъ разнообразіемъ; въ немъ можно найти и старыя ученія, и современную библіографію рускую и чужеземную, и либературу, и новости, и моды и пр. и пр. Для бóльшаго совершенства сего Журнала, можно бы пожелать ему лучше обработаннаго слога и побольше умеренности въ сужденіяхъ. Въ хорошемъ журналѣ прилично находишь и слогъ хорошій, шѣмъ болѣе, когда въ немъ встрѣчаются рѣзкіе приговоры слогу другихъ писателей. 17) *Дамскій Журналъ*, сквозь призму желной своей обертки и перепрѣчныхъ карнищекъ, пропускаетъ въ благопріятныхъ цвѣсахъ свою прозу, похожую на кышайскую живопись, и спинки легче духу. 18) *Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Химіи и сельскій экономическій*, издавае-

* *

мый Г. Профессоромъ Двигубскимъ.
 19) *Земледельскій Журналь*, изд.
 онъ Общества сельскаго хозяйства, и
 20) *Записки для охотниковъ до лошадей*, изд. Г. Цорномъ, наполнялись
 стихами, соинвѣщенными ихъ
 заглавіемъ.

Вновь появился въ Москвѣ за 1827
 годъ одинъ Журналь: 21) *Московскій Вѣ-
 стникъ*, издав. Г. Погодинымъ. Составъ
 сего журнала литературно-ученый.
 Ондвлеліе стиховъ въ немъ отлич-
 но хорошо. Кромѣ стихотвореній Пуш-
 кина, почти въ каждой книжкѣ мож-
 но было найти произведенія нѣхъ изъ
 молодыхъ нашихъ поэтовъ, которые
 съ каждымъ днемъ оправдываютъ сча-
 стливѣйшія надежды. Одинъ изъ нихъ,
 раннею зрѣлоснію своихъ дарованій
 и вкуса, какъ будто бы похитилъ
 многіе годы у жизни, что бы стѣснить
 ихъ въ немногихъ; но прекрасныхъ

(*) Многія спашыи прозанческія, особливо касающіяся до теоріи изящныхъ искусствъ, испинно хороши, и указываютъ намъ иногда новую почку зрѣнія, съ коюрой должно смотрѣть на сіи искусства. Собственно-литературное оидѣленіе прозы, не сколько было богато произведеніями рускими; за шо въ немъ помѣщались очень хорошіе переводы по выбору и по слогу. Г. Издашель конечно не досадуетъ на насъ за онкровенность, когда мы скажемъ, что въ этомъ хорошемъ журналѣ мы не охотно видѣли Шамобрианова *Рене*, уже давно извѣстнаго у насъ по переводамъ. Эпичесарыя обнówki почти всегда остаются въ журналахъ съ неразрѣзан-

---

(*) Я говорю о Веневининовѣ. Смерть похишила его у Отечества, Музы и друзей на 22 году; но умственная жизнь его, кажется, многими десятилетиями предудредила органическую.

ными листами и заставляють любителей журнальнаго чтенія хмурить брови. Опрывокъ изъ повѣсти: *Невѣста на ярмаркѣ*, напоминаетъ намъ отверженный со времени Прощаковой и Еремѣвны бытъ закоснѣлыхъ провинціаловъ, и фактуру *нѣкоторыхъ* русскихъ повѣстей, появившихся и еще появляющихся въ *нѣкоторыхъ* журналахъ. Прошу также Г. Издашеля безпристрастно и хладнокровно вслушаться еще въ одно замѣчаніе: въ библиографическихъ его извѣстіяхъ не рѣдко встрѣчающіяся довольно странныя недосмотры. Такъ въ разборѣ Сѣвер. Цвѣтновъ 1827 года (см. кн. 12) картина Г. Щедрина приписана Г. Кипренскому (*), а ошланный нашъ пейзажистъ Г. Воробьевъ, названъ Во-

---

(*). Славный нашъ историческій и порицательный живописецъ, О. А. Кипренскій, сколько намъ из-

робьевскимъ; стихи изъ идиллии В. Дельвига: *Друзья*, выписаны съ пропусками и ошибками. Тамъ же, говоря о малороссійской были Г. Байскаго: *Юродивый*, Г. Кришкь находить въ ней сходство съ сценами романа В. Скопина: *Таинственный Карло*; не худо бы было, если бы онъ указалъ, съ какими именно? — Что касается до суждений о книгахъ, то въ нихъ конечно всякой воленъ излагать свои мысли по своему разумнѣю или умошрѣннѣю; но и шунь нужна нѣкоторая оглядка, а больше всего безприсрастнѣ. — Въ ученыхъ снатьяхъ сего журнала много есть дѣланнаго, а въ смѣси новаго и любопытнаго. Въ снатьяхъ самого Издавателя, замѣтно однако жъ желаннѣ, при всѣ-

---

вѣстно, никогда не писалъ пейзажей или перспективныхъ видовъ.

комъ случаѣ выказывашь свою ученость. Часно онъ поспунась съ чиншедемъ, какъ съ ученикомъ, заставляя его проишверживашь старый урокъ. Чшо хорошо слышашь съ кафедры профессорской, шо не можешь имѣшь мѣста въ журналѣ, котораго Издашель, хонь изъ учшivenessи, должень предполагашь въ чиншелеяхъ своихъ достаночную ешенень познаній и образованности; по крайней мѣрѣ столько, что имъ уже не нужно напоминашь *общихъ мѣсть* ученическихъ. Еще бросается въ глаза одно примѣчаніе Г. Издашеля: онъ говориль, что будеть иногда писать парадоксы и защищашь несправедливыя мнѣнія, *для изошренія ума*. Почему это нужно и полезно? не понимаю; но не въ правѣ ли чиншелеи подумашь, что Г. Издашель симъ способомъ подгошовляетъ себя на всякій случай замшелованую оговорку. Такимъ обра-

зомъ , если бы его уличили , на при-
мѣръ , въ кривомъ толкѣ или въ не-
кажемъ извращеніи исторической ,
то онъ могъ бы отвѣчать , что это
съ намѣреніемъ *вставленная интруза*
или *умышленно-ложная догадка*. —
Не смотря на сіи небольшія исклю-
ченія , Журналъ сей есть одинъ изъ
лучшихъ и представляешь собою раз-
нообразное , пріятное , и часно полез-
ное чтеніе.

Если прибавимъ къ сему перечеленію:
22) *Одесскій Вѣстникъ* , издаваемый
на руссійскомъ и французскомъ язы-
кахъ и заслуживающій имя весьма
хорошей газеты; если упомянемъ при
семъ случаѣ , что *Харьковскій Вѣст-*
никъ прекратился; то кажемся , мы
изчислили все существующее наши рус-
скіе журналы и періодическія изданія
и почли памятью скончавшіеся,

Конечно, число ихъ не можетъ сравниться съ соннями англійскихъ и французскихъ журналовъ и газетъ; но все, соблюдая шу же посылку къ числу читателей, оно весьма достаточно для Россіи. Для друзей просвѣщенія утѣшительно будетъ замѣтить въ семъ обзорѣнн, что многія отрасли наукъ имѣютъ у насъ свои особенныя, и весьма хорошія журналы. Съ такими пособіями, просвѣщеніе наше можетъ сдѣлать быстрое и надежныя шаги. Замѣнимъ еще, и порадуемся, что у насъ уже шестернадцать, или почти двѣнадцать такихъ журналовъ, какъ покойные *Демокриты* и имъ подобныя. Это также говоритъ въ пользу нынѣшняго вкуса и образованности нашихъ единосемцевъ.

Альманахи, по опредѣленному времени ихъ появленія и по составу своему, принадлежатъ также къ періо-

дическимъ изданіямъ; посему я и даю имъ мѣсто непосредственно послѣ журналовъ. Минувшій годъ былъ, можно сказать, *тугенъ* альманахами разнаго формата и достоинства. Чинашли конечно не попребуиють, чтобы въ *Сверныхъ Цвѣтахъ* 1828 года, я сшалъ говорить о *Сверныхъ Цвѣтахъ* 1827: хвалишь ихъ въ этомъ обзорѣи — было бы странно и даже смѣшно; находить въ нихъ недосашки — значило бы *униженіе наше гордости*. Я замѣшала, что кришика, въ которой сочиншела или издашела *самъ на себя поднимаетъ руку*, никогда не бываетъ чешосердечна: по весьма ешесшвенной спрашеги самолюбш, кришикъ въ семь случаевъ указываетъ на самыя легкія недосашки, дабы чрезъ шо сдѣлать диверсію ошъ самыхъ тяжкихъ грѣковъ. Слѣдуя вышенъясненному правилу исключе-

нія, оплагаю въ сторону Сѣверные Цѣсны и окину взглядомъ прочіе рускіе альманахи, наблюдая между ними *табель о рангахъ* не по шаршинству вешуленія, но по относительному ихъ достоинству.

1) *Литературный Музеумъ*, В. В. Измайлова. Г. Собирашель желалъ « съ пріятною легкостію альманаха соединить достоинство книги, » и достигъ своей цѣли. Собешвенныя его сташны въ прозѣ и нѣкоторыя изъ чужихъ, оправдываютъ сіе желаніе, Спихонвореній немного; но между ними есть хорошія. Вообще если не числомъ и разнообразіемъ, но по крайней мѣрѣ внутреннимъ достоинствомъ, *Литературный Музеумъ* есть одинъ изъ лучшихъ прошлогоднихъ альманаховъ. 2) *Сѣверная Лира*, изд. въ Москвѣ Гг. Рачемъ и Ознобишинымъ. Хорошій выборъ пьесъ и чистый, прі-

ятный слогъ, ошлнчающъ прозанческія списки: сего альманаха, въ числѣ конхъ, кромѣ занимательныхъ русскихъ сочиненій, есть и переводы съ восточныхъ языковъ. Между стихотвореніями, конхорыми альманахъ сей очень обилень, есть нешнно прекрасныя. 3) *Памятникъ Отечественныхъ Музъ*, изд. В. М. Федоровымъ. Въ семъ Памятникѣ находяшся многія неизданныя доселѣ сочиненія ошжившихъ писателей, со времянь Сумарокова до нашихъ дней. Немногія изъ нихъ могушь служить къ прочности памяника; оснальныя, въ рукописяхъ уцѣлѣвъ онъ времени, въ печати не выдержанъ рунительнаго его прикосновенія. Жаль, что Г. Федоровъ, сооружая сей памяникъ, допустилъ въ составъ его чуждые материалы; а именно, сочиненія писателей живущихъ и пишущихъ: каж-

дому изъ нихъ можно бы предоста-
вить самому попещись о своемъ па-
мятникѣ, пѣтъ болѣе, что сами они
конечно лучше знаютъ, на чемъ осно-
вать его. Нельзя однако же не побла-
годарить Г. Собирашеля за то, что
онъ сохранилъ для потомства нѣко-
торыя изъ твореній прежнихъ писа-
телей, неспинно заслуживающія вни-
манія (*). 4) *Календарь Музы* (Из-
датель, кажется, пѣтъ же какъ и въ
1826 году), прозою не ошешалъ опъ
своихъ собраній: въ немъ можно на-
счешанъ до няши ешашей, хорошихъ

(*) Таковы наприм. въ прозѣ: *Мысли Карам-
зина*, *Письма къ нему друга его Петрова*, *Два
сатирическiя письма Фонъ-Визина*, *Анекдотъ
о Державинѣ*, имѣ самымъ написанный, и нѣко-
торыя изъ писемъ *Батюшкова*; въ стихахъ:
Полдека и нѣкоторыя изъ *любкихъ стихо-
творенiй Державина* и *Отрывки изъ Сатиры* Ки.
Гарчакова.

по содержанію и слогу. Стихотворная часть, кромѣ весьма немногихъ пьесъ, вообще скудна; въ ней почти на половину сшишковъ въ альбомы, на именины и другіе случаи; и въ семь смысѣ, это точно *Календарь*; только *Музы*, какъ видно, не охотно посѣщали семейныя пиры, на которыя ихъ зазывали. 5) *Цевскій Альманахъ*, изд. Г. Аладинымъ. Альманахъ сей составленъ, съ *грѣхомъ по поламъ*, изъ разныхъ ешепней хорошаго, посредственнаго и дурнаго, и, кажется, перевѣсь не на сторону перваго; къ последнему же смыслу можно описать спашныя самого Г. Издателя. « Это, » — говоря собственными его словами — « наборъ словъ, какъ наборъ ерофенча: горько, хонь въ ротъ не бери. » Я сказалъ, что альманахъ сей составленъ съ *грѣхомъ по поламъ*, и въ поясненіе повшорю прежнія мои

слова (см. стран. 17, строк. 13 и 4.)
 б) *Астраханская Флора*, изд. Г. Розен-
 мейеромъ, красовалась болѣе цвѣта-
 ми чужихъ климатовъ, или просило,
 переводами съ нѣмецкаго языка. Все
 въ этой книжкѣ: и сочиненія и пе-
 реводы, и стихи и проза, трудовъ
 самого Издателя. Проза его вообще
 лучше стиховъ. 7) *Списокъ*, изд. М. А.
 Беспугевымъ-Рюминымъ, также за-
 ключалъ въ себѣ сочиненія и перево-
 ды, стихи и прозу, и большая часть
 ихъ принадлежили самому Издателю.
 Подъ пѣкошорыми изъ стихотворе-
 ній, встрѣчалась имена Гг. Ф. Глин-
 ки и Палчевскаго, и эти стихо-
 творенія были лучшія; подъ прозап-
 ческими же стихами не нашли мы ни
 одного знакомаго имени, а въ самыхъ
 стихахъ ничего такого, съ чѣмъ бы
 пріятно было познакомиться.

Пѣкошорыя дѣшекія книжки 1827 года

были изданы въ *срокное* время и съ другими наружными условиями альманаховъ; и шакъ назовемъ ихъ *дѣтскими альманахами* и дадимъ имъ мѣсто на ряду съ иными, которые назначаются для взрослыхъ. Сихъ дѣтскихъ альманаховъ было три: 1) *Дѣтскій Цветникъ*, составленный Г-мъ Б. Федоровымъ, заслуживаетъ занять между ними почетное мѣсто, какъ по разнообразію, выбору и слогу, шакъ и по красноречію изданія. 2) *Подарокъ дѣтямъ*, состоящий весь изъ новѣшей переводныхъ, но удачно примѣненныхъ къ Рускимъ правамъ; слогъ могъ бы быть лучше; изданіе и картинки довольно хороши; и 3) *Незабудочка*, изд. С. Глицкою. Слогъ вообще хорошъ; но въ выборѣ стиховъ опечатки повсюду; слышится старое, знакомое намъ изъ Рускаго Вѣстника. Стихи не отличные. Впрочемъ, напоминая дѣтямъ славные

подвиги предковъ нашихъ и лучшія черны изъ испоріи, Г. Издатель конечно заслуживаетъ благодарность.

Многіе думаютъ, основываясь на свидѣтельстввахъ испоріи, что въ произведеніяхъ ума поэзія предшествовала прозѣ; и даже однажды сказано было, что поэзія *естественна*, а проза *поддѣльна*. (*) Принимая за правило то, что утверждено *мнѣніемъ* и *давностію*, даю поэзіи старшинство надъ сестрою ея прозою.

Поэзія наша, въ прошломъ году, богата произведеніями Пушкина. Кроме тѣхъ, которыя были разсыяны въ двухъ или трехъ альманахахъ и въ разныхъ книжкахъ Московскаго Вѣстника, напечатаны особо его поэмы: *Цыганы* и *Братья разбойники*, и третья

(*) La poésie est naturelle, et la prose est factice. »

глава поэтического романа: *Евгений Онегин*. Разсказъ первой поэмы сопоставить изъ оцѣдальныхъ картинъ или какъ бы изъ опривковъ: поэтъ, изображая небогатую приключеніями жизнь кочеваго, полудикаго племени Цыгановъ, боялся однообразія и повпореній, и съ отличнымъ искусствомъ избѣжалъ ихъ. Промежутки времени, между главными событіями поэмы, мелькали предъ его глазами и слились въ одно прекрасное цѣлое. И какаѧ во всемъ полноша, какаѧ свѣжестъ картинъ и положеній! Движеніе, быстрота, смѣлые переходы, живая игра спрашеней — все это въ такомъ согласіи съ предметомъ, что можно сказать, читатель, перенесенный попомъ въ шумный наборъ, неуспѣваетъ опомниться и сравнить цыганскій бытъ съ жизнью образованныхъ горожанъ. — Та же живостъ картинъ, та

* *

же быстра повѣшанія въ другой небольшой поэмѣ Пушкина: *Братья разбойники*: рассказъ у него кништь, какъ буйныя сирасни въ сердцахъ опшаниувшійся онгъ законовъ вольницы. Напрошивъ того, въ иренъей главѣ *Онъгина* сирасни уже заключены въ узы приличій. Татьяна пишеть къ Онъгину, но чувешуееть и знаетъ, что она уклоняееться онгъ припанныхъ правнъ. Борьба снхъ нравнъ, снхъ припачій еь самовласною сираснью, въ душѣ молодой дѣвушки — изображена превосходно. Въ *Онъгинѣ* поэтъ вводитъ насъ въ кругъ людей, спощихъ на извѣстной степени образования и слегка осмѣиваетъ сирасности, подмѣченныя имъ въ свѣтскомъ быту. Прочитавъ сряду все сн три произведенія Пушкина, кто не подивился гибкости его дарованій, вѣрности соображеній и мѣп-

кости, съ какою онъ ловить природу въ разныхъ ея видахъ?

Шуваловъ и Ломоносовъ, лирико-драматическое стихотвореніе Г. Мерзлякова, изображаетъ, въ счастливыхъ иногда стихахъ, основаніе разсудника нашихъ музъ, Московскаго Университета. *Опыты въ антилогическомъ родѣ*, Г. Падичевского, подъ скромнымъ названіемъ опытовъ представляются часно въ разныхъ родахъ мягкой поэзіи такія стихотворенія, кои могутъ имѣть свободный пропускъ въ собранія лучшихъ нашихъ эпиграмматическихъ произведеній. Скажутъ, что большая часть изъ нихъ — подражанія иностраннѣмъ; но не всели ли признано, что въ поэзіи удачное подражаніе имѣетъ достоинство сочиненія? — Маленькая поэма: *Дивъ и Перн*, Г. Подлинскаго, показываетъ въ семъ молодомъ поэтѣ отличныя способности:

легкость и приятность стихосложения, воображеніе живое и шворящее. Съ такими вѣрными залoгами, и съ внимательностію къ совѣщанъ благонамѣренной критики, сочинитель сей поэмы конечно можетъ оправдать самыя лестныя надежды, зародившіяся съ появленіемъ перваго опыта его дарованій. *Таврида*, поэма Г. А. Муравьева, слаба по вымыслу, но въ нѣкоторыхъ ея стихахъ мелькають некры дарованія. Приложенныя къ ней другія стихотворенія Г. Муравьева, богаче и воображеніемъ и хорошими стихами. Впрочемъ и сіи первые опыты ручаются намъ, что съ выполненіемъ условія, предложеннаго выше, и съ меньшею довѣрчивостію къ самому себѣ, Г. Муравьевъ можетъ занять не послѣднее мѣсто въ спискѣ молодыхъ нашихъ поэтовъ. *Элегіи и другія стихотворенія Д. Глѣбова*, заключаютъ

себѣ собственныи его произведенія подражанія древнимъ и новымъ чужеземнымъ поэтамъ, въ разныхъ рохъ стихотворенна: въ лирическомъ, эпическомъ, повѣствовательномъ, трагическомъ и проч. Достоинство же также не одинаково: между хорошими стихотвореніями есть посреденныя, есть и слабыя по созданию и по оидѣлкѣ. Стихи довольно тавны; порома часто слишкомъ нальственно предьявляла права свои въ *Апологическихъ стихотвореніяхъ*. Остролюнова есть до десяти пельшихъ басень истинно хорошихъ; аль, что вмѣстѣ съ ними Г. Сочинитель помѣстналь нѣсколько шакныхъ, онъ гораздо ниже ихъ достоинствомъ. ще болѣе жаль, что онъ присовокупналь къ нимъ свою поэмю: *Привидѣніе*. ообще пародія тогда шолько правналь, когда она бываешь мѣпка въ сво-

пхъ примѣненіяхъ и забавна въ изло-
женіи : но сіи условія не выдержаны
въ поэмѣ Г. Осолодова, Всего лучше
и всего правдивѣе въ ней — эплогъ. —
Графъ Д. П. Хвостовъ издалъ *пятый
томъ* своихъ *Стихотвореній*, въ кото-
ромъ есть и оды, и пріпчи, и мѣ-
кія стихотворенія и пр. Мое мнѣніе
конечно не прибавишь всеу сочине-
ніямъ Графа; и потому я удержива-
юсь отъ всякихъ сужденій на счетъ
оныхъ. Скажу только, что сей пятый
томъ не уступитъ чепыремъ преж-
нимъ ни наружною приманкою изда-
нія, ни внутреннимъ своимъ достоин-
ствомъ. *Пятиколосный колосъ, сози-
неніе Тайнаго Совѣтника, Сенатора
и Кавалера Графа Дмитрія Ивановича
Хвостова, и пр. и пр.* По случаю сего
стихотворенія, въ одномъ журналѣ
изъявлено было желаніе: «чтобы бла-
годарная природа наградила почтен-

наго пѣвца своими дарами, и за каждый прекрасный стихъ его сочиненій, подарила его вощину и пшениколоснымъ колосомъ.» Желаніе некрепнее и полезное, къ которому безъ сомнѣнія, великой пресовокупить и свое, въ той же силѣ,

Послѣ сего изчисленія, нужно ли говорить о *Новыхъ басняхъ и разныхъ стихотвореніяхъ Г. Ржевскаго*, о поэмѣхъ: *Александродѣ*, *Г. Свѣчина*, *Димитріи Донскомъ*, *Г. Орлова* и *Гретанкѣ*, неизвѣстнаго и пр. и пр.? Если скажутъ, что все написанное съ рѣзкими и въ извѣстныхъ стихотворныхъ размѣрахъ, принадлежитъ поэзіи, то конечно, должно вспомнить и о стихѣхъ и о вѣкошорыхъ другихъ произведеніяхъ, которыми починалъ я фигурую умолчанія; но только вспомнить — и больше ни слова.

Изъ сборниковъ, появившихся въ прошломъ году, особенно вниманія заслуживаютъ: *Малороссійскія пѣсни*, издан. Г. Макенмовичемъ, въ Москвѣ; трудъ похвальный и хорошо исполненный. Послѣ Князя Цершелева, издавшаго такъ называемыя пѣсни *бандурныя* (*), никакъ еще не прогаль богатаго запаса Малороссійскихъ пѣсень, копорыя какъ по слогу, такъ и по прелестной своей музыкѣ, должны занять первое мѣсто между народными пѣнями славянскихъ племень, населяющихъ Россію. Изданный Г. Макенмовичемъ малороссійскій пѣ-

---

(*) *Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень*, С. П. Бургъ, 1819. — *Бандурная* малороссійскія пѣсни суть тѣ, кои заключаютъ въ себѣ преданія объ украинской старинѣ. Пѣсни сіи сложены вольными стихами, безъ особеннаго, опредѣленнаго мѣтра и разивающіяся речитативомъ, съ аккомпанированіемъ бандуры.

сенникъ конечно еще не полонъ: многихъ изъ лучшихъ пѣсень мы въ немъ не находимъ: но для составленія полнаго пѣсенника, должно бѣ было не только путешествованъ, а жить въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и Украины, и на это требовалось бы посвященіе нѣсколько лѣтъ жизни; чего, при другихъ занятіяхъ и обязанностяхъ, едвали невозможно. Будемъ благодарны Г. Собирашело и за сей первый опытъ, который, должно надѣяться, откроетъ поле и другимъ литераторамъ къ составленію подобныхъ сборниковъ. Скажемъ также мимоходомъ, что баллады: *Твардовскіи*, могъ бы онъ и не помещать въ своемъ собраніи малороссійскихъ пѣсень, потому, что она не принадлежитъ къ народнымъ пѣснямъ. Это слабое подражаніе балладъ Г. Мицкевича, съ копорою, относительно къ слогу и

поэзиі, она разнится, какъ черное съ бѣлымъ. Въ Москвѣ издано также *Собраніе романсовъ и пѣсень для прекраснаго пола*, въ 2 часняхъ. Это собраніе не отличается строгимъ выборомъ; здѣсь всему было мѣсто: и хорошему, и посредственному, и слабому, и все это перемѣшано съ самою назидательною шершавостью. Въ Москвѣ же вышло, и также въ 2 часняхъ: *Собраніе шарадъ*, въ пользу и употребленіе любителей гранд-насъяна и другихъ такого рода невнятныхъ занятій.

Къ числу стихотворныхъ нашихъ приобретений за прошлый годъ, должно призоовать нѣсколько сочиненій драматическихъ. Начнемъ съ трагедій. Въ февраль мѣсяцъ была представлена и напечатана трагедія Г. Кашенина: *Андромаха*. Многіе думали, что это новый переводъ Андромахи

Распозной, и обманулись. Трагедія Г. Кашенина есть собственное его сочиненіе, а не переводъ или подражаніе. Завязка, ходъ ея, время и мѣсто дѣйствія совершенно новы: Сочинитель основалъ всю занимательность трагедіи на манеринской любви Андромахи къ сыну ея Асшіанаксу и приковалъ соучасніе зрителей къ судьбѣ сего послѣдняго. Въ положеніи дѣйствующихъ лицъ и въ игрѣ сраженій много неспины; но слабая сторона сей трагедіи — есть ея сложеніе. — *Баязеть, трагедія Расина*, пер. Г. Олнна. Что сказано объ этомъ переводѣ? Во первыхъ то, что онъ не былъ предсавленъ на театрѣ; во вторыхъ, что въ смѣси Русскаго Ивана помѣщено было Баязету Г. Олнна похвальное (и, кажется, надгробное) слово; а послѣ переводъ сей былъ опѣванъ въ другихъ журналахъ и по-

хоронень въ книжныхъ лавкахъ. *Федра, трагедія Расина*, пер. Г. Чеславскаго. Послѣ перевода Г. Лобанова, сія Федра можетъ занять первое мѣсто между своими *соименницами*, которыхъ, если не ошибаюсь, у насъ *одинадцать* на рускомъ языкѣ, печатныхъ и рукописныхъ. Къ слову пришлось сказать вообще о переводахъ трагедій Расиновыхъ: славному французскому трагикъ не совсемъ повезло на нашемъ языкѣ; ни одинъ изъ извѣстныхъ у насъ переводовъ его трагедій не удовлетворенъ вполнѣ тѣмъ условіямъ, которыхъ починатели Расина вправѣ пребывать оныя его переводчиковъ (*). *Аннибалъ на развалинахъ Карфагена*, такъ названнаго *драмати-*

(*) Между семи переводами много такихъ, къ которымъ не грѣшно прибавить французскій каламбуръ пѣкшоратаго оспрослова, сказанный объ одномъ изъ нихъ: *c'est Racine déraciné.*

теская поэма Г-на Д. Спурейскаго. Здѣсь иногда дѣйствующія лица разглагольствуютъ сами съ собою или съ другими дѣйствующими лицами, иногда же авторъ за нихъ разсказываетъ сѣихами, что они дѣлаютъ и думаютъ и чувствуютъ. Монологи длинны и скучны: въ нихъ безпрерывно одно и то же; вслѣдствіе повѣствовательныя также не шевелятъ ни сердца, ни воображенія. Изъ комедій, игранныхъ на здѣшнемъ театрѣ и напечатанныхъ, упомянемъ о переводѣ комедіи Мариво: *Les fausses confidences*, съ довольно страннымъ заглавіемъ: *Обманъ въ пользу любви*. Тонкости свѣтскаго парѣчія, въкогда употребительныя въ лучшихъ парижскихъ общесѣвахъ, въ этомъ переводѣ Г. Кашенинымъ хорошо переданы на рускомъ языкѣ. *Женатый философъ*, ком. Дешуша и *Двое за четверехъ*, другая комедія француз-

скаго же театра, переведены въ стихи Г. Каратыгинымъ. Если Г. Каратыгинъ обратитъ выборъ свой на лучшия и ближайшия къ нашимъ или по крайней мѣрѣ къ общимъ правамъ французскія комедии; если приметъ будетъ обрабатыванье свой слогъ и получитъ болѣе навыка въ механизмѣ стиховъ; то безъ сомнѣнн совокупитъ въ себѣ, съ отличнымъ трагическимъ актѣромъ, и хорошаго комическаго писателя. Это было бы весьма интересное явленіе въ нашей словесности. Первые опыты Г. Каратыгина, какъ писателя, обѣщаютъ уже много. Въ Москвѣ напечатана оригинальная комедія въ стихахъ: *Писатели между собою*, соч. Г. Головина. Судя по долготѣ ея, можно заключить, что сочинителю ея стихи досаждаютъ легко; но легко ли онъ ихъ досажается читателю? это другой вопросъ, кошо-

рый пояснненъ, когда скажемъ, что комедія не занимательна по содержанию и что скучная завязка не выкупаешся въ ней ни комическою солью, ни веселостью, ни хорошими сцѣнами. Два водевиля, передѣланные съ французскихъ: *Гусарь-невѣста*, Г-мъ М. Яковлевымъ, и *Встрѣча въ гавани*, Г-мъ А. Рѣдкимъ, поворачиваютъ небогатый печальный запасъ драматической нашей литературы за прошлый годъ. Последний изъ сихъ водевилей лучше перваго и по выбору предмета, и по оцѣнкѣ сценокъ.

Проза наша въ прошломъ году была и того скуднѣе произведеніями собственно - литературными. Кажется, все они мѣшались въ альманахахъ и журналахъ. Кромѣ переводовъ, осмальное за нѣмъ число едва ли сооставляетъ полный десятокъ заглавій; и того заслуживающихъ вниманія книгъ

еще меньше. После сего нельзя не подивиться безмолвию, съ какимъ Московскіе журналы, допустившіе въ составъ свой библиографію и критику, вѣршили *Сознанія Г. Булгарина*. Издашеть, нѣсколько льтъ извѣстный въ нашей словесности, охотно читаемый публикою, издашеть прехъ журналовъ, заслуживаль, что бы *о геттырехъ частяхъ* его сочиненій помещено было покрайней мѣрѣ библиографическое извѣщеніе, если не хотѣли ихъ удостоить полнаго разбора. Молчаніе въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, не есть обида сочинителю, а нѣкоторымъ образомъ неуспѣха въ словѣ передъ публикою, которой Гг. Издашети общающае давалъ опечены обо всѣхъ печатныхъ новостяхъ; нѣтъ болѣе, что въ *Сознаніяхъ Г. Булгарина* помещено нѣсколько статей новыхъ, нигдѣ дошоль не напечатан-

ныхъ. Уже нѣсколько лѣтъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ замѣтно странное явленіе: ими овладѣлъ духъ личности, вовсе неутѣшительный для публики, и болѣе ошъучивающій ее ошъчшеніи, нежели заманивающій къ оному. Въ журнальныхъ нашихъ войнахъ повторяется сцена Трикомина и Вадіуса: сперва взаимныя вѣжливости, послѣ легкія замѣчанія, потомъ колкости; и наконецъ противники-журналы не опасаются уже слова на слово, и на олицетворенныхъ мнѣніяхъ, а не касаются самихъ лицъ. Часто не одни журналисты, но ихъ приятели и даже знакомые литераторы подвергаются преслѣдованіямъ, намекамъ и привязкамъ противной стороны. Безпристрастнѣе рѣдко бываетъ девизомъ въ этой войнѣ; ищущъ придиракъ, а не

нешины, заботящаяся о томъ, чпобы
 подмѣшпшь слабую сторону, а не о
 томъ, что бы показать дѣло съ на-
 стоящей точки зрѣнія. Посему - то
 сочиненія, не заслуживающія никакого
 упрека, бывають разкорены въ одномъ
 журналѣ только за то, что прежде
 были похвалены въ другомъ. Словомъ,
 всемъ равно доснается, и правому и
 винованому. Такъ, въ родовыхъ ссорахъ
 иѣкошорыхъ полу-дикихъ племень, не
 бывають пощады даже самымъ даль-
 нимъ родственникамъ и друзьямъ враж-
 дующихъ. Скучная наша полемика за-
 ключается въ антикришикахъ, рекри-
 шикахъ, и ре-антикришикахъ, кошо-
 рья нерѣдко шащашъ за собою длинную,
 непрерывную цѣль новыхъ *ре и ре-анти-*
кришикъ. Даже иногда проснорное по-
 ле журналовъ снановпшеса иѣсно для
 сихъ черпшальныхъ добощъ: бойцы-
 словесники, не довольешвуясь шяже-

лымъ оружіемъ полновѣсныхъ своихъ журнальныхъ сшашей, перебрасывающіеся рукоменными книжонками, конторы почти никогда не попадаютъ мѣтко въ прошивника и увеличатъ изъ виду у читателей не вверхъ, а подъ ешоль. Чшо же въ этихъ перепалкахъ? доказана ли ими хоть одна истина? — Нѣтъ. Обѣ прошивныя стороны горячашея, ошибивающея ошь цѣли и вдающея въ личность и призрашніе; а читашелли, люди вовсе посторонніе въ незанимашельной тяжбѣ лицъ, а не мѣшій, досадууютъ, чшо вмѣсто дѣльныхъ сшашей, ихъ угощаютъ прищупашенными ошрошашми и часшо непоняшными намешками. Ошь литерашурныхъ журналовъ чшашающаа публика шребуешъ разнообразіа; гдѣ жъ оно, когда въ нѣсколькихъ книжкахъ сряду швердшшея одно и шожеш? Мшѣ кажешся, кришшкъ, печашал раз-

боръ какого-либо сочиненія, высказавъ уже о немъ свое мнѣніе; поспореній ни сколько не нужно, оповѣновъ на брагичивыя аншикришки и того меньше. Напрасно къ этому случаю примѣняютъ поговорку: *кто молчитъ, тотъ соглашается*; здѣсь молчаніе должно толковаться такимъ образомъ, что кришникъ осмѣялся при своемъ прежнемъ мнѣніи и всѣ дальнѣйшія *амплификаціи* словъ *да* *и* *нѣтъ* счтаетъ излишними. Что касается до колкошей, и ш. и., то—если уже самолюбіе авторское не можешь ихъ снести безоповѣно, —съ ними можно бы было развѣдываться самою короткою шуткою, острою и приномъ неоскорбительною для образованнаго вкуса.

Довольно объ этомъ. Можетъ быть, за сіе чистосердечное изъясненіе моего образа мыслей, и мнѣ не избѣ-

нужь критики; жду ея смѣло. А между тѣмъ, возвращаюсь къ прежнему своему предмету.

Кромѣ *Сочиненій Г. Булгарина*, въ литературной прозѣ 1827 года съ удовольствіемъ можно упомянуть о *Сочиненіяхъ Е. В. Фукса*, которыя, если не вовеcъ безпогрѣшны въ слогѣ, но въ замѣнъ онаго имѣють другое, неопылемое достоинство для нашихъ современниковъ, по воспоминаніямъ о рускомъ героѣ Суворовѣ. Сочинитель похвальнаго слова знаменитому рускому Пешоріографу, Г. Иванчинъ-Писаревъ, издалъ въ 2 частяхъ выборъ изъ его твореній, подъ заглавіемъ: *Духъ Карамзина*. Книга сія имѣеть для русскихъ также достоинство воспоминаній; въ другихъ отношеніяхъ, она не можеть замѣнить собою полныхъ сочиненій славнаго нашего писателя, тѣмъ болѣе, что

выборъ дѣланъ былъ безъ строгой разборчивости и не всегда удачно. *Письма о Восточной Сибири*, Г. А. Маршоса, заключающъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о семь опдаленномъ краѣ Россіи. Жаль, что изъ описаній Г. Маршоса, нельзя себѣ составить полной картины Сибири; жаль также, что слогъ сочинителя мѣстами неправиленъ и тяжель для слога письменнаго. *Малороссійская деревня*, Г. Кулжинскаго, описана, кажется, съ тѣмъ, чтобы представить Малороссію въ такомъ видѣ, какъ испанскіе и французскіе путешники Флоріановы; но имѣя честь быти землякомъ Г. Кулжинскаго, замѣчу ему, что наибъ опеченливый вѣкъ пребудеть въ описаніяхъ существенности, а не мечтательности, въ картинахъ вѣрности красокъ, а не изиженности, и въ описаніяхъ точности, а не на-

шяжки. Впрочемъ, съ Малороссією эшимъ еще не кончилось: пѣкно другой сочинитель, Г. Пв. Т... въ, напечаталъ въ Москвѣ романъ: *Госницкій, съ описаніемъ нравовъ и обичаевъ Запорожцевъ* — сказано въ заглавіи, хоня и невидно на дѣлѣ. Романъ сей похожъ на нѣ рукописи, въ которыхъ чаще всего встрѣчающа пропуски и недонески. *Двѣ повѣсти: Коринна и Эмма*, соч. Г-жи Любови Кричевской, заслуживающъ вниманія по своему содержанию и слогу; еще болѣе поному, чню сочинительница, чуждая авторскаго самолюбія, издала ихъ съ пользу матери своей. — *Алексѣй и Ольга, руска повѣсть* Г. Бушмакина, не заключаешъ въ себѣ ничего новаго и напоминаетъ много стараго. Какой-но благомыслящій писатель издалъ въ Пенсербургѣ: *Подарокъ зело-свѣству, или лекарство отъ поедин-*

ковь. Цѣль конечно полезная и хорошая; но дай Богъ, чино бы она увѣнчалась успѣхомъ и чино бы лекарство сіе было дѣйствительно. Застарѣлыя предрассудки гораздо труднѣе излечивать, нежели застарѣлыя болѣзни.

Изъ книгъ историческихъ въ прошедшемъ году явилось двѣ, относящіяся къ жизни въ Божь почитающаго Императора Александра. Одна изъ нихъ: *Последніе дни жизни Незабвеннаго Монарха, Государя Императора Александра I*, (изданная книгопродавцемъ Заикинымъ), какъ по предмету своему, такъ и по содержащимся въ ней подробностямъ, основаннымъ на письмахъ и словесныхъ показаніяхъ очевидцевъ, весьма заслуживаетъ вниманія. Другая, издан. въ Москвѣ: *Жизнь, знаменитыя дѣянія и достопамятныя изреченія Императора Александра I*, есть на скорую

руку составленная компиляція, безъ плана, полноты и порядка. Исторія двадцати-пятии лѣтняго царствованія Императора Александра, богатая событіями необыкновенными, требуетъ отъ писателя дарованій, искусства и опытности, которыхъ достающа въ удѣлъ немногимъ. *О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*, Г. Зиновьева, есть опытъ, конечно несовершенный и не изъятый отъ ошибокъ, но заслуживающій вниманія по важности своего предмета и по старанію Сочинителя представившій отъ сколько можно въ ясномъ свѣтѣ. *Матеріалы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи*, и *Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, два сочиненія Г. Кеппена, весьма полезныя для настоящихъ и будущихъ историковъ

и археологовъ. Сюда же можно отнести: *Разсужденіе о происхожденіи купеческаго состоянія въ Россіи*, соч. В. Болшнина. — *Опытъ нагертанія исторіи царства Армянскаго*, соч. Г-ды Я. и Д. Арзановыхъ, заключаетъ въ себѣ много любознательныхъ сказаній о древности происхожденія армянскаго народа и проч. Напрасно однакожь Гг. Сочинители не попытались положить граничную черту между баснословными преданіями и существенно исторіею своихъ предковъ. Первый шагъ къ опрѣвленію достоверности оныхъ сего хаоса, былъ бы уже важною услугою для всеобщей исторіи народовъ. Не должно также позабыть о вышедшихъ въ 1827 году новыхъ изданіяхъ, исправленныхъ и дополненныхъ, трехъ весьма важныхъ историческихъ твореній: *Руководства къ познанію всеобщей политической Исторіи*, Г. Кайданова, *Краткаго на-*

вертанія всеобщей Исторіи, его же, и Словаря Историческаго о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго зина, соч. Преосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго.—Жизнь и нѣкоторыя сочиненія, оставшіяся послѣ смерти Г. Академика Шуберта, изд. Г. Павроцкимъ, хотя послѣднею своею половиною и принадлежишь болѣе къ разряду книгъ математическихъ; но здѣсь помѣщается, какъ біографія знаменитаго нашего академика.

По другимъ отраслямъ наукъ и познаній, напечатано въ прошломъ году также нѣсколько весьма замѣчательныхъ сочиненій и переводовъ. Число ихъ, сравнительно съ прежними годами, подаенъ опрадную надежду на будущее, надежду, что разпространеніе полезныхъ знаній водворитъ наконецъ у насъ просвѣщеніе сущесвенное и основательное, а не сбивчивое

и поверхностное. Изчислимъ ученыя наши пріобрѣшенія въ книгахъ, изданныхъ за 1827 годъ. По части Богословія, философіи, правоученія, воспитанія и проч. *Очевидность Божественнаго произхожденія Христіанской религіи*, соч. Женингса, пер. Г. Владиславлева; *Логика*, сочиняющая 1 часть *Курса философіи*, соч. Г. Доддева-Магарскаго; *Память доброй матери, или послѣдніе ея совѣты дочери своей*, соч. на польскомъ языкѣ Г-жи Таиьской. Книга сія, заключающая въ себѣ хорошо начертанный курсъ нравственнаго воспитанія молодыхъ дѣвицъ, занимательная по изложенію, предлагаемымъ въ ней примѣрамъ и слогу, весьма хорошо переведена одною изъ нашихъ соотечественницъ (*).

(*) Для первоначальнаго образованія дѣтей, издава также весьма хорошая книжка: *Постепенное чтеніе для дѣтей*, въ 4 частяхъ. Это подражаніе извѣстному английскому сочиненію миссисъ Барбо.

По части законовѣдѣнія, упомянемъ сперва, какъ о твореніи, связующемъ теорію нравственнаго философіи съ примѣненіемъ оной въ порядкѣ гражданскихъ обществъ, и. е. съ правами, о *Платоновыхъ разговорахъ о законахъ*, оплменно хорошо переведенныхъ съ Греческаго языка Г. Оболенскимъ. Изъ книгъ, относящихся къ собственно-россійскимъ законамъ и правамъ, изда ны: изъ *Собранія россійскихъ законовъ*, составляемаго Гг. Хавскимъ, *Уголовное уложеніе; Демида, или начертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей женскаго пола въ Россіи*, составл. Г. Цар. Васильевымъ. Не смотря на ошибочность перваго заглавія (*Демида*), книжка сія имѣетъ свою цѣну: въ ней собрано все, что въ Россійскихъ законахъ относится до нашихъ соотечественницъ. Мы кажемся только, что изъ уваженія къ нимъ, Г. Состав-

вышелъ сей книжки могъ бы умолчать о томъ, оныя чего оцѣ избавляюшей. *Собрание Россійскихъ законовъ о счетоводствѣ, или Государственномъ Контролѣ въ Россіи*, сошавъ. Г. Пестовымъ, и *Конспектъ занятій уѣзднаго Суда*, соч. Г. Радугинымъ, — принадлежатъ также къ числу хорошихъ книгъ для руководства и справокъ. По части манеманики и прикосновенныхъ къ ней наукъ: *Полный курсъ чистой Математики*, соч. Франкёра, со 2 изд. переведенный Гг. Офицерами Главнаго Штаба: Христіани, Крюковымъ и Болонновымъ (ч. I); *Русская математическая Энциклопедія*, Г. Профессора Московскаго Университета Д. Перевощикова (4 книги); *Курсъ военнаго искусства*, соч. Г. Инженеръ-Генераль-Маіоромъ Барономъ Эльперомъ и переведенный Г. Инженеръ-Капитаномъ Ломновскимъ; *Тео-*

рїя и практика измѣренїя зорь барометромъ, соч. Г. опеншавнаго Полковника Терлецкаго; и Таблицы для вычисленїя процентовъ на денежныя капиталы, Г. Усова. По мореплаванїю: XII томъ Записокъ, издаваемыхъ Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ. По химїи: Начальныя основанїя Химїи, Г-на А. Ювскаго, второе изданїе, совершенно вновь переработанное; и О важности химическихъ изслѣдованїй въ кругу наукъ и искусствъ, его же. По врачевнымъ наукамъ: Фармакографїя, или химико-врачебное предписанїе приготовленїя и употребленїя новѣйшихъ лекарствъ, Г. Профессора Нелюбина; и Наставленїе о приготовленїи и употребленїи нѣкоторыхъ сильнодѣйствующихъ лекарствъ, соч. Мажанди, пер. Гг. Реслера и С. Спаскаго. По естественной исторїи: Краткое нагертанїе Естественной

Исторіи животныхъ, Г. Профессора Ловецкаго. По статистикѣ, сельскому хозяйству и технологіи; здѣсь, прежде всего, должно упомянуть о весьма важной и полезной книгѣ, подъ заглавіемъ: *Государственная внѣшняя торговля, 1826 года, въ разныхъ ея видахъ*. Превосходный порядокъ въ изложеніи предметовъ и въ составленіи таблицъ, весьма облегчить труды статистиковъ, которые найдутъ въ этой книгѣ полные запасы для свѣдѣній о русской торговлѣ. *Описаніе Тульского оружейнаго завода, въ историческомъ и техническомъ отношеніи*, соч. Г. Добшора Гамеля, знакомитъ насъ въ подробностяхъ съ этимъ образцовымъ заведеніемъ. *Записки о потѣдѣхъ на Нижегородскую ярмарку*, Н. Тяррина, показываютъ наблюдательный взглядъ сего молодого человека, воспитаннаго въ Московской Коммер-

ческой Академіи. *Рѣчь о пользѣ и необходимости водворенія и разпространенія плодоперемѣннаго или усовершенствованнаго земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства въ Россіи*, Г. Шелехова, открываешь многіе полезныя виды по сей важной отрасли народнаго богатства. Жаль только, что ялжель, запущанный слогъ и безконечныя періоды, вредяшь иногда ясности мыслей, предлагаемыхъ въ сей рѣчи. *О шерсти и овцахъ, соч. Гг. Перольта Жотама, Фабри и Жирода, съ примѣчаніями Тасера*, перев. Г-на С. Маслова, также весьма полезная книга для сельскихъ хозяевъ и заводчиковъ. Г. Масловъ, сверхъ ясности изложенія, оказалъ еще шу услугу своимъ соотечественникамъ, что все встрѣтившіяся ему по сей части иностранныя техническія названія весьма удачно замѣнилъ рускими. — По части ар-

* *

хеологіи и бібліографіи замѣчательны двѣ книги: *Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи*, сост. Г. Кеппеномъ, и *Второе приращеніе къ описанію Славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ Графа Ѳ. А. Толстова*, изд. Г. Строевымъ. По части языкознанія, въ русской словесности за 1827 замѣчательны два весьма пріятныя явленія: это *Пространная руская Грамматика* Г. Греча и *Практическая руская Грамматика*, его же. Первой донынѣ вышла одна первая часть; и какъ сочиненіе сего рода и важности требуетъ, чтобъ его размашивали въ полномъ его объемѣ, то, оставая сіе до будущаго времени, скажу нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о Грамматикѣ практической. Она раздѣляется на пять частей: *Этимологию общую; Этимологию частную, Синтаксисъ или*

словосочиненіе, Орвоэнію или произношеніе словъ и Орвографію или правописаніе. Въ энцимологіи часной, наши объ именахъ и глаголахъ обманы и обрабонаны весьма хорошо. оеель наши граммашки говорили о двухъ спряженіяхъ рускихъ глаголь; Г. Гречь своими наблюденіями узналъ три епряженія глаголь правльныхъ. Кажешся, самому зоркому крипку ирудно буденъ ошысканъ, чшобъ кое-либо правило или изключеніе было упущено сочиншелемъ въ эпои еси граммашки. То же можно скашь и о послѣдующей часши, ш. е. словосочиненіи: оно изложено въ равильной и ошченливой еиешемъ и пишашется полношою и ленешю, лкихъ, емѣю можно сказанъ, небыло еще въ рускихъ граммашкахъ. въ орвоэніи или произношеніи словъ, эчиншель собралъ почти все ру-

скія слова, сходныя въ письмѣ и различныя по ударенію и значенію (*омографы*). Съ нѣкоторыми изъ правилъ правописанія, предлагаемыхъ въ 5-й части, мы не совсѣмъ согласны: особливо въ употребленіи прописныхъ буквъ, можно и должно быть бережливѣе, нежели какъ думаетъ сочинитель. Кроме того, что онъ слишкомъ пестряетъ нашу печать и опшимающъ у нея ровность и стройность, столько правящіяся въ книгахъ англійскихъ и французскихъ, представляется еще одно неудобство: не вѣдъ, следуя сему правилу, будутъ удачно употребляны прописныя буквы въ указанныхъ сочинителемъ именахъ нарицательныхъ, какъ напр. *природа*, *востокъ*, и ш. п.; и это подвергнетъ правописаніе наше большей сбивчивости. Желаемъ вмѣстѣ съ сочинителемъ, чтобы наши филологи-криптики

разсмотрѣли и оцѣнили сіе сочиненіе; но вмѣстѣ же съ нимъ, желаемъ критики *дѣльной*, а не кривошолоковъ и придирокъ къ опечаткамъ: такая *псевдо-критика* давно уже всею наскучила. Между тѣмъ, ждемъ 2-й части *Пространной Грамматики*, и въ свое время поведемъ о нихъ слово.

Россійско-Румынская грамматика Г. Марцеллы, указывающъ филологамъ новое поле: доселѣ языкъ румынскій, коимъ говорятъ жители Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, не былъ еще намъ знакомъ грамматически, хотя часть жителей тамошнихъ находилась нынѣ подъ одною съ нами Державою, всѣ они наши единовѣрцы и уже издавна приняли славянскую азбуку, коимъ печатающаюся церковныя ихъ книги. Касательно изящныхъ искусствъ, Г. Лангеръ подарилъ насъ весьма хорошимъ переводомъ (съ ина-

ліянскаго языка) книги Г. Милліціи : *Объ искусствѣ смотрѣть на художества по правиламъ Зульцера и Менгса.* Многія мысли Г. Милліціи объ изящныхъ искусствахъ, могутъ сообщить молодымъ художникамъ свѣдѣнія понятія и заснаванія ихъ смотрѣнія на изящныя произведенія съ новой точки зрѣнія. Г. переводчикъ передалъ ихъ на нашемъ языкѣ съ явностію и точностію, какихъ только можно ожидать отъ художника-антисерафора.

Есть книги, которыя, по странному своему заглавію, содержанію и слогу, не могутъ итти ни въ какое опредѣленіе словесности или учености: для нихъ должно назначить особливую складку, подъ заглавіемъ *смѣсь*. Сюда, изъ вышедшихъ въ прошломъ году книгъ, по праву могутъ поступить : *Словарь физическаго и нрав-*

стивеннаго воспитанія, сопоставленный Княземъ П. Енгальчевымъ, и на-
полненный опчасни анекдотами и
замѣчаніями, вовсе не назидатель-
ными для молодыхъ людей; и *Три по-
дарка критику*, Г. Толмачева. Сими
подарками Г. Сочинитель книги: *Воен-
ное Краснорѣчіе*, осыпалъ своего кри-
тика и одного изъ издательей С. О.
Никшио конечно не попеняеть имъ за
то, что они не рѣшились ошдаривать
на всѣхъ. Забавитеъ всего призна-
ніе Г. Сочинителя *Подарковъ*, что
онъ старался бытъ забавнымъ.

Коснувшись переводовъ при обзорѣ-
ніи книгъ, относящихся къ наукамъ
и ш. п. я, долженъ, для полноты сей
статьи, упомянуть и о переводахъ
собственно-липературныхъ. Сначала
скажу о новомъ, прекрасномъ изда-
ніи *Переводовъ въ прозѣ В. А. Жуков-*

скаго (*), образцовыхъ по искусству, съ какимъ Жуковскій умѣлъ передать мысли и самый слогъ иноязычныхъ писателей. Изъ Греческихъ классиковъ, переводимыхъ П. П. Маршановымъ, изданъ имъ въ прошломъ году (кроме продолженія *Продомовой исторіи*) *Пиндаръ*. Г. де Шапленгъ напечаталъ продолженіе своего перевода сочиненій Г. Жуи о французскихъ правахъ, подъ заглавіемъ: *Гиліомъ Чистосердечный* (Guillaume le franc-parleur). *Путешественникъ Сен-Жерменскаго* предмѣстія, Г. Кольне, весьма хорошо перевед. Г. Очкинымъ, также принадлежишь 1827 году вторюю своею частію. Двѣ арабскія поэмы: *Моаллака Лебида* и *Темимлика Абуль-Олы*, хорошо переведены молодымъ ориенталистомъ

(*) Въ 3 ш. въ больш. 8-ю д. Сіе изданіе переводовъ Г. Жуковского издано въ томъ же форматѣ и такъ же красиво, какъ 4 ш. его *Сочиненій въ стихахъ и прозѣ* (послед. изданія).

Г. Бопьяновымъ. Наконецъ и у насъ принялись переводить Вадлера Скопша; но часто, на зло славы сего писателя, переводить въ двойномъ смыслѣ. Изчислимъ вышедшія въ прошломъ году на русскомъ языкѣ его сочиненія, не по порядку ихъ относительнаго достоинства, а поному порядку, въ какомъ должно разирѣдѣнны слоги и умѣнье Гг. переводчиковъ. Романы: *Веверлей* (Waverley); *Песня Ламермурская*; два перевода *Писемъ Павла о Франціи* (изъ нихъ, лучшей по слогу и вѣрности перевода, лучше и издавъ; 2 т. въ 8), *Кентень Дурвардъ* (Quentin Durward), *Талеманъ или Ригардъ въ Палестинѣ*. Поэмы: *Владѣтель острововъ* (the Lord of Isles) и *Битва при Ватерлоо*, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ его же *Балладъ*. Сему же знаменитому писателю приписана, не знаю къмъ и въ какую силу, русская и

дурно по руски разсказанная повѣсть: *Награда супружеской вѣрности*. Если бы эпоть и прежніе подарки на его имя, опть лица переводчиковъ или книгопродавцевъ московскихъ, дошли до него, шо опть вѣрно бы не порадовался имъ. Въ Москвѣ же нанечашаны: *Невидимые*, соч. А. Лафоншена, которые лучше бь остались для насъ *невидимыми*, и *Дамскій разсказчикъ*, о которомъ шакже не много можно разсказашь хэрошаго.

Вошть, по возможности, доспапточное обозрѣніе всего, что появилось у насъ въ печати за *десять мѣсяцевъ* 1827 года. Безъ сомнѣнія здѣсь есть пропуски (*): но я уже выше объя-

---

(*) Изъ сихъ пропусковъ, починаю обязанноспію исправити два, вовсе неумышленные. Въ изчисленіи С. П. бурскихъ журналовъ, я позабылъ сказашь о весьма хорошихъ и полезныхъ періодическихкихъ изданіяхъ: *Военномѣ журналь*, косто донѣшъ (по 1 Июля) вышло пять книжекъ; и

видъ, что не пишу полнаго каталога книгъ, вышедшихъ за прошъ годъ. Изъ сего обзорнiя однако же можно видѣть, что, сравнительно, журналовъ и книгъ, касающихся до наукъ, познаний и воспитанiя, появилось въ 1827 году болѣе, нежели собственно либеральныхъ; а между сими послѣдними (кромѣ журналовъ, альманаховъ и книгъ переведенныхъ), произведенiй поэзiи было несравненно болѣе прозы. Это и неудивительно: у насъ легче сдѣлалось писать стихами, нежели прозою. Въ короткое время европейской нашей образованности, и. е. съ тѣхъ поръ, какъ мы почувствовали нужду въ наслажденiяхъ ума и воображенiя,

---

Дѣтскiй Собесѣдникъ, издав. Гг. Гречемъ и Булгаринымъ при другихъ ихъ журналахъ. Въ немъ, кромѣ занимательныхъ повѣстей и сказокъ о разныхъ наукахъ, приспособленныхъ къ дѣтскимъ понятiямъ, особенно замѣчательны *Разговоры о русской грамматикѣ и правописанiи*, составленные Г. Гречемъ.

у насъ было гораздо болѣе отличныхъ поэзовъ, нежели прозаиковъ; сама поэзія привлекала къ себѣ и болѣе пылкую и пылкую, усѣху ея быспрѣе и блистательнѣе прозы для воображенія юнаго и пылкого, усѣху ея быспрѣе и блистательнѣе. Посему весьма естественно, что молодые наши литераторы, прельщаясь и возпламеняясь чужими усѣхами, охотнѣе всего принимающае за стихи. Прибавимъ, что наша руская проза представляла болѣе трудносней, и что трудносней ея важнѣе шѣхъ, кои зависятъ отъ стихотворной мѣры, рѣчмы, благозвучія и проч. Главнѣйшая изъ нихъ состоятъ въ томъ, что проза пребуетъ у насъ обширнѣйшаго и основательнѣйшаго знанія языка, болѣе почносней, болѣе описательносней въ выраженіяхъ, копоры писатель долженъ почти безпрестанно творить самъ, поному что образцами, изъ

конхъ бы можно было замешиваться, мы еще весьма не богаты. Для сннховъ у насъ уже сосна-вился какой-то языкъ условный, въ конноромъ придуманы обороты и даже подобраны многія выраженія, принятыя или не принятыя здоровымъ вкусомъ. Какъ бы то ни было, молодые, малозвѣстные и вовсе неизвѣстные наши сннхотворцы ловятъ ихъ на дешу и списываютъ у старшихъ и извѣстнѣйшихъ, и изъ всего этого соснавляется какъ бы ходячій словарь запасныхъ словъ, оборотовъ и проч.; а изъ гошоваго запаса легче брать, нежели прискивать и придумывать самому. То же можно примѣнить и къ выбору предметовъ: и здѣсь также есть свои *данныя*. Сіе явленіе въ литерашурномъ нашемъ мнрѣ легче объясннтся чрезъ сравненіе съ шѣмъ, что мы ежедневно видимъ въ нашемъ

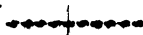
же свѣтскомъ бышу. Многіе изъ нашихъ единоплеменцевъ , даже изъ людей разсудительныхъ и , положимъ , въ равной мѣрѣ знающихъ руской и французской языки , охотнѣе и свободнѣе говорить и пишущъ по-французски , нежели по-русски , потому только , что во французскомъ языкѣ все придумано , все готово : и привѣщевія , и фразы , и обороты рѣчи ; ни надъ чѣмъ не нужно самому ломать голову. Это средство изъясняться свободно , прилично и безъ дальняго труда для ума , правится лѣни и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже льститъ самолюбію.

Въ произведеніяхъ молодыхъ нашихъ стихотворцевъ почти всегда можно замѣтить способъ выраженія , отдѣлку стиховъ , даже приращеніе къ нѣкоторымъ словамъ и речамъ того или тѣхъ поэтовъ , которыхъ они болѣе начинались. Подражательность дѣлается

для нихъ второю природою; за по-
 большая часть ихъ элегій, посланій,
 съ *томленіями жизни*, съ *тоскою*
по лучшемъ и т. п., навѣяны повѣн-
 ріемъ скуки. Подражатель никогда не
 достигаетъ совершенствъ своего об-
 разца: онъ всегда будетъ слѣдовать
 за нимъ издали, скользнуть и упасть,
 или пресмыкаться. Жуи сказала од-
 нажды, что *подражаніе всегда криво*
и хромо, и это суцая правда: оно не
 видно въ оба глаза своего образца,
 и когда хочешь идти за нимъ по пя-
 тамъ, то безпрестанно спотыкаеши-
 ся. «Отъ чего» — прибавляетъ Жуи —
 «такое пранворное однообразіе въ
 «нынѣшней нашей словесности? Отъ
 «того, что все подражаютъ, а ни-
 «кто не шворитъ; отъ того, что
 «каждый хочеть быть *другимъ*, а не
 «самимъ собою... Наши словесники,
 «поддѣлывая безпрестанно свой умъ

« подь чужой , спали похожи на шѣхъ
 « дикарей , которые сдавливають го-
 « ловы у поворожденныхъ дѣшей своихъ,
 « чшобы дань имъ *условную форму* ,
 « и не забопяшея о шомъ , не сдви-
 « нушь ли съ мѣсна и не спшесунуть ли
 « мозгъ у ребенка. » — Не шо ли самое
 можно сказашь и о нашихъ рускѣхъ
 подражанцеляхъ? Дѣши ихъ воображенія,
 стихи ихъ, носящъ на себѣ ошпечашокъ
 скучнаго однообразія: оиъ того, чшо ихъ
 пишунуть въ чужую форму и обѣкають
 по чужому росну , ои вляы , безцвѣш-
 ны и безжизненны. Поэзія должна под-
 ражашь только природѣ, вѣчно юной и
 разнообразной : она должна бышь всег-
 да жива , всегда измѣнчива , никогда не
 повторяшь себя , но безпрестанно ще-
 кошашь воображеніе новою прелесшью,
 новымъ очарованіемъ. Безъ шого , во-
 ображеніе ушомляошея и засыпаешь.

О. Сомовъ.

ПАДЕНІЕ ВЕНДЕНА.

Историческая повѣсть.

(Дѣйствіе въ XVI-мъ вѣкѣ.)

(*Посвящено М. А. Лон...вой.*)

Грозень былъ видъ высокихъ башень и стѣнъ Вендена, для покоренныхъ луземцевъ Ливоніи. Подобно исполнѣну возвышался замокъ надъ городомъ и холмистыми окрестностями, ограждая власнѣ гермейстеровъ ордена Меченосцевъ. Уже сокрушилось могущество ордена, Ливонія перемѣнила власнѣшность. Но унылый попомокъ вольнаго нѣкогда племени, въ униженіи еще дивился силѣ, воздвигнувшей сѣи громады сросшихся отъ времени камней, которые презирали и буйство силій и вражду человѣческую. Неприступная, древняя пивердыня, поросшая мохомъ, возбуждала къ себѣ ува-

••

женіе, подобно сѣдинамъ старца, свидѣлемъ исчезнувшихъ поколѣній. Теперь, въ раздорѣ трехъ державъ за обладаніе Ливоніею, укрывался здѣсь безимѣнный Король Ливонскій, Магнусъ, оиъ гитва Рускаго Царя, оиъ страшнаго гитва Іоанна Грознаго.

Ночь была мрачная: осеннія облака закрывали луну. Печально освѣщивались сѣрыя стѣны зѣмка при блескѣ огней рускаго стана. Огненная полоса, извивалась змѣею по берегамъ рѣки Аа, по холмамъ и долинамъ, опоясывала городъ и зѣмокъ, указывая во мракъ мѣсна, занимаемая безчисленнымъ рускимъ воинствомъ. Глухой гулъ оиъ смѣшанныхъ голосовъ, подобно шелесу листвьевъ въ бурю, раздавался вдали. Но въ зѣмкѣ и въ городѣ царствовала могильная тишина. Въ безмолвномъ ужасѣ смотрѣли спражи съ башень на несмѣнную рашь рускую, которая уже

прошла половину Ливоніи, заливая
 пожары кровію жншедей. — Іоанна по-
 читали въ Ливоніи исполнителемъ Бо-
 жескаго правосудія, предвѣстникомъ
 страшнаго суда.

Въ грустной думѣ сидѣлъ Магнусъ,
 передъ камнемъ въ уединенной ком-
 натѣ замка. Надежда ослѣбла изъ
 сердца и страхъ обуревалъ слабую его
 душу. Внезапный шрескъ пылающаго
 дерева прерывалъ его размысленія,
 заславляя содроганьемъ, и собствен-
 ная шѣнь ушрашала больное его во-
 ображеніе. Съ неперѣннемъ поглядывалъ
 онъ на двери и прислушивался. Все было
 тихо. Наконецъ послышался шумъ въ
 коридорѣ: онъ вспалъ, закушался въ
 свой красный плащъ, надвинулъ на
 глаза круглую шляпу, украшенную
 бѣлымъ шпроусовымъ перомъ, и
 оборотился къ входу. — Дверь
 отворилась и вошла рыцарь въ чер-

номъ полукафтанъ, съ бѣлымъ чрезъ плечо шарфомъ, на которомъ висѣлъ мечъ. Коропкая черная маниія съ бѣлымъ кресномъ на лѣвой сторонѣ, небрежно закинута была на спину. Рыцарь ввелъ за руку челоуѣка небольшого роста и немолодыхъ лѣтъ, на котораго Магнусъ обратилъ все свое вниманіе. Рыжіе, включенные волосы, какъ пламя свѣщались, низпадая по плечамъ. Небольшая и рѣдковолосая борода не закрывала бѣдныхъ щекъ, а сѣрые глаза ярко сверкали въ полумракѣ. Онъ былъ въ буромъ кафтанѣ, описанномъ кожаными кушакомъ съ мѣдными дощечками. Невыдѣланная кожа составляла его обувь, по обычаю эспонскихъ поселянъ. — Чрезъ плечо, на ремнѣ висѣла сума изъ волчьей шкуры, шерстью вверхъ. При входѣ въ комнату, онъ снялъ рысью шапку и низко поклонился Магнусу. —

Фонъ Дольстъ, — сказала Магнусъ
 рыцарю, — знаешь ли онъ по-нѣмец-
 кѣ? — «Знаешь.» — «Итакъ мы съ
 обою будемъ говорить по-лапыни.»
 Рыцарь склонилъ голову въ знакъ по-
 чиненія. Магнусъ возвратился къ
 столу, сѣлъ на прежнее мѣсто, об-
 ѣдился на маленькой столовкѣ и
 позвалъ къ себѣ рыцаря и незна-
 мца. «Благодарю тебѣ,» — сказала
 Магнусъ, «за доставленіе мнѣ ине-
 са друга моего, Герцога Курлянд-
 скаго, но я хочу переговорить съ то-
 ю о другомъ. Меня увѣрили, что
 ты читаешь въ сердцѣ человѣческомъ,
 гаешь всѣ тайныя помысленія и пред-
 сазываешь будущее. Правда ли?» —
 «Испытай, Государь,» отвѣчалъ не-
 знакомецъ, «и тогда узнаешь, должно
 ли мнѣ вѣрять.» — «Что ты думаешь,
 Фонъ Дольстъ?» спросилъ Магнусъ
 рыцаря. «Государь!» отвѣчалъ рыцарь,

« мнѣ извѣстно , что онъ пользуется большимъ уваженіемъ въ Эспляидин , что не только поселяне , но даже рыцари и духовные прибѣгають къ нему въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни и что все его спрашиваютъ и уважають : болѣе я ничего не знаю. » — « Какъ же ты узнаешь будущее : посредствомъ духовъ или по шеченію звѣздъ ? » спросилъ Магнусъ у вѣщуна : « знай , » примолвилъ онъ въ полголоса , « что я не вѣрю духамъ. » Въ это время вѣщунъ пошрясь окно , и Магнусъ вздрогнулъ. Вѣщунъ коварно улыбнулся , и эта улыбка не укрылась отъ вниманія рыцаря. — « Осмѣлюсь повпорить тебѣ , Государь ! » сказалъ вѣщунъ , « испытай и тогда узнаешь меня . О моихъ средсвахъ я не могу и не долженъ говорить. » — « Фонъ Дольсепъ , » сказала Магнусъ , « не обманщикъ ли онъ ? » Рыцарь пожалъ плечами. —

« Оставь насъ однихъ, любезный Дольспъ, » — примолвилъ Магнусъ, « и подожди въ круглой залѣ. » Рыцарь вышелъ, и Магнусъ, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ: « Не для испытанія, но изъ любопытства, хотѣлъ бы я слышать, знаешь ли ты мое настоящее положеніе, мои намѣренія и тайныя думы? » — « Государь, » отвѣчала вѣщунъ, « не зная прошедшаго и настоящего, нельзя узнать будущаго. Чинобы видѣшь по, что находишься за горою, надобно прежде взлѣзть на гору, и зная снѣзю, по консорой должно взбираться. Если угодно, я скажу въ немногихъ словахъ разскажу твою исторію, съ тѣмъ однако жъ, что бы ты, Государь, не прерывалъ меня и слушалъ терпѣливо, безъ гнѣва, ибо въ нашемъ ремеслѣ должно говорить правду безъ прикрасъ. » — « Говори. » — « Прошу позволенія присѣсть, »

сказалъ въпунъ: «ноги мои подгибаются отъ шарости и прудовъ.» Онъ, не ожидая отвѣта, придвинулъ спудъ къ сподлику, сълъ, вынулъ изъ своей сумы двѣнадцать деревянныхъ жезловъ, изчерченныхъ знаками зодіака и странными фигурами, выбралъ одинъ жезлъ и повертывая его передъ своими глазами, началъ говорить: «Государь! судьба даровала брану швоему Фридрику престолъ Датскій, а тебѣ бѣдный островъ Эзелъ, знаменимый одною храбросію своихъ жипелей. Неравенство доль шы думалъ вознаградишь предложенною тебѣ отъ московскаго Царя короною новаго ливонскаго царства, и рѣшился не шолько поклонишься грозному владыкѣ, но женишь на его племянницѣ.» — «Все это шакъ,» прервалъ Магнусъ, нахмурия брови, «но шы пропустилъ, что цѣль моя въ семь дѣлъ состояла въ

шомъ, чтобъ утвердиль благо Христіанства союзомъ съ Россією, и привлечь Іоанна въ общую войну, замышляемую всеми Государями прошиву Мусульманъ.» — «Знаю, Государь, что это былъ явный предлогъ, но я не касаюсь дѣлъ весьма извѣстныхъ, а говоря съ тобою на единѣ, упоминаю только о тайныхъ помышленіяхъ.»

Въщунъ, сказавъ сіе, снова началъ повертываешь жезлъ въ рукахъ своихъ и продолжалъ: «Оставивъ инквизію свою Эзель, ны въ замѣнь нашель у московскаго Царя громкія обѣщанія и малыя корысти. Онъ женилъ тебя на молодой своей племянницѣ, обѣщаль царство, войско и пять бочекъ золота въ приданое.» — «И ничего не далъ, кромѣ жены, за конорою и долженъ ухаживаешь, какъ за ребенкомъ,» возразилъ Магнусъ вспыльчиво. — «Нѣтъ, Государь, онъ далъ тебѣ войско, и шочно для завое-

ванія Ливоніи, но только для себя, а не для себя.» — « Совершенная правда! » воскликнул Магнусъ. Вѣщунъ продолжалъ: « Ливонцы радовались прекращенію вѣчныхъ браней съ Россіею, и принимали новое войско въ свои города. Но крушой правъ шведого покровителя, его медленность въ исполненіи обѣщаній и опасеніе лишиться плода шолкикихъ трудовъ и пожертвованій, внушили тебѣ мысль, Государь.»... Въ это время Магнусъ, слушавшій вѣщуна съ поникшею головою, быestro взглянулъ на него; вѣщунъ продолжалъ: « Внушили тебѣ мысль оплодилось отъ Грознаго Царя и прибѣгнушь къ покровительству польскаго Короля.» Магнусъ вскочилъ съ кресель. « Ужасный человекъ! » воскликнулъ онъ, « уже ли ты... Но ишь, ты не можешь знать тайныхъ мыслей! » — « Государь, » сказалъ вѣщунъ,

не прогаясь съ мѣсна, « не было бы для тебя опасности, если бы я одинъ зналъ твою тайну: но ее знаетъ Царь московскій. ».... « Неужели!.... Но какія онъ имѣешь доказательства? » сказала Магнусъ шорохливо. « У Грознаго Царя подозрѣвань, значить уличь въ преснупленіи.— Онъ уже наказалъ безчестно твоихъ посланныхъ, осыпалъ милостями врага твоего, польскаго пана Полубинскаго и княгиню гнѣвомъ, что ты не явился къ нему съ повинною головою. » Магнусъ онворопился, пошомъ вешалъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ въ задумчивости. Онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто и сказалъ: « Можешь ли ты предсказать, чѣмъ все это кончится? » — « Понышаюсь, » онвѣчалъ вѣщунъ, вынулъ изъ сумы другую связку изчерченныхъ жезловъ и далъ Магнусу выбрать одинъ изъ нихъ. Трещущею рукою прико-

снулся онъ въ волшебнымъ знакамъ и
 посетилъ опданъ въщуну его орудіе.
 Онъ поверпывалъ жезлъ предъ глаза-
 ми, смотрѣлъ и молчалъ. — «Можно ли
 поправить это дѣло?» спросилъ Маг-
 нусъ. — «Смирениемъ, или лучше ска-
 завъ, уничиженіемъ предъ Царемъ мо-
 сковскимъ.» — «Но не уже ли ты ду-
 маешь, что онъ рѣшился умертвить
 меня, сына царскаго, владѣтельнаго
 Князя эзельскаго, супруга своей пле-
 мянницы?» — «Государь, повипоряю,
 одна покорность можетъ спасти те-
 бя.» — «Но что спашенія съ несча-
 стнымъ царствомъ ливонскимъ?» —
 Магнусъ при семъ вопросѣ закрылъ
 плащемъ лице свое, чпобы скрыть
 невольное смущеніе. Въщунъ молчалъ.—
 Магнусъ обратился на него взоры и
 увидѣлъ, что магическій жезлъ пы-
 лалъ въ его рукахъ синимъ огнемъ;
 вдругъ огонь погасъ и онъ задымилъ-

ся. — «Суеша суешь,» сказала вѣщунъ, «такъ проходишь слава земная, такъ исчезаютъ великія намѣренія!» Онъ уложилъ въ свою суму магическія орудія, всталъ со стула и низко поклонился Магнусу, примолвивъ: «Государь! болѣе я не могу опкрыть тебѣ въ одинъ разъ: если хочешь спасти жизнь свою, явись въ спашъ московскомъ и падн къ ногамъ Іоанна. Теперь прошу тебя, вели меня выпустишь изъ воротъ замка: меня ожидаютъ въ другомъ мѣстѣ.» — «Не знаю тебя, но удивляюсь тебѣ,» сказала Магнусъ: «вижу, что ты знаешь прошедшее и настоящее и потому хочу слѣдовать твоимъ совѣщаніямъ. Языкъ твой и высокій умъ свидѣтельствуютъ, что ты не рожденъ въ сословіи поселянъ эстонскихъ, хотя носишь ихъ одежду. Скажи мнѣ, кто ты наковъ? Быть можетъ, я

могу оказать тебе помощь и услугу, современемъ, если Богу угодно будетъ сохранить голову мою для вѣнца.» — «Благодарю тебя, Государь, за участие,» сказала вѣщунъ, «но сила человѣческая не въ состояннн помочь мнѣ и свалишь камень съ сердца: что же касается до моего происхожденія, то оно знаменито одними бѣдствіями. — Одежда моя знаменуетъ мое происхожденіе.» — «Чѣмъ же я награжу тебя за твоя перенесеннн трудъ?» — «Золотомъ,» сказала вѣщунъ, улыбаясь. — «Неужели золото имѣетъ цѣну въ глазахъ человека, читающаго въ прошедшемъ и будущемъ?» возразилъ Магнусъ. — «Именно знаніе будущаго указало мнѣ нужду въ золотѣ, и привело за нимъ къ тебѣ.» — «Не понимаю тебя, необыкновенный человекъ,» — сказалъ Магнусъ, вручилъ ему кошелекъ съ деньгами и позвалъ

Дольсена, который непереносливо дожидался окончания этого свидания. « Дольсепъ, вели выпустишь этого челоуѣка изъ зѣмка: я узналъ все, что мнѣ знать нужно, если только по справедливости сказаннаго имъ о прошедшемъ и настоящемъ, должно заключить о истинѣ въ будущемъ. Вели всемъ моимъ ропшистрамъ собраться завтра, на развѣнчѣ, въ жилище моего вѣрнаго друга, настора Шреффера, для общаго совѣта. Прощи, любезный Дольсепъ, добрая ночь; прощай, прѣдсказатель!» Призвавъ вѣрнаго своего слугу, Магнусъ велѣлъ запереть двери и легъ въ постелю. — Сонъ оковалъ усналые члены его, но страшныя мечты волновали его кровь.

Не одинъ Магнусъ томился мрачными думами и совѣщался до глубокой полуночи; не одни стражи бодрствовали въ зѣмкѣ. — Прелестная Элеоно-

ра, дочь пастора Шреффера, любимца Магнусова, боязливыми шагами пробиралась возлѣ стѣны, по узкой тропинкѣ, къ сѣверной башнѣ, часто оступаясь во мракѣ. — Одна только вѣрная служанка сопровождала ее. — Пришедъ къ башнѣ, Элеонора устремила взоры свои на высокое окно, окованное желѣзною рѣшеткою и въ полголоса сказала: «Владиміръ, Владиміръ, здѣсь ли ты еще?»

Въ шѣсной темницѣ заключенъ былъ боярскій сынъ, Владиміръ Славскій, доблестный воинъ, краса московскихъ юношей. Онъ посланъ былъ отъ русскаго воеводы Богдана Вѣльскаго къ Магнусу, съ извѣстіемъ о взятіи Вольмара силами Царя русскаго, и съ требованіемъ сдачи Вендена. Магнусъ, въ отчаяніи и въ гнѣвѣ за незаконное убійство своего ронмиспра Вильке, начальствовавшего въ Вольмарѣ, удерж-

жалъ Владиміра заложникомъ за другихъ своихъ слугъ, и по обычаю тогдашняго времени, заперъ его въ баннѣ.

Элеонора воспитывалась въ Москвѣ у дяди своего, богатаго купца, и Владиміръ, будучи въ юныхъ лѣтахъ владѣльцемъ многихъ помѣстій, полюбилъ прекрасную иноземщицу. — Любовь побѣдила суевѣріе и предразсудки. Элеонора кинувши общаго или умереннаго дѣвическаго сословія, или быль женою Владиміра. Обстоятельства смущали ихъ счастье, но не погасили надежды. — Отецъ Элеоноры, прибывъ въ Москву съ Магнусомъ, увезъ дочь свою въ Ливонію, назначенную въ удѣль его благодѣтелю. Владиміръ въ то время посыланъ былъ Царемъ въ украинскіе города. Возвратившись въ Москву, онъ не заснулъ уже своей возлюбленной, и весьма обрадовался, когда его послали

* *

къ воинству, назначенному для покоренія Ливоніи. — Онъ надѣялся свидѣться съ Элеонорою, подвигами своими пріобрѣсть уваженіе Іоанна и Магнуса и получить руку дочери любимца Короля ливонскаго, въ награду за свою службу. Судьба опредѣлила иначе: онъ прославился храбростію, но ко вреду Магнусова счастья, и въ тяжкой неволѣ, сквозь рѣшешки шемницы, увидѣлъ подругу своего сердца. — Уже цѣлую недѣлю томился онъ въ холодныхъ снѣгахъ Венденской башни, и каждую ночь Элеонора приходила улаживать его горе, разговаривать съ нимъ чрезъ окно, увѣрять въ неизмѣнной своей любви и оживлять надежду. — Владиміръ забывалъ цѣлый мѣсяцъ въ эти сладостныя минушы и почиталъ себя счастливымъ.

Сонъ не смыкалъ глазъ его; онъ съ непрерывнымъ ожидалъ милой своей

госпѣи и привѣпѣ ся любви раздавался въ его сердцѣ, какъ голось спасенія въ минушу гибели. «Я здѣсь, Элеонора,» ошвѣчала ошъ, приблизившись къ рѣшешкѣ, — «и думаю только о тебѣ и ошъ опечесивѣ. Но скажи мнѣ, что значить эшошь ошблескъ свѣна на прошиволежащихъ стѣнахъ замка? Не пожаръ ли опусношася окресшныя лѣса или села?» — «Эшо огни швоихъ земляковъ,» ошвѣчала Элеонора: «Юащъ съ воинствомъ пришелъ вчера къ стѣнамъ Вендена.» — «Благодарю Бога за успѣхъ рускаго оружія,» воскликнулъ Владиміръ. — «Но ты знаешь Грознаго,» возразила Элеонора: «намъ угрожаешъ смерть или плѣнь, жалость недоспунна его души, и если Венденъ долженъ пася, то и всѣ его жители погибнуть. Я пришла просшться съ тобою, мой возлюбленный: не знаю, что завтра будетъ :

но хорошаго не предвижу. Я не переживу посыднаго пѣна, не спану дожидаться, чпобъ меня продали лютымъ Гапарамъ, какъ жишелей Зевсегена. Если мнѣ должно умереть, то и разрѣшаю тебѣ оиъ данной мнѣ кляшвы и умоляю выкупить родныхъ моихъ изъ пѣна и ошослать ихъ въ страну дальнюю, гдѣ бы они не слышали о бѣденвяхъ своего опечесства. Эшо мое завѣщаніе.» — «Тебѣ умереть!» воскликнулъ Владиміръ: «Нѣтъ, въ цѣломъ воинствѣ рускомъ не найдется изверга, который бы дерзнулъ поднять убійственный мечъ на ангела красоны и невинности. Въ рускомъ войскѣ ты найдешь людей жалостныхъ и великодушныхъ, которые будутъ соспрадать объ участи прекрасной пѣвицы. Успокойся, Элеонора, не предавайся опчаянію. Совѣсть возпретитъ Магнуеу умерт-

ить меня, безвиннаго заложника; и если я буду свободенъ, тогда,».....
 «Но отецъ мой!» воскликнула Элеонора: «Юаннъ кипитъ гнѣвомъ пропиву него, и если родители мой пощибнентъ оны Рускихъ, никогда брачный вѣнецъ не украситъ безпрятной головы, никогда рука моя не будетъ принадлежать Рускому. Гробъ будетъ женихомъ моимъ. Я люблю тебя, Владиміръ, больше моей жизни; но для любви я никогда не измѣню ни моему долгу, ни моей чести.» Слезы оросили лице прелестной дѣвицы: гореснъ Владиміра заглушала въ немъ всѣ другія чувствованія. — Онъ не могъ проливать слезъ, не могъ произнесъ утѣшительныхъ словъ, будучи самъ шерзаемъ опчаяніемъ. Въ безмолвіи оны бросалъ блуждающіе взоры шо на небо, шо на Элеонору и къ умноженію горя не могъ видѣть

лица ея; въ бѣлой одеждѣ, она казалась ему панисшвенною госпшею изъ за предѣловъ гроба. Въ его воображеніи уже свершилась ужасная месья Іоаннова; онъ уже мечпалъ о своемъ одиночешствѣ, и жаждалъ смерти, какъ изцѣленія отъ тяжкаго недуга. — « Просни, Владимірь! » сказала Элеонора, съ тяжкимъ вздохомъ. — Эти слова вывели его изъ его умешвеннаго оцѣненія. « Элеонора! » воскликнулъ онъ, « какою ужасною вѣспью ты смунила мою душу! зачѣмъ я дожиль до этой горькой минушы! зачѣмъ вражеская пуля не пресѣкла моей жизни, свѣплой надеждою на любовь твою и будущее счастье! Чшо я могу начать въ заключеніи, какъ пособить тебѣ? » — « Поручимъ Богу нашу участь, » сказала Элеонора. — « Господь не оставитъ безъ возмездія ни швоей добродѣтели, ни швоей швердости, » —

сказала Владиміръ. — «Если жь намъ не суждено быть счастливыми на землѣ, Элеонора, мы свидимся съ тобою, тамъ, гдѣ ни воля Іоаннова, ни суевѣрные предразсудки не сильны разлучить насъ. Просни!»

Элеонора удалилась поспѣшно: она думала смягчить горесть Владиміра своимъ ошеущенствіемъ. Нѣсколько разъ она озиралась на башню, и устремляла взоры на окно, которое чернѣлось на стѣнѣ, какъ могильная яма. Она не промолвила ни одного слова съ вѣрною своею спутницею, и пришедъ въ уединенную свою комнату, бросилась на колѣни и облегчила сердце теплою молитвою. Любовники, раздѣленные непроницаемыми стѣнами, душою были вмѣстѣ: они мечтали другъ о другѣ.

Вѣщунъ вышелъ за ворота замка, свернулъ съ дороги, ведущей въ городъ

и пошелъ подемъ къ рускому стану. Подходя къ холму, возвышающемуся на берегу рѣки и поросшему кустарниками, онъ былъ остановленъ окликомъ спражки: «Кило идеть!» — «Пріяшель,» отвѣчалъ вѣщунъ. — «Руской или иноплеменникъ?» спросилъ спражка, — «Слуга Царекій,» сказалъ вѣщунъ и смѣло пошелъ къ шолмъ воинновъ, копорые сидѣли на землѣ въ кругу, безъ огня. «Кило ты шаконъ?» спросилъ его начальникъ спражки — «Я сказалъ уже, что слуга Царекій: ведите меня къ Государю.» Съ любопытствомъ осматривали воины вѣщуна, его чудесной парадъ, и удивлялись, что онъ говоритъ по-русски. «Не землякъ ли ты нашъ, заблудшій въ иноземщинѣ?» спросилъ одинъ изъ воинновъ. — «Всѣ мы дѣли одной манери, сырой земли,» отвѣчалъ вѣщунъ; «но время дорого, отправьте меня къ Царю.» — «Те-

нерь не пора: Царь почиваетъ, »
 сказала начальникъ стражи, « подо-
 жди съ нами до ушра. » — « Не возможно :
 слово и дѣло; я хочу говорить съ
 Государемъ! » — « Слово и дѣло! » по-
 винорилъ начальникъ стражи, пони-
 зивъ голосъ: « ребята, свяжите его поя-
 сами, опведите въ спорожевой полкъ
 и опдайте на руки воеводѣ Солны-
 кову. » Въщуну связали за синну руки,
 и при война съ обнаженными меч-
 ами повели его въ спань.

Въ спорожевомъ полку шолько по-
 ловина воиновъ покоилась въ шала-
 шахъ; прочіе бодрствовали вокругъ
 огней, сокращая время разсказами о
 битвахъ и объ опечесивѣ. Съ любо-
 пышествомъ поглядывали они на свя-
 заннаго въщуну, думая, что это кой-
 маный лазутчикъ. Шутки и угрозы
 сыпалась со вѣхъ сторонъ, ни мало
 не смущая мнимаго плѣнника. Прово-

жаные остановились у спавки воево-
ды Солпыкова, конорый немедленно
вышелъ къ нимъ, узнавъ, что пѣн-
никъ желаетъ объявить Государю слово
и дѣло. Съ вѣщуномъ никто не смѣлъ
говорить, и воевода, велѣвъ его сви-
заны на пово, онсправилъ его подъ
спражею въ большой полкъ, сказавъ
десятинку: «Онспведи этого человекъ
къ боярину Бѣльскому.»

Одно это имя, свойственника гу-
бинска Маюшы Скурашова, при-
водило въ ужасъ неуспрашивающихъ
воиновъ. Спражи, не зная пѣнника
и не смѣя его разспрашивать, почи-
тали его или жерновою или орудіемъ
какого нибудь злодѣйска. Онъ бодро
шелъ посреди ихъ, храня молчаніе. —
Въ большомъ полку господствовали
спокойствіе и безопасность. Воины
лежали вокругъ огней и въ шалашахъ,
погруженные въ глубокомъ снѣ; полъ-

ко одни спражи бодрствовали, оберегая сложенные передь каждою сошную ружья, копыя и бердыши. Конница расположена была позади пѣшей рапи, въ иѣкоторомъ ондаленіи; тамъ при свѣтѣ огней видно было болѣе движенія. Вонны, заботясь о своихъ коняхъ, привязанныхъ по десянкамъ къ кольямъ, прерывали собственное спокойствіе для надзора за вѣрными своими слушниками въ бивахъ и опасностяхъ. На самой среднѣ полка, въ шель за пѣшею рапью, возвышался насыпной курганъ. На немъ блестяла разноцвѣтная палатка Царская съ золотыми главами, огороженная часноколомъ. Противу каждаго угла палатки споло по одной огромной пушкѣ; вокругъ кургана въ шельныхъ рядахъ разположены были вонны, въ одинакихъ одеждахъ, вооруженные мушкетами. Въ иѣкоторомъ ондаленіи отъ сей

живой стѣны разкинуто было нѣсколько палатокъ, также окруженныхъ снаряжею; здѣсь находились царедворцы, любимцы Царскіе и его прислуга. Глубокая тишина наблюдаема была вокругъ, на далекое разстояніе. Недремлющая стража наложила бы вѣчное молчаніе на дерзновеннаго, который осмѣлится бы нарушить покой Грознаго Царя.

Вѣльскому дали знать о приходѣ иноплеменика, желающаго говорить съ Царемъ. — Ближній бояринъ, переговоривъ съ нимъ, велѣлъ подождать до утра. — Вѣщуна развязали; онъ легъ на сырой землѣ у ногъ воиновъ и спокойно заснулъ.

Мракъ началъ рѣдѣть и солнце показалось изъ-за чернаго облака. Въ безмолвіи воины убрали коней и смѣнялись на стражѣ. Толпы придворныхъ слугъ съ неперывнѣемъ ожидали нача-

тія своей службы; думные дяки съ бумагами сидѣли уже въ приказной палаткѣ, и перешепывались между собою о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. Царь еще покопался.

Вдругъ раздались въ палаткѣ Царской звуки ударовъ въ ладоши. Это былъ призывный знакъ: бояринъ Давыдъ Бѣльскій и первый дворецкій и оруженосецъ Царскій, Борисъ Годуновъ, поспѣшили опрометью въ палатку. Ослаповясь у входа, они поклонились въ поясъ и сказали: «Здравія и многолѣтня желаемъ великому Государю, Царю нашему, владыкѣ милосердому.» — Юаншъ лежалъ на одрѣ, покрытомъ медвѣжьими шкурами. Онъ былъ въ шелковомъ халатѣ съ золотыми узорами, опушенномъ соболемъ. — «Здравствуйте, мои вѣрные слуги!» промолвилъ Государь: «Борисъ, подними рань!» Годуновъ вы-

шелъ и далъ знакъ пушкарямъ, дождавшимся повелѣній съ зажженными фитилями. Раздался звукъ вѣстовой пушки, и во всехъ тысячахъ и ополченіяхъ ударили въ бубны. Въ одно время насталъ шумъ и говоръ въ шанъ, подобно жужжанію пчелъ вокругъ улья. — «Государь,» сказалъ Бѣльскій, «сегодня ночью явился въ шанъ тотъ самый человекъ изъ Чуди, который сослужилъ тебѣ вѣрную службу, бывъ въ прошлую войну проводникомъ нашего войска отъ Парвы до Колывани. Онъ мудръ и многоязыченъ, онъ него было много пользы. Теперь онъ хочетъ говорить съ тобою однимъ, Государь, и прошелъ чрезъ спражу, объявляя слово и дѣло!» — «Помню, это вѣщунъ Марко;» сказалъ Государь. «Позови его.» — Бѣльскій обыскалъ вѣщуна и увѣрившись, что при немъ нѣтъ никакого оружія, повелъ къ

Иоанну. Вошедъ въ двери палатки, бѣщунъ упалъ на колѣни и воскликнулъ: « Слава Господу на небеси, и великому Государю на земли! » — « Здорово, старый знакомецъ, » сказала Иоаннъ; « съ чѣмъ пожаловалъ: съ добромъ или худомъ? говори смѣло. » — « Государь, » отвѣчалъ Марко, « всякое благо подобася тебѣ. Я низайшій рабъ швой, пришелъ извѣстить тебя, что швой слуга Магнусъ, Король ливонскій, гошовъ насъ къ ногамъ твоимъ, великаго Государя, и съ повинною головою принесъ ключи оиъ замка и города. » — « Достойный посланникъ измѣнника! » сказала Иоаннъ, громко захохотавъ. « Надобно бы начашъ разправу съ тебѣ и повѣсиль передъ городскими стѣнами. » — « Государь милосивый, » сказала Марко, « Магнусъ не посылалъ меня къ тебѣ, но я самъ пришелъ съ вѣстью изъ одного усердія,

вывѣдавъ тайну его сердца. » — « Такъ
 снало бышь Магнусъ сдѣлалъ худо, что
 не повѣсилъ вывѣдывателя своихъ тай-
 ныхъ думъ. Какъ же ны узналъ это? —
 « Государь, ны знаешь мое ремесло. » —
 « Твое ремесло, измѣна и плутов-
 ство, » сказала Юаннъ, смѣясь. —
 « Я не измѣнилъ тебѣ, великому Госуда-
 рю, но служилъ вѣрно и скрытыми пу-
 шями велъ швое войско чрезъ лѣсную и
 болотную землю Чудскую. » — « Прав-
 да! за это я заплачу тебѣ золо-
 томъ, и мы не должны другъ другу. —
 Но помни, что кровь избѣенныхъ дво-
 рянь нѣмецкихъ лежишь на твоей го-
 ловѣ: я уываю руки. Ты наводилъ
 удалцовъ моихъ на дворы гоенодекіе,
 когда Нѣмцы, не зная о нашемъ при-
 ходѣ, праздновали свянки въ пирахъ
 и весельи: указывалъ въ лѣсахъ со-
 крытыя ихъ сокровища и спада. Мар-
 ко, ны привелъ меня къ Вишнев-

штейну, взятому на конь, гдѣ положилъ голову вѣрный другъ мой, Машона Скурашовъ.» При сихъ словахъ Іоаннъ нахмурилъ брови и закусилъ свою губу: это былъ знакъ его гнѣва; холодный потъ выступилъ на челѣ вѣщуна; онъ невольно задремалъ. Но вдругъ Іоаннъ засмѣялся. «Марко, не на своихъ ли палочкахъ вычиняли ты намѣренія Магнуса?» — «Государь могучій и милосердый, ты самъ изволилъ приказывать мнѣ чинить передъ собою на магическихъ жезлахъ моихъ, и былъ доволенъ мною!» — «Когда жъ хотѣлъ бышь ко мнѣ мой сахарный зяпекъ?» спросилъ Іоаннъ, развеселившись. — «Онъ радъ бы лѣзть къ тебѣ, да вѣрно Пѣмцы его не пускаютъ. Погрози имъ, Государь, и они надунъ все передъ тобою.» Вдругъ, кто-то заглянулъ въ двери. — «А, это ты, Васька Грязной!» сказалъ

Царь. «По шерстини кланчка. Поди сюда. Ты шунь, а товарищемъ тебѣ будешь плушь. Возьми эшого колдуна въ свою палапку, корми, пой до сына и береги какъ змѣю за пазухой. Ты опвѣчаешь за него своею головою.» —

«Государь,» опвѣчалъ шунникъ, «если онъ уйдешь, то я опвѣчанъ буду лзыкомъ. Вошь, если бѣ ты даль мнѣ на сбереженъе шпроги, да романею, то бы голова моя шапка была на плечахъ; а съ Чухною чпо мнѣ дѣлапъ? развѣ повѣеишь до швогого спроса, какъ окорокъ до розговѣнья.» — «Ты храбрь при мнѣ, Васька,» сказала Царь, «а за глаза спрусншь колдуна. Умилосниви его и возвеличь; онъ пришелъ къ намъ посланникомъ: поклонись ему по-нѣмецки.» Грязной разшаркался передъ вѣщуномъ и чванно поднявъ голову и раздувъ щеки, подошелъ къ нему, обнялъ и вмѣсто

поцѣлуя спукнулъ лбомъ въ его голову, — Иоаннъ смѣлся. «Васька, спускай и не опходи онъ него ни на шагъ, вамъ не будетъ скучно. До свиданія, Марко! Борисъ,» сказала Иоаннъ Годунову: «пошли къ Солныкову въ передовой полкъ приказъ, чтобы онъ выспроиалъ дружины свои въ боевой порядокъ. Рынду моего Квашнина пошли съ десянкомъ рейшаровъ и шрубачами къ ворошамъ замка, чтобы онъ велѣлъ голдовнику моему Магнусу явиться ко мнѣ немедленно, сдать мнѣ городъ и замокъ. Въ прошивномъ случаѣ кара Вендена превзойдетъ все, что понынѣ слышали и видѣли въ Ливоніи!» Лице Иоанна приняло грозный видъ. «Вели сказать,» примолвила онъ, «что для ослушниковъ у меня нѣтъ пощады. — Ты, Бельскій, будь готовъ съ большимъ полкомъ, а между тѣмъ призови ко мнѣ моихъ думныхъ»

дьяковъ съ бумагами. Я головою здѣсь, а душою на Руен православною: дѣла моего государства не должны оспаиваться ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Измѣнники: Сильвестръ, Адашевъ и Курбскій съ клеветниками хотѣли ослабить душу мою, но Богъ укрѣпилъ меня, и рука моя высока надъ моими врагами!»

Съ возхожденіемъ солнца рониширы, по повелѣнію Магнуса, собрались въ жилище пастора Шреффера. Не было согласія въ совѣщ. — «Государь,» сказалъ неуспрашиваемый и великодушный рыцарь Генрихъ Бойсманъ, комендантъ замка: «ты получилъ Королевское званіе отъ Юанна, ты можешь повиниться ему по своему произволу. Но мы добровольно признали тебя Королемъ Ливоніи, въ надеждѣ, что наше опеченство безопасно будетъ отъ нашествія силь-

ныхъ враговъ нашихъ, Москвитинъ, и что ны доблеснѣю своею изцѣлишь язвы Ливоніи. Чѣмъ же вышло? Иоаннъ шолько словомъ ондалъ шебъ Ливонію, чѣмбы именемъ Короли и надеждою самостоятельности народа вовлечь насъ въ сѣти. Царь жестоко наказываетъ ихъ, конорые вѣрнѣи некрепности его обѣщаній и предають смерти жинелей и вонновъ, покоряющихся и покоряющихся земли и города швоему имени. Въ Вольмаръ и другихъ мѣстахъ казнили рыцарей за то, чѣмъ они еслужантъ вѣрно шебъ. Чѣмъ же намъ ожидать? Если мы шакъ несчастны, что нынѣ не можемъ сами собою опразитъ врага, иѣкогда емиряемаго войскомъ Меченоснаго ордена, намъ подають руку помощи Польша и Швеція; будемъ лучше шведскими или польскими подданными, но не рабами Иоанна. Намъ памятна участь Новаго-

рода, истребленнаго до конца за мнимую вину своего Пастыря. Придетъ эшо и на Ливонію. Государь, если тебѣ угодно ипши къ Іоанну, мы объявляемъ себя независимымъ, и признаемъ того нашимъ власнелшномъ, кшо защишишь насъ отъ Іоанна. Не почитай насъ измѣнниками, Государь! Не мы тебя оставляемъ, ты хочешь насъ покинуть.» — «Благородные воины, и ты мой вѣрный Войсманъ,» отвѣчалъ Магнусъ: «нѣтъ, никогда я не назову васъ измѣнниками, ибо тысячи разъ былъ свидѣтелемъ и вашего мужества и вашего прямодушія. Не требую отъ васъ, чшобъ вы шли вмѣстѣ со мною и покорилась Іоанну. Я нахожусь въ другомъ положеніи: я зянь его, вассалъ по данной мною присягѣ, и долженъ быть покорнымъ ему, не имѣя силы поддержать правъ своихъ на короу Ливонскую. Но можете ли

вы, въ числѣ трехъ сошь человекъ, защищаться противу 80,000 воиновъ мужесквенныхъ и послушныхъ своему Царю? Бойманъ, обдумай хорошенько. Этии крѣпкія стѣны не защитятъ васъ: онѣ разсыплются онѣ грома русскихъ пушекъ — и тогда чшо спашется съ вами?» — «Тогда умремъ!» воскликнули рыцари.» — «Безполезною смерпью,» возразилъ Магнусъ. «Жизнь ваша нужна для славы и блага вашего отечества; она драгоценна мнѣ, умлющему цѣнить ваши доблести. Послушайте моего совѣта: отдайте городъ и замокъ Юанну, съ тѣмъ условіемъ, чнобъ онѣ позволилъ вамъ удалиться свободно въ Ригу. Если же вы тамъ не найдете убѣжища: мой Эзель—вашъ удѣль. — Братъ мой Фридерикъ не оставитъ васъ: вонгъ вамъ онѣ меня грамота къ нему, а у Юанна я буду вашимъ ходатаемъ.» — «Мы благодаримъ

тебя, Государь, за добрый твой советъ и за добрыя твои желанія,» сказала Бойманъ; «но не слишкомъ ли рано сдавать крѣпчайшій замокъ Ливоніи? Пока мужество и сила русскихъ будутъ сокрушаться о швердыя наши сѣны, польскій Король можетъ подождать къ намъ на помощь. Вчера вѣщунъ Марко вручилъ мнѣ окружную грамоту ко всемъ Ливонцамъ, подписанную Княземъ Курбскимъ. Вотъ она.» Бойманъ вынулъ письмо и прочелъ, «Храбрые Ливонцы! вѣрше мнѣ, воину посѣдѣлому въ браняхъ, испощившему здравіе на службѣ Царя московскаго и испывавшему всю его неблагодарность, за мою вѣрность и преданность. Никогда Юаннъ не возстановишь вашей народной независимости, никогда Герцогъ Магнусъ не будетъ Королемъ ливонскимъ! Васъ ждетъ участь царсва Казанскаго,

участъ Новагорода! вы будете его подданными и будете раздѣлять съ другими бѣдствія оны буйныхъ порывовъ его гнѣва. Мужайшесь и держишесь крѣпко въ вашихъ зѣмкахъ: Снефанъ Банорій, Король польскій, скалдлся надъ вашею участью и уже собралъ силы, чинобы освободить васъ оны принѣвншеля. Оны предославншъ вамъ на волю или служншъ Магнусу, котораго оны чнншъ, или на ешарннныхъ своихъ правахъ соединншся съ Польшею. Какъ Рускій, я желалъ бы, чинобы вы принадлежали Россіи, но какъ человекъ, не желаю, чинобы это было во время Юанна. Я едншкомъ хорошо знаю его. *Кннзь Курбскій, воевода польскнхъ Королевскнхъ войскъ.* Все молчали, и наконецъ Магнусъ сказалъ: «Еще Банорій собираетъ войско, а Юаннъ уже подъ стѣнами зѣмка. Для васъ и для себя я рѣшилъ

ся итти къ нему»... Вдругъ раздались звуки трубъ за ворошами зѣмка.. Съ поспѣшностію вошелъ въ совѣтъ воинъ, и сказалъ: «Посланный Царя московскаго ждетъ говорить съ Королемъ и дожидаетъ у подъемнаго моста.» — «Мы поидемъ къ нему на встрѣчу,» сказалъ Магнусъ. — «Госнода, пожалуйте за мною.» Ромми-спры послѣдовали за Магнусомъ, вышли за вороша и остановились на берегу рва, Руской посланецъ сказалъ: «Юаннъ Царь, Самодержецъ Россійскій, и всѣхъ сѣверныхъ странъ повелитель, Государь законный Ливоніи, подвласный Единому Богу, повелѣваетъ голдовнику своему Магнусу, немедленно явиться въ станъ рускій со всѣми своими воинами и сдать крѣпость и городъ. Милосръ и прощенье покорнымъ, кара ослушникамъ!» Магнусъ хотѣлъ говорить, но ру-

скій воинъ не дожидаясь отвѣта, повернулъ лошадь и поскакалъ въ снаны.

Тихими шагами и въ задумчивости возвратился Магнусъ въ замокъ. Осѣдланые кони уже спояли среди двора, и голштинская дружина его, состоявшая изъ двадцати пяти нѣмецкихъ дворянъ, подъ начальствомъ Дольсена, въ блестящемъ вооруженіи, ожидала приказаній своего повелителя. Голштинцы рѣшились соучастивовать брану своего Короля и раздѣлить съ нимъ его участь. «Бойсманъ,» сказалъ Магнусъ, «и вы благородные рыцари, скажите мнѣ, на что вы рѣшились: сдать замокъ или защищаться въ немъ, полагаюсь на слова Курбскаго?» — «Не вѣрю словамъ измѣнника,» сказалъ преслабый рыцарь Горнъ. Бойсманъ и другіе рыцари молчали и наконецъ комендантъ сказалъ: «Они дадимъ замокъ, если Іоаннъ опуститъ

насъ свободно, съ оружіемъ, не поведѣвая являющіеся въ своемъ станѣ.» — «И такъ простите, вѣрные мои друзья,» сказала Магнусъ и обнявъ по очереди всѣхъ ронимсепровъ. «Никогда не забуду вашего усердія къ моей службѣ.» Слезы текли изъ глазъ Магнуса. — «А ны, другъ и духовный отецъ мой,» — примолвилъ онъ, обращаясь къ настоятелю Шрефферу: «вѣрь, что я употреблю все мои старанія, что бы примирить тебя съ Юанномъ. Войманъ, не опущеніе ли со мною рускаго заложника?» — «Нѣтъ, Государь,» отвѣчала комендантъ; «пусть онъ останется у насъ: судьба его должна зависѣть отъ поспѣшнѣе его Государя съ побою: мы еще не дѣлники.» — «И такъ простите!» сказала Магнусъ со вздохомъ, сѣлъ на коня и выѣхалъ за ворота. Рыцари печально провожали его до подъемнаго моста и про-

вая слезы, проспила съ бывшимъ
онимъ Королемъ.

Лишь только въ рускомъ лагерѣ зави-
ли пыль со стороны замка, все
ейско пришло въ движеніе: полки
депронялись на своихъ мѣснахъ. Явил-
ся предъ войскомъ Іоаннъ въ златой
кеждѣ, въ шаповерхой ошпроконеч-
ой шапкѣ, унизанной драгоценными
шнями: на груди его висѣла алмазная
шь съ двуглавымъ орломъ, искусно
ланнымъ изъ золота, съ знаменіемъ
дворнишеля Христіанства въ Россіи,
ервозваннаго Апостола Андрея. Царь
правой рукѣ держалъ скипетръ
оссіи, лѣвою управлялъ воронымъ
немъ, конорый гордо стибалъ выю

билъ сильно копынами въ землю.
онекій приборъ и чапракъ унизаны
ли жемчугомъ и яхоннами; сѣдло
овано червоннымъ золотомъ и из-
крашено изумрудами. За нимъ сѣдо-

вала полпа оруженосцевъ, рындъ, боярь и царедворцевъ, въ блестящихъ доспѣхахъ и въ шапопканныхъ одеждахъ; сно конныхъ стрѣльцовъ слѣдовали за нимъ въ шѣсныхъ рядахъ. — Царь, въ блескѣ величія, казался какимъ-шо высшимъ существомъ; тысячи съ раболѣпствомъ взирали на него и ожидали одного его мановенія, чинобъ принесши ему въ жертву жизнь свою. — Съ появленемъ Царя раздались радостныя клики въ войскѣ, заиграли на трубахъ, ударили въ бубны. Иоаннъ проѣхалъ по рядамъ большаго полка, привѣщивовалъ воинство и остановился по срединѣ. Все войско стояло въ боевомъ порядкѣ: на необъянномъ пространствѣ кругомъ города разложены были конныя и пѣшія дружины; между лѣсомъ копей и бердышей блестяли на солнцѣ доспѣхи начальниковъ; приспавы скакали на коняхъ,

передавая полкамъ повелѣнiя. — Житишли города и защитники замка въ безмолвiи стояли на стѣнахъ, взирая съ ужасомъ на сіе величественное зрѣлище и ожидая разрѣшенiя своей участи.

Медленно ѣхалъ Магнусъ, и вѣрные его рыцари слѣдовали за нимъ печально, опустивъ конья, какъ на погребальномъ шествiи. Увидѣвъ Юанна, Магнусъ сошелъ съ коня и велѣлъ дружину свою стѣшиться; приблизился къ Царю съ пошупаенною головою и палъ передъ нимъ на колѣни. «Государь могущественный, отецъ мой милосердивый!» воскликнулъ Магнусъ, простерши руку къ Юанну. «Внемли пловому вассалу и помилуй сына царскаго! Безъ вины винованъ передъ шобою. Ты мнѣ далъ Королевство и я думалъ, что исполняю волю твою, забирая города и земли на мое коро-

левское имя. Слуги мои не вездѣ меня понимали; часто ослушивались и прощивались швоимъ воеводамъ. Но вощь я самъ у ногъ швоихъ, и склоняю въ прахъ повинную голову. Городъ и замокъ гошovy опдашья тебѣ: только шѣмецкіе дворяне просяшь швоей милосши, чшобъ шы опнуешля ихъ съ оружіемъ на волю.»— Вельможи съ любовышесшвомъ смощрѣли на Юанна.— Онъ не нахмурля бровей, не гнѣвался и взглянувъ съ презрѣніемъ на Магнуса, сказаль: «Глунецъ! шы мечшаль похшшшш Королевешво прощками и обманомъ, забывъ объ ошцѣ своемъ и благодѣшелѣ. Ты пршшелъ ко мнѣ нищій: я пршнля шебя въ мое семейство, одѣля, обувля, жениля на моей племяшшщѣ, надѣшля казноу и городами; а шы за мое добро измѣшля мнѣ. Все опкрылось: шы хощля бышь слугою польскимъ, но Господь Мило-

сердый сохранилъ меня и предаесть шебя въ мои руки. Да совершится надъ шобою судъ Божій и наше Царское правосудіе. Я возьму свос, а шебя оспавлю пресмыканься въ ничпожеспивъ. Съ швоими Нѣмцами не имѣю нужды входипь въ условія: они должны насъ къ ногамъ моимъ, и ожидаеь, что мнѣ заблагоразсудится сдѣлаеь съ ними. Теперь скажи, знаеешь ли ты эшого человѣка?»— Магнусъ поднялъ глаза и вѣщунъ Марко споялъ передъ нимъ.— «Я шолько сегодня ночью узналъ его,» отвѣчала Магнусъ, «онъ явился въ замокъ съ письмами ко мнѣ отъ Герцога Курляндскаго, а къ рыцарямъ принеь окружную грамоту отъ измѣнника швоего князя Курбскаго, кошорый обѣщала мнѣ польскую помощь и увѣщевала защищаеься прошиву шебя. Что я былъ прошивнаго мнѣнія, доказываеься шѣмъ, что я не съ мечемъ

• •

противу себя, а съ просьбою у ногъ твоихъ!» — «Люблю правду,» сказала Царь, — «ты, Марко,» примолвилъ онъ, «ты нашель, чего искаль: здѣсь будетъ конецъ твоимъ кознямъ! Борись, опведи его къ моей палаткѣ; я самъ допрошу его.»

Когда сіе происходило въ полѣ, Клавдіусъ-фонъ-Юргенбургъ, начальникъ города, знаменитый родомъ и воинскими доблестями, стоялъ на снѣгѣ, окруженный оплачѣннымъ дворянствомъ. Зрѣлище уничиженія бывшаго Короля ливонскаго и поржеснво врага Ливоніи, Царя рускаго, воспламенила гордую душу его гнѣвомъ и местию. Въ порывѣ буйства, онъ выхватилъ зажженный фитиль изъ рукъ пушкаря, приложилъ голову къ дулу орудія и увидѣвъ, что оно направлено на самое мѣсто унижительнаго явленія, приложилъ огонь къ заправкѣ

и выстрѣлилъ, возкликнувъ: «гибни-
ше!» Ядро упало въ нѣсколькихъ ша-
гахъ отъ Царя и засыпало его зем-
лею. — «Пэмъна!» сказала Юаннъ гнѣв-
но, но безъ изъявленія боязни. «Вѣль-
скій, обезоружь предашеля и его кле-
вреновъ, и содержи ихъ подъ крѣпкою
спражею. Они не смѣютъ моего гнѣ-
ва. Солныковъ, ты съ передовымъ пол-
комъ спунай въ городъ, возьми его
на конь и накажи примѣрно царе-
убійць. Голицынъ, ты скажи Пэмцамъ
въ замкъ, что я освобождаю ихъ отъ
казни, ожидающей городъ, если они
безъ всякихъ условій предадутся мнѣ
и отдадутъ крѣпость невредимою;
если жъ нѣтъ, горе имъ!» Царь съ ца-
редворцами возвратился въ свою на-
лашку и спокойно ожидалъ исполненія
своихъ приказаній.

Подобно океану, прервавшему пре-
граду, устремилось руское войско въ

городъ. Мужественно защищали входъ жилили и малое число воиновъ, но въ одно мгновеніе ворота были выломаны, пушки взяты, защитники изрублены. Тѣсно было на улицахъ отъ русскихъ дружинъ: Нѣмцовъ шѣнили повсюду и догнавъ испребляли до единого. Не было пощады ни полу, ни лѣшамъ: воины рускіе ворвались въ дома и умерщвляли всѣхъ безъ помилованія. Не шрогали ихъ ни жалобы старцевъ, ни вопли слабыхъ женъ, ни пронзительные крики младенцевъ. Рускіе карали въ жилиляхъ Вендена царубійць, и голосъ челоуѣчества замолкъ въ сердцахъ. Крикъ, стоны, звукъ оружія и выстрѣлы попрясали воздухъ. Кровью обрызганы были стѣны домовъ; по улицамъ съ трудомъ можно было пробираться по шрунамъ. Часть жилилей успѣли однакожь спастись чрезъ другія ворота въ замокъ.

Клавдіусъ фонъ-Юргенбургъ, несчастная причина сего ужаснаго ищенія, погибъ защищая слабыхъ женъ и дѣпей, искавшихъ спасенія въ рапушѣ. Голову его водрузили на коньѣ и вышавили на крыльцѣ.— Въ одно время прискакали къ Іоанну приспавы изъ передоваго полка и оиъ Кнзя Голицына. Первый извѣстиль, что кара Вендена не исполнилась, и что Солшыковъ раненъ. Вшорый объявилъ, что Иъмцы отвергнули предложеніе къ сдачѣ замка, и съли въ немъ на смерть. «Поздравь Солшыкова съ моею милостію,» сказалъ Іоаннъ приспаву передоваго полка. Посланному Голицына Царь сказалъ: «Вели, чпобъ Кнзь подвель весь пороха, розвозможилъ замокъ до основанія и караль упорныхъ.» Іоаннъ велѣлъ между штъмъ привестъ къ себѣ Марка. «Уличенный измѣнникъ, ты однимъ чистосердечнымъ разкаяніемъ

можешь смягчить заслуженную казнь,» сказала Царь, «Опвѣдай по истинѣ, какъ передъ Богомъ.» Марко положилъ руку на сердце, низко поклонился и молчалъ. «Изъ какого ты рода и племени,» спросилъ Іоаннъ: «по какому случаю научился многимъ языкамъ и принялся за ремесло вѣщуна? Я хочу знать это.» — «Я произхожу отъ первосвященника древняго Чудскаго бога Юмалы,» сказала Марко. «Когда Нѣмцы покорили страну нашу и ввели вѣру Христіанскую, предки мои, подобно всѣмъ княжескимъ родамъ нашего племени, сдѣлались рабами пришельцевъ, вмѣстѣ съ прослоюдниками. Въ нашемъ родѣ сохранилась тайна жрецовъ чипанъ племени руническаго, и по печенію звѣздъ предсказывать будущее. Всѣ мои предки до меня слыли волхвами въ народѣ и я, послѣдній и безпомощный въ нашемъ родѣ, слѣдо-

валъ ихъ примѣру. Селеніе близъ Коло-
ни, въ которомъ я родился, принадле-
ло барону Шшейнгерцу. Тяжелая
рука его надъ подданными. Выѣ-
хошу, онъ заставлялъ насъ в.
собакъ стогнать дичь; съ утра до не-
въ будни и праздники пягощилъ ра-
боною и обходился съ нами, какъ съ
презрѣнными животными. Я болѣе дру-
гихъ ненавидѣлъ его жестокоствъ. — Въ
изступленіи гнѣва онъ прокололъ копь-
емъ ошца моего: хворую мать мою
выгналъ изъ селенія по міру, какъ не-
способную къ работѣ, а у меня ош-
нялъ невѣсту и закабалилъ меня на
работу нѣземнымъ кораблестроите-
лямъ въ Кольвани. Я бѣжалъ въ Гам-
бургъ, служилъ честно у купца 20
лѣтъ и былъ его прикащикомъ въ Мо-
сквѣ: научился нѣмецкому и рускому
языку, какъ своему природному, жилъ
въ довольствѣ, но не былъ счаст-

можешь смягчить заслуженную казнь,» сказала Царь. «Ошвѣчай по истинѣ, какъ передъ Богомъ.» Марко положилъ руку на сердце, низко поклонился и молчалъ. «Изъ какого ты рода и племени,» спросилъ Іоаннъ: «по какому случаю научился многимъ языкамъ и принялся за ремесло вѣщуна? Я хочу знать это.» — «Я произхожу отъ первосвященника древняго Чудекаго бога Юмамы,» сказала Марко. «Когда Нѣмцы покорили страну нашу и ввели въру Христіанскую, предки мои, подобно всемъ княжескимъ родамъ нашего племени, сдѣлались рабами пришельцевъ, вмѣстѣ съ прослоюдьми. Въ нашемъ родѣ сохранилась тайна жрецовъ чипанъ иньмена руническаго, и по печенію звѣздъ предсказывать будущее. Все мои предки до меня слыли волхвами въ народѣ и я, послѣдній и безошомный въ нашемъ родѣ, слѣдо-

валъ ихъ примѣру, Селеніе близъ Колони, въ кошоромъ я родился, принадлежало барону Штейнгерцу. Тяжелая рука его надъ подданными. Въ охоту, онъ заставлялъ насъ въ собакъ стоять дичь; съ утра до вечера будни и праздники выгонялъ рабѣнною и обходился съ нами, какъ съ презрѣнными живыми. Я болѣе другихъ испыталъ его жестокость. — Въ изступленіи гнѣва онъ прокололъ копьемъ ошца моего: хворую мать мою выгналъ изъ селенія по міру, какъ неспособную къ работѣ, а у меня ошнилъ невѣсту и закабалилъ меня на работу низземнымъ кораблестроителемъ въ Кольвани. Я бѣжалъ въ Гамбургъ, служилъ честно у купца 20 лѣтъ и былъ его прикащикомъ въ Москвѣ: научился нѣмецкому и рускому языку, какъ своему природному, жилъ въ довольствѣ, но не былъ счаст-

.. Несчастье моего рода и отца
 тяготило мою душу. По смер-
 тца, моего благодѣтеля, я воз-
 ся на родину, гдѣ забыли обо
 поселился на городской землѣ и
 вилъ себя въщупомъ, что бы имѣть
 ловсюду входъ и довѣренность. Цѣль
 моей жизни и всѣ мои дѣла и намѣ-
 ренія — мщеніе. Собирая золото, я
 разпочалъ его, что бы возбужданъ мя-
 шежи прошиву припѣшпелей моей
 родины, и служилъ всѣмъ, кто только
 вступалъ въ Ливонію вооруженною ру-
 кою. Я привелъ войско свое въ землю
 Чудскую на погибель рыцарей; я вну-
 шилъ Магнусу чрезъ обманушаго мною
 Шреффера, его любимца, мысль воз-
 противиться тебѣ, зная, что симъ
 подвергну цѣлую страну своему мще-
 нію. Я возбудилъ Курбскаго ободрять
 рыцарей въ дерзкомъ ихъ намѣреніи.
 Теперь я слышъ: я довольно жилъ

для мщенія, и не боюсь смерти! Исполни́ю нужды агашь передъ и слуга и бо знаю, что ложью не спасу себя! — Марко,» сказала Юаннъ, «ты чешскій духъ, а не человекъ; но ты обманщикъ, а не предсказатель будущаго. Ты думаешь, что жизнь твоя должна кончиться отъ праведнаго моего гнѣва за измену твою — но ты ошибся. — Живи; ты еще нуженъ мнѣ, какъ ядъ и желѣзо для изцѣленія недуговъ. Наложите на него цѣли и опишите его съ глазъ моихъ.»

Спрашно загремѣли орудія, устремленныя на древнія стѣны Венденскаго замка. Отъ каждаго выстрѣла разсыпались камни и сокрушались башни. Защитники замка сильны были мужескиномъ, но слабы средствами; едва нѣсколько орудій оповѣщивали съ бойницъ, на ужасный ревъ съ поля, потрясавшій воздухъ и землю. Участь

ей города погасила въ сердцахъ
 ей надежду на пощаду.—Бойсманъ
 вънесъ бочки съ порохомъ въ
 залу, собралъ въ большую залу всѣхъ
 рыцарей и всѣхъ жителей Вендена, у-
 крывшихся въ замкѣ, и сказалъ: «все
 совершилось, намъ ничего не оспаени-
 ся, кромѣ выбора смерти. Слѣпы на-
 ши сокрушились, воинство русское
 немедленно вломился въ замокъ. —
 Должно ли умереть отъ мечей русскихъ,
 или славною смертию оставишь по
 себѣ памянь. Я рѣшился дожидаться
 здѣсь приспуна, подорвать порохомъ
 эту часть замка и погибнуть, нанеся
 гибель врагамъ нашимъ. Кто хочеть
 умереть со мною, шопъ оставайся
 здѣсь: кто надеется спастись, не
 удерживаю!» — «Мы всѣ умремъ съ шо-
 бою!» возкликнули со всѣхъ сторонъ.
 Ошцы и манеры благословляли сво-
 ихъ дѣпей, держа ихъ въ своихъ объ-

ишяхъ; друзья и знакомые умиленно прощались. Вдругъ явился слуга церкви, Пасхыръ, украшенный единами, въ полномъ облаченіи, со знаменіемъ Спасителя. Всѣ присуществовавшіе упали на колѣна; Пасхыръ прочелъ громогласно молитву и началъ говорить проповѣдь о ничтожествѣ жизни земной, о непереложности будущей. Слушатели внимали ему съ умиленіемъ. Въ это время раздались воинскіе клики, и уже рускіе воины были на проломѣ. Быстро уснаремились они чрезъ дворъ къ главному зданію, гдѣ видѣли людей въ окнахъ, и въ это ужасное мгновеніе, Бойманъ взявъ горящій свѣщильникъ, приблизился швердыми шагами къ окну и зажегъ финилъ, проведенный къ нижнему жилью, гдѣ сложенъ былъ порохъ. Благочестивый Пасхыръ прочитавъ молитву по успѣшихъ и едва успѣвъ промолвить: «Они-

че! въ руцѣ швоя отдаю духъ мой, — вдругъ зданіе пошрисло, земля разсинуилась, стѣны лопнули и обломки съ ужаснымъ громомъ и шрескомъ взлетѣли на воздухъ въ дымъ и прахъ, съ грудами изувѣченныхъ шѣлъ. Полки рускіе оспановились въ изумленіи, выспрѣлы умолки — вопли прекрашились.

Элеонора слышала рѣчь Бойсмана и поспѣшила къ онцу своему, который, запершись въ своей комнатѣ, собиралъ важныя бумаги Магнусовы. Она не сказала ему объ ужасномъ рѣшеніи опчаяннаго коменданша, но бросясь на колѣни, просила освободить рускаго узника. Въ недоумѣнн о своей участи, Владиміръ слышалъ спрѣлбу, внималъ воплямъ побѣдителей и погибающихъ, и ждалъ конца, помышля единшвенно о своей возлюбленной и о славъ Россіи. Вдругъ дверь его

темницы отворилась и Элеонора бросилась въ его объятія. — «Отецъ мой,» — сказала она, «вошь мой возлюбленный, пошь, кошорому я опдала мое сердце. Я молчала передъ тобою, ибо не знала, увижусь ли съ нимъ: шеперь судьба соединила насъ на краю гроба.» — «Руской,» сказала Шрефферъ, — «ты дорогъ мнѣ любовью моей дочери и своимъ постоиствомъ. — Возьми эшошь мечъ и спунай къ своимъ: они уже приближаются къ сѣтямъ. Оспавъ насъ: мы обречены на смерть.» — «Шѣпъ, я не оспавлю васъ,» — сказала Владимірь, «и если не защищу, шо умру вмѣстѣ съ вами.» Въ эшо мгновение башня потряслась на основаніи, воздухъ помрачился и сирашный громъ оглушилъ Владиміра и отца Элеоноры. Она упала на колѣни и пламенно молилась. Съ удивленіемъ и ужа-

сомъ услышалъ Владиміръ и несчастный старецъ разскалъ Элеонорѣ о подвигѣ Бойсмана, и Владиміръ вмѣстѣ съ ними починилъ память героевъ слезами состраданія.» «Попомнѣво, всегда благодарное и правосудное,» сказалъ Владиміръ, «вознаградишь славою великое дѣло и починишь память храбрыхъ благословеніемъ.»

Между нѣмъ рускіе войны, ворвавшіеся въ замокъ, принѣли въ себя отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго взрывомъ и геройствомъ осажденныхъ. Князь Голлицъ велѣлъ щадить оставшихся, но разъяренные войны умерщвляли укорныхъ, которые скрылись въ подземельяхъ и мужественно защищались. Тогда свѣржныхъ Тапаръ, бывшихъ въ войскѣ Іоанна, вломилась въ башню, гдѣ находился Владиміръ: дикари пенешово бросились въ двери, увидѣвъ прекра-

сную дѣвицу. Голосъ Владиміра осна-
новилъ ихъ, а мечъ удержалъ опъ
дерзкихъ покушеній. — Онъ велѣлъ про-
водити себя къ князю Голлицыну.

Смерть пощадилъ Боймана: из-
возможенный лежалъ онъ на муравѣ и съ
ощущеніемъ въ душѣ взиралъ на раз-
валины, кошорыя опринули его изъ
своего лона, во власи врагамъ. Го-
лицынь съ уваженіемъ велѣлъ подняти
героя, и на носилкахъ изъ копей оп-
правилъ къ Іоанну, вмѣстѣ съ другими
дѣльниками, поручивъ Владиміру на-
чальство надъ снаряженіемъ.

Іоаннъ видѣлъ съ возвышенія гроз-
ное явленіе, но не зналъ причины.
Думая, что Марко участвовалъ въ
шайнахъ защитниковъ замка, онъ ве-
лѣлъ его привезти къ себѣ. — Но онъ
уже пересналъ жизнь. Скоропоспѣж-
ная смерть разлучила его со свѣтомъ.
Лекарь объявилъ, что на лицѣ умер-

шаго замѣпилъ признаки сильнаго яда. Несчастный самъ наказалъ себя за свои злодѣянія. Иоаннъ велѣлъ бросить въ рѣку безобразное его тѣло.

Царь любилъ Владиміра, какъ храброго воина и родственника любимца своего Бориса Годунова: онъ обрадовался его избавленію изъ плѣна. — Владиміръ разсказалъ Царю о геройскомъ подвигѣ защитниковъ замка, указалъ на Бойсмана, ихъ начальника и упавъ къ ногамъ Царскимъ, молилъ его о помилованіи Шреффера и его дочери. «Да будетъ шакъ,» — сказалъ Иоаннъ тихимъ голосомъ, — «въ сей день довольно пролино крови и дерзкіе враги мои съ ужасомъ услышатъ о карѣ Вендена!» — Царь хотѣлъ видѣть Бойсмана: воины принесли его окровавленнаго и положили у ногъ Иоанна. Долго смотрѣлъ онъ на обезображенныя черты героя,

и наконецъ сказахъ: «Дорого бы я далъ, чинобъ имѣшь поболье такихъ слугъ; но ты безумно поступишь, Войсманъ, предпочинная смерть покорности Царю рускому. Не на себя держали вы замокъ, и чѣмъ пресмыкаешься у ногъ Шведовъ или Поляковъ, лучше бы вамъ просить у меня возспановленія правъ своихъ. Не вы мнѣ, а я вамъ нуженъ.» — Я служилъ вѣрно Королю ливонскому,» — сказахъ Войсманъ слабымъ голосомъ, — «но ни предъ кѣмъ не пресмыкался: я рыцарь, и шолько израненный, лишенный силъ, могу валяться въ ногахъ чужеземнаго Государя. — Великодушнѣе твое въ Венденѣ мы видѣли съ башень замка, и рѣшились смертью избавившись съида и мщенья. Суди меня и карай: но помни, чино еси Высшій Судя, который наблюдаетъ и дѣла сильнаго и сыраданія слабаго,». — «Ошесенне

его къ другимъ плѣнникамъ, сказала
 Иоаннъ : печаль омрачила лице его, —
 Бойсманъ умеръ на рукахъ русскихъ
 воиновъ. Последнія слова его были :
 Богъ!... Ливонія !

Царь возненавидѣлъ прибываніе въ
 Венденъ: кровопролитіе убило гроз-
 ную его душу. Угостивъ великолѣпнымъ
 пирушесствомъ воеводъ русскихъ и знат-
 ныхъ липовскихъ плѣнниковъ, онъ
 отпустилъ ихъ домой, поручилъ вой-
 ско воеводамъ князю Тверскому Си-
 меону, князьямъ Ивану Шуйскому и
 Василью Сицкому, и съ торжесствомъ
 отправился въ Юрьевъ, окруженный
 боярами, царедворцами и шлохра-
 нинцами. Магнуса взяли за Царскими
 обозами, какъ плѣнника, а знатныхъ
 его дворянъ гнали какъ стадо. Въ чи-
 слѣ плѣнныхъ была Элеонора съ от-
 цемъ своимъ; о нихъ имѣлъ попече-
 ніе Владиміръ, сопровождавшій Царя

въ званіи вѣселаго оруженосца. Ни-
 кло не могъ проникнуть тайной думы
 Іоанна, и многіе мыслили, что онъ
 казнилъ Магнуса за измѣну и ослу-
 шаніе. Въ Юрьевѣ рѣшилась его участь.
 Іоаннъ, въ присушеніи всѣхъ вель-
 можъ своего двора и всѣхъ знаемыхъ
 Ливонцевъ, покорныхъ русской вла-
 сти, вельѣ призванъ къ себѣ Маг-
 нуса, который явился къ нему, какъ
 жершва. — «Забываю все,» — сказа-
 ть Іоаннъ къ удивленію всѣхъ прису-
 шествовавшихъ, — «дарую тебѣ и тво-
 имъ людямъ жизнь и свободу: тебѣ
 назначаю Оберландъ съ городами
 въ удѣль, пока оружіе рѣшитъ споръ
 нашъ съ Шведами и Поляками за обла-
 даніе Ливоніей. По помни, Магнусъ,
 что дѣло мастера боишея, и что я
 могу также легко сокрушить, какъ
 и сошворить. Сиди смирно и не слу-
 шай никого: мои приказанія да бу-

душь твоими совѣшниками. Иди съ миромъ.» — Магнусъ преклонилъ колѣна и со слезами благодарилъ Іоанна, который, будучи всегда грознымъ, умѣлъ иногда быть и великодушнымъ. «Я вижу твою шеску, юноша,» сказала Іоаннъ Владиміру, — «Царское слово излечить недугъ сердца: за вѣрную твою службу награждаю тебя прекрасною женою, и властью моею разрѣшаю бракъ съ неповѣркою. — Опець ся провинился предо мною, но сей день, естъ день милости и прощенія. Онъ не будетъ болѣе при Магнусъ, что бы не смущалъ его совѣшами ложными. — Въ Москвѣ я устрою судьбу его: онъ будетъ полезенъ мнѣ въ дѣлахъ съ чужеземцами. Спупай въ Москву, съ новою твоею семьею: такъ я хочу!»

Θ. Булгарикъ.

Д В Ъ С Е С Т Р Ы,

или: которой отдать преимущество?

Я знаю двухъ сестеръ... Какъ это слабо выражаетъ мои отношенія къ двумъ милымъ, прекраснымъ существамъ! — Я люблю, люблю пламенно двухъ обворожительныхъ сестеръ и сія любовь не знала бы предѣла, если бы это прекрасное, высокое чувство могло быть рѣшительнѣе, безъ колебанія, безъ двойственности. Но я чувствую, что оно не можетъ быть полнымъ, единственнымъ, отъ безпрерывнаго уклоненія то къ старшей, то къ младшей сестрѣ. Обѣ прелестны, но каждая имѣетъ свои особенныя прелести; обѣ привлекатель-

ны, но влеченіе къ нимъ не одинаково. Одна сіяетъ, въ полночь своей красоты, какъ ясный, погодный день, обнаруживающій всю живопись окрестностей, всю роскошь природы. Душа погружается въ чужое упоеніе, увиди слияніе горъ съ поднебесностію, небесъ съ стекловидностію моря; дуга, подстилающіеся подъ рожи; большія дороги, лежація какъ развернутые свитки и сады, какъ картины, окруженныя рамами своихъ оградъ. Но очарованіе, такъ сказать, рѣдья, измощаеніе, когда душа, упоенная красками великими, но единообразными, не находитъ новой нищи для новаго восхищенія. Напротивъ, *другая* мила, заманива, привлекательна, какъ лунный вечеръ позднихъ дней лѣта. Я люблю такіе вечера! Бѣлые туманы, по зашопляя, по выказывая закругленные холмы, чернѣ-

ющіеся лѣса и развалины замка на оспрѣ скалы, волнуемая, застилающая бѣлыя скашерпи, или накидываютъ прелещущую дымку, которая, ничего не закрывая, ничего и не выказываетъ. Душа любимицы погружается въ сіе смѣшеніе блѣднѣющаго свѣта, синевы небесной и сизаго сумрака; любимица ловицы предменны среди зыбучихъ шумановъ и расширяетъ за разнообразными пѣніями, которая, какъ будто живая, слѣдомъ за луною перемѣщающаясь изъ долины въ долину, отъ холма къ холму. Такова *младшая сестра*, неизмѣющая ничего блестящаго, но полная очарованія. Какъ прекрасна старшая! Вообразите слышать и слышать Минервы. — Чѣмъ-то греческое въ лицѣ свѣтломъ, чѣмъ-то римское въ осанкѣ величественной. Разумъ и тишина сіяютъ въ большихъ, голубыхъ очахъ ея, ненарушимое спокойствіе въ чер-

шахъ лица, въ чертахъ, копорыхъ
 согласіе есть согласіе превозход-
 ной музыки. — Все въ ней правиль-
 носнъ, во всемъ опченноснъ. Каж-
 дое движеніе — мысль; каждое сло-
 во — разумъ. Высокое краснорѣ-
 чіе льется изъ полныхъ, румяныхъ
 устъ. Формы ея роскошно округле-
 ны и въ самыхъ складкахъ одежды —
 обдуманная некушвенноснъ, умъ и
 приличіе. — Важноснъ сокушествуетъ
 ей, ослабленіе устъ соопвѣщенуетъ
 мысли, сіяющей на возвышенномъ
 челѣ. — Все въ ней опкрито, все
 ясно. По виду — Юнона; мудросню —
 Минерва, осанкою — царица! Большая
 златоспрунная лира, украшенная дра-
 гоцвѣннѣйшею опдѣлкою, въ высокомъ
 древнемъ вкусѣ, часно обращается
 въ красивыхъ, полныхъ рукахъ и звѣ-
 нитъ подъ бѣлыми, округленными пер-
 стами ея. — Чшо скажу о пѣсняхъ,

которыя она поеть о Царяхъ , о народахъ , о великомъ , о божественномъ?... Величественны и безсмертны , какъ возвышенная поэзія , онѣ важны , уладительны и согласны , какъ гармонія вселенной , какъ беседа вѣковъ , коей внимающіе поколѣнія мимошекуція . Сіи пѣснопѣнія дѣйствуютъ прямо на разумъ , утоляютъ спрагли , возвышаютъ душу. — Такова сестра старшая .

Какъ прелестна младшая сестра ! Уловите князью красону радуги , лентною проспилающей между слонспыхъ шучь ; определите музыкальными нотами переливы звуковъ , склоненіе перекашовъ колычаной пѣсни соловья ! Изобразите на холстѣ быстро-перемѣнчаныя опшѣвики на лазоревой шеѣ лица Юнонны и тогда развѣ достигнете всю прелесть , всю миловидность младшей сестры ! — Но она не прекрасна , не величе-

ешвенна, въ ней ничего нѣтъ важнаго, почти ничего правильнаго. Легкость — ея примѣта; чрезвычайно стройный станъ — черта ея красоты; какая-то дѣтскость, просноподушіе, сердечность: вонъ абрисъ ея нравственной фізіономіи. Ея одежда, почти небрежная, всегда у ней къ лицу. — Я не могу описать ея лица: оно не уловимо и для самаго искуснаго карандаша. — Я знаю только, что локоны каштановыхъ волосъ ея, случайно разбросанные по плечамъ, прелесны; что миловидность лица возхитительна и что въ глазахъ ея есть нѣчто околдовательное. — Часто я замираю въ поэзію еяхъ глазъ и прочувствую въ нихъ болѣе, нежели въ огромныхъ фоліантахъ холодной прозы. Она, — (я продолжаю говорить о младшей сестрѣ,) такъ же имѣетъ свое музыкаль-

ное орудіе. — Часно гибкіе перенны ея пробѣгають по клавишамъ гармоникки. Какіе звуки! Весь первы приходять въ движеніе, подгрудіе наливается поскою, фантазія ошкликается, какъ будто на знакомый зовъ, воображеніе пылаетъ и весь я вѣтъ себя ошъ шоски, ошъ уноенія, ошъ неносимой тревоги чувствъ, ошъ сладостнаго смѣшенія ощущеній. Эпа младшая сесипра имѣетъ свои мнлыя причуды, свои изыскательныя прихоти. Ея уединенныя прогулки разнообразны, какъ и все въ ней разнообразно. Разъ я видѣлъ ее, высоко ошъ земли, на самомъ осиріи скалы. Тамъ, подъ навѣсомъ лихаго неба, на кошоромъ жаркая позолота закана мѣшалась съ свѣтлымъ румянцемъ вечерней зари и съ серебристымъ сіяніемъ вышупающаго мѣсяца, въ бѣлой одеждѣ, подъ голубымъ покрываломъ, она ешояла въ живонис-

ной неподвижности, какъ гений, извальный рукою великаго художника, какъ легкое видѣніе, внушающее сладкія, привѣтливыя ощущенія. Но она любила скидаться и подъ воюмь осеннихъ бурь и всматривалась въ сгущенныя картины неба, на коихъ шуми громаздился, какъ гусныя ополченія сражающихся челоуьковъ. Въ запусельныхъ башняхъ ставила она Золоту арфу и долго, долго подслушивалась, какъ будто желая зашверднить и послѣ кому нибудь пересказать нѣ прерываемые, дикіе звуки, нѣ переходы заунывные, нѣ ошголоски, похожіе по на плачь, по на шокливое стнованіе, напоминающіе все бывое, все минувшее, по чудное смѣшеніе воплей и пѣній, которое родится ошъ мимолетнаго прикосновенія пустыннаго вѣтра къ звонкимъ, упругимъ струнамъ. Она любила стравстновать по

развалинамъ рыцарскихъ замковъ, опустылыхъ храмовъ, упраздненныхъ монастырскихъ обителей, посѣщая храмы, цѣлища древняго оружія, гробницы, украшенныя гербами, памятниками пышной жизни и боевой славы людей, которыхъ уже не стало! Какъ волшебница Тесалійская, она умѣетъ возбуждать мертвыхъ на кладбищахъ! по мѣсту ея они возстаютъ въ бѣлыхъ саванахъ и, длинными рядами проходя мимо колдующей, рассказываютъ ей быльминоваго времени. Несравненно болѣе приходящая, она менѣе разборчива, чѣмъ старшая сестра, въ выборѣ предметовъ для пѣнія. Съ добродушною охотливостію она рассказываетъ сказки и повѣсти, пѣтваетъ элегіи и баллады, и пѣсни, увлекаетъ васъ оныя сухой, безцвѣтной существенности въ какую-то невѣдомую страну очарованія, гдѣ человеку, бо-

лѣзущему душею, шагъ весело забываться и обманываться. Не одни чертоги Царей, не одни великія явленія міра бывають содержаніемъ ея пѣсней.

Она передаетъ событія, случившіяся въ хижинѣ поселянина, въ шалашѣ пасыря, въ кибиткѣ степнаго жителя, въ аулѣ Черкеса и въ *tumt* Лопаря.— Младшая сестра любви города древняго, гдѣ все говоритъ воображенію и чувству, гдѣ, на обломкахъ зданій, глубоко запечатлѣны слѣды вѣковъ. Прямыя улицы, красивыя площади, зданія великолѣпныя, хотя и единообразныя, порядокъ и правильность правящей старшей. Превосходно ея краснорѣчіе! Сама прекрасная, какъ поэма, она внушаетъ возшорги высокіе, рождаетъ думы величественныя, вводитъ душу въ сферу благороднѣйшихъ наслажденій, знакомитъ ее съ высокими идеалами. Въ ея разсказѣ единство, гар-

моція, истина. Заманчивы, пльни-
 щельны повѣшвованія младшей сест-
 ры! При ней пробуждаюшя мечты,
 освѣжаюшя надежды, воскресаюгь
 воспоминанія и все семейство спра-
 шней, сонпродныхъ челоѡьку, прихо-
 дить въ движеніе. Чшо есть жизнь
 безъ бурей и случайностей? спросилъ
 я однажды у младшей сестры. Въено
 ошвѣна, она указала на пространное
 озеро, медленно, какъ челоѡькъ, изна-
 являюцій опъ смертоноснаго недуга,
 замирающее въ заглохлыхъ берегахъ,
 исчезнувшее подъ густымъ наплывомъ
 лишны, покрышой зеленью, мхами и
 папоротниками. Я понялъ смыслъ сего
 указанія. Такъ душа, ошорванная опъ
 сообществя сущеснвъ, се понимаю-
 щихъ, неосвѣжаемая обмѣномъ ощу-
 щеній и мыслей, ни огненнымъ вѣя-
 ніемъ вдохновенія, ни порывами во-
 енорговъ, ни бурєю жизни, увядшая,

стѣненная пресмыкающимися нуждами, лишается лирической жизни своей и, въ холодномъ безстрашии, въ гробовомъ спокойствіи ненарушимаго единообразія, предаётся дремотѣ, самозабвенію, чипобъ наконецъ въ глубокомъ усыпленіи прійти въ оцѣпеніе, — не пылать, не волноваться; существовать, но не жить.

Однажды была гроза и буря. Густыя тучи, набѣжавъ, поглощали звѣзды. Половина луны, какъ будто опесѣченная мечемъ, долго бѣгала въ разсѣвоженныхъ облакахъ. Наконецъ она исчезла. Заблистали изломчаныя молніи, и живописно браздили черное, безвѣщное небо. Валы свинцоваго цвѣта, въ вѣнкахъ изъ бѣлой, кружащейся пѣны, ходили, какъ привидѣнія, по озерамъ. Въ воздухѣ было душно, въ лѣсахъ шемно; только молніи озаряли высоты золотымъ огнемъ, а фосфорическія

гнили, разсыпавшись по мокрой землѣ, сидли серебрянымъ блескомъ и холодные лучи земнаго вѣтрѣчались съ пламеннымъ сверканіемъ неба. Въ это время, въ этомъ мѣсѣцѣ нашелъ я младшую сестру. Она сидѣла спокойно въ густомъ лѣсу, на изломанномъ бурю деревѣ. Слухъ ея, казалось, ловилъ переливы свисающихъ вихрей, въ ея очахъ изображалось какое-то юродивое забвеніе, — локоны длинныхъ волосовъ, какъ и всегда, спрунлись; крупныя капли, при свѣтѣ молніи, сверкали на нихъ, какъ уборъ изъ перловъ и яхонтовъ. Она не замѣчала меня, но я любовался чудесными прелестями сей уединенной очаровательницы. Она, мнѣ здавалось, хотѣла постигнуть всю тайну бури, запомнить всѣ переходы грозы, можетъ быть для того, что бы послѣ все пересказать своимъ любимцамъ,

* *

умбующимъ пониманъ ея снранный
 лзыкь, шанщешвенную красоту бесѣды
 ея. Но гроза ночная изчезла вмѣстѣ
 съ ночью. Великолѣпно было упрое о-
 свѣженной природы.—На зеленомъ ска-
 нѣ, у подножя коннораго лежалъ, какъ
 голубое снскло, зеркало-видный за-
 ливъ моря, среди зданій, увѣчаннхъ
 краснвыми куполами и мловидными
 шосканскими шлоабамн, въ свѣшломъ
 приморскомъ домнѣ, живо напомина-
 ющемъ приморекій Плиневъ домъ, на-
 шель я снаршую сеснру. Великіе
 поэшы Греціи и Рима окружали ее
 въ швореніяхъ своихъ. Въ рукахъ млад-
 шей я видѣлъ Данша, Аріосна; недав-
 но перечншывала она Гешева Фауспа.
 Снаршая жила шолько среди валиій
 и пнпшческаго вѣка древннхъ. Снран-
 но! я по какому-шо прихоншавому,
 безопченному чувству влекусь къ
 младшей сеснрѣ; по снаршая при-

влекаетъ меня къ себѣ. Любовь ко второй заставляетъ заниматься только ею; но любовь, соединенная съ уваженіемъ къ первой, сильно колеблетъ привязанность ко второй. Онь сего мысли мои часто шатаются и я, колеблемый нерѣшимостью, уподобляюсь маяшнику, равномерно движущемуся по къ той, по къ другой стороне... Которой же отдашь преимущество?—Я не смѣю рѣшить споръ. Можетъ быть, эиотъ споръ занимаетъ теперь умы всего современнаго человечества. Молчу, что бы говоря болѣе и яснѣе, не подашь повода подумать, что въ семь иносказательномъ описаніи подразумеваю я поэзіи: *Классическую и Романтическую.*

Θ. Глинка.

Б Е Д У И К А.

Восточная повесть.

Моавія, сынъ Сейфановъ, повели-
тель правовѣрныхъ, сидѣлъ однажды
въ кругу своихъ царедворцевъ въ ве-
ликолепномъ увеселительномъ зданіи,
поспировавшемъ при большой дорогѣ,
ведущей въ Дамаскъ. Изъ оконъ сего
зданія во все стороны видъ былъ воз-
хитительный: роскошные сады Гушы,
необъятныя взору равнины Бекаи,
рѣчки и пруды, осыенныя оливоковы-
ми деревьями, холмы, красующіеся
виноградомъ и позади ихъ чернѣющій-
ся поканъ Анниливана, составляли
вмѣстѣ прелеснѣйшую въ природѣ
картину. Водомены, брызжа изъ мра-

морныхъ купелей, разливали по всему зданію пріятную прохладу; но въ зданіи, удушливый зной захватывалъ дыханіе: жгуцій вѣтеръ; налешавшій съ жаркихъ песковъ Неджда, дыхалъ плетворнымъ пламенемъ. Халифъ увидѣлъ вдали челоѵка, въ широкой бедуйской епанчѣ съ бѣлыми и черными полосами, шедшаго по большой дорогѣ. Былъ полдень; солнце некло со всею своею силой, и нушникъ, шедшій босыми ногами, шомаясь усталосіпю и испощеніемъ, не могъ сносить жара разкаленной земли, по которой ступалъ, и ускорялъ свой ходъ. Видъ сего челоѵка наполнилъ сердце Халифова горесіпю. «Алла сотворилъ ли когда челоѵка,» воскликнулъ онъ, обращаясь къ своимъ приближеннымъ, — «несчастіе шого, какъ сей Арабъ, принужденный влаинишься по большимъ дорогамъ въ ша-

кой жаръ, какъ пылѣвшій, и въ эту пору дня?» — «Поведнись правотворныхъ!» отвѣчалъ одинъ изъ царедворцевъ: по чему знаешь? можетъ быть человекъ сей ищетъ себя, хочетъ прибѣгнуть къ своей помощи или защитѣ? Можетъ быть думаетъ онъ, что великодушнѣе нвое будетъ для него лучею весеннею, прохлаждающею зной дневный и уполяющею жажду, которою, какъ видно, онъ томится?» — «О, если меня онъ ищетъ,» вѣщалъ Халифъ, «то я буду для него лучею весеннею, оживляющею поля, пожигаемыя *гаруромъ* (*), я буду ему росею благодарною, питающею листья лавра, поблеклыя отъ зной! Сюда, опрокъ: снунай къ дверямъ моего черного, и если сей Арабъ бу-

---

(*) Жгущій вѣтеръ, дующій въ степи Сирійской.

дети обо мнѣ спрашивать, то' много приведи его предъ лице мое.»

Опрокъ сошелъ къ дверимъ черногога и спросилъ у Бедуина: куда онъ идешь въ такую пору и кого ищешь? — «Я иду въ Дамаскъ,» отвѣчалъ Бедуинъ, «а ищю повелителя правовѣрныхъ: онъ правосуденъ и великодушенъ; онъ извлеченъ изъ моего сердца жало насилія, коимъ оно разперзано, и вырвенъ изъ земли мусульманской племени своеволеиства.» — «Если такъ, то иди за мною,» сказалъ опрокъ: «повелитель правовѣрныхъ ждетъ тебя въ этомъ черномъ.» — Бедуинъ повиновался опроку, который ввелъ его предъ очи Халифова. Представъ предъ своего властителя, Бедуинъ оказалъ поклонеиіе, и, бывъ изпощенъ усладою, съ шрудомъ произнесъ нѣсколько едина вяиныхъ словъ, коими желалъ ему

долгаго царствованія и всѣхъ возмож-
 ныхъ благъ. «Откуда ты, другъ Арабъ?»
 спросилъ его Халифъ. — «Я изъ Еми-
 ма,» отвѣчалъ онъ. — «Кого же ищешь
 въ такую тяжкую пору? чпо засна-
 вляешь себя подвергаться въ эти
 часы напилью ужаснаго вѣтра, жгу-
 щаго листья оливы и удушающаго
 пшницъ на полѣхъ?» — «Несправедли-
 вость посланнаго тобою въ гра-
 доначальники намъ Мервана, причи-
 ною труднаго моего путешествія;
 ищю я твоего правосудія. О Моавіи!»
 продолжалъ онъ: «вселенная чпннть
 твое могущество, мудрость и про-
 свѣщеніе, народы благословляютъ твое
 правдолюбіе, прямодушіе и благость.
 У тебя ищю я убѣжища, когда весь
 міръ меня опвергаетъ. Не измѣни
 моей надеждѣ и правосудіемъ твоимъ
 опмеси за обиды, которыми гне-
 шель меня шонъ, кого ты посла-

вилъ покровителемъ невинности и карателемъ злодѣевъ. Онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе, тяжчайшее самой смерти. Изъ судиіи моего, содѣлался онъ непримиримымъ врагомъ моимъ: онъ у меня опіялъ мою Соаду, гналъ меня, заключалъ въ шемницу, вооружилъ на меня родныхъ моихъ, презрѣлъ и законъ Бога и праведный гнѣвъ швой.»—

Мсавія, видя, что Бедуинъ пылалъ огнемъ негодованія, превожимъ былъ волненіемъ духа и измученъ усшало-снїю, повелѣлъ ему сѣсть, успокоилъ свои чувства и номомъ разска-зашъ ему свою повѣсть. Бедуинъ, послѣ крапкихъ минушъ ошдыха, снова началъ говорить такъ: «Повелѣишель правовѣр-ныхъ! и сынъ есени и веду родъ мой отъ благороднѣйшей и чиснѣйшей крови Арабовъ, кошорая никогда не смѣши- валась съ кровью чуждою, никогда не сливалась съ кровью жипелей горо-

довъ или сель. Изъ рода нашего про-
 изошли сто выпязей, конхъ подвиги
 славятся по всемъ снениамъ и сто
 поэновъ, конхъ стихи твердились во
 всехъ шапрахъ. Я былъ богатъ насле-
 діемъ отца моего: у меня было луч-
 шее стадо верблюдовъ и двѣнадцать
 самыхъ породистыхъ коней Недж-
 декныхъ. Ни одинъ странникъ не про-
 ходилъ мимо моего шапра, не испы-
 тавъ моего гостепріимства; ни одинъ
 утѣсенный не испрашивалъ помощи
 копыя моего. Я взялъ себѣ въ
 жены Соаду, дочь Шенха моего пле-
 мени. Она была прекраснѣйшая и бла-
 городнѣйшая изъ дѣвъ Аравіи; глаза ея
 подобались свѣтлымъ звѣздамъ Оріона,
 а снани ея гибкому снению *бана*. Мы
 любили другъ друга и жили счастливо;
 но одинъ черный годъ рушилъ наше
 блаженство. Я лишился попеременно
 и стада моихъ, и всего моего иму-

щеслива. Тогда весь меня покинули. Я спалъ несноснѣе нѣмъ людямъ, которые прежде искали моей дружбы; я долженъ былъ сносить надменіе низкихъ душъ, которыя незадолго предъ нѣмъ испрашивали моихъ милостей. Къ горшему моему бѣдствію, шеснѣ мой уснѣлъ, коварствомъ и вероломствомъ, похитилъ у меня жену мою, и не хотѣлъ уже возвращить ее мнѣ. Когда я пришелъ къ нему, онъ припалъ меня съ жестокими упреками, осыпалъ меня оскорбленіями и запретилъ мнѣ ходить къ нему. Племя наше кочевало тогда подъ снѣгами Басоры. Я прибѣгнулъ къ защитѣ Мервана, правителя той области. Онъ призывалъ моего шеснѣ и спросилъ его, за что онъ такъ несправедливо со мною поступалъ? Но Шенхъ, съ безснѣдствомъ, какому не было еще примѣра, отвѣчалъ, что не знаетъ

меня и что я просто обманщикъ. Я преребоваль, что бы для поясненія дѣла, свой градоначальникъ призвалъ Соаду и положился на ея показаніе. Мерванъ согласился на то и приказалъ Шенху привести свою дочь. Но кто могъ это предвидѣть! поспунокъ, въ кошоромъ я полагалъ вѣрный залогъ моего спасенія, содѣлался испочникомъ всѣхъ моихъ еспраданій и бѣдъ! Едва Мерванъ увидѣлъ Соаду, пошчасъ въ нее влюбился, запретилъ мнѣ входить въ судилище, перзалъ меня и наконецъ свергнулъ въ пюрьму. Я спалъ несчастнѣе дѣшница лани, кошорое видѣвъ, какъ псы звѣроловцевы разперзали мань его въ дѣлнѣ, препенно бродить по кремнистымъ ущесамъ Веджры. Мерванъ въ то время предложилъ моему шесню — избавить его, онъ такого зиня, какъ я, если онъ согласится дать ему въ жены

Соаду, за которую обѣщала запла-
 тить десять тысячъ драхмъ. Кору-
 сполубивый старикъ охотно при-
 нялъ предложеніе градоправителя, и
 сей, попребавъ меня къ себѣ, пове-
 лѣлъ мнѣ развестись съ моею женою.
 Я ошказала ему. Тогда прислужники
 его схватили меня, безжалостно бро-
 сали въ мрачное, зловонное подземелье
 и ревностно каждый день выдумыва-
 вали новыя для меня муки, чтобы вы-
 рвать изъ меня согласіе на разводъ съ
 женою. Види, что я твердо рѣшилася
 не преклоняясь предъ его неправдою,
 Мерванъ вздумалъ играть законами.
 Подкупленные, безсовѣстные судьи
 приговорили развести меня съ женою,
 на конторой тогда же Мерванъ женил-
 ся. Меня все еще держалъ онъ въ за-
 ключеніи, откуда я ушла чуднымъ
 случаемъ. Рука Аллы извела меня оп-
 томъ, не смотря на неусыпность моей

спражи, и я прибѣгаю подь кровь
твоего правосудія. Моавія! бойся Бо-
га, вручившаго тебѣ счастье и без-
опасность правовѣрныхъ! слезы при-
писенной невинности budouть низк-
чайшимъ обвиненіемъ, каковое Тво-
рецъ поставитъ въ день спрашнаго
суда, прошивъ тѣхъ, на кого возло-
жилъ Онъ заботу — править людьми
въ здѣшней жизни. » — Бедуитъ, мало
по малу одушевляясь въ своей рѣчи,
въ концѣ ея, по быспрому вдохнове-
нію, сказала сѣн стиха:

Въ сердцѣ моемъ еще шепещеть неправды
спрѣла,

Очи мои изночаютъ кровавыи слезы.

• Моавія! ты никогда не сносишь при-
писенній

И приписенныхъ бѣды не вовсе понимашь
тебѣ.

При сихъ словахъ, силы его осла-
бли: онъ упалъ безъ чувствъ, Халифъ

всѣмъ подать ему нужную помощь, а себѣ принесши бумаги, и своею рукою написалъ къ Мервану письмо, въ которомъ дѣлалъ ему сшроеіе упреки, угрожалъ своимъ гнѣвомъ и повелѣвалъ ему пошъ же часъ развестись съ Соадою и немедленно прислать ее въ Дамаскъ.

Правитель повиновался своему Государю и отправилъ Соаду въ Дамаскъ съ шѣми же посланцами, кошорые принесли ему повелѣніе Халифа. Тогда же написалъ онъ и письмо къ Халифу, извиняясь любовно своею къ сей Бедуникѣ и упорствомъ ея мужа, не хотѣвшаго съ нею развестись; что все сіе подстрекнуло его къ такимъ насильственнымъ поступкамъ, кошорыхъ бы онъ никакъ не сдѣлалъ во всякомъ другомъ случаѣ; что онъ готовъ всеми способами вознаградишь сего человека за претерпѣнное имъ, и наконецъ, что онъ

съ покорностію преклоняеть повинную свою голову подъ мечъ правосудія Халифова, изирашивая его милосердія и великодушія.

Когда Соода прибыла въ Дамаскъ, ее предспавили Халифу. Онъ удивился ея красоти, съ конорою прелестни вѣхъ жень его гарема не могли сравнишься. Возвышенная, какъ нальма береговъ Нила, въ поступи своей она стройно склонялась, подобно рашовищу копыа ещеннаго наѣзника, сдѣланному изъ Багдадской шроспи. Тѣло ея имѣло прелестный цвѣтъ серебра, съ легкою примѣсью золота, а блестящіе искрами глаза ея выражали шу восхищительную пріятность любви и нежности, которая ешоль чудно свѣпнилась въ глазахъ молодой ланп, когда она, своропивъ на сторону гибкую свою шею, смотритъ съ любовью машери на двухъ

маленьких оленяхъ , прильнувшихъ къ
 сосцамъ ея. Легкая , какъ серна горы
 Тудыхъ , она была и величава , какъ луна ,
 прошекающая звѣздный сводъ въ четыр-
 надцатую ночь свою. Моавія вешу-
 ниль съ нею въ разговоръ и нашель ,
 что она умѣе и образованнѣе Зарки ,
 кошорой славнѣйшіе виписи еменей
 посвящали жизнь и богатства свои.
 Въ минушу Халифъ спросио въ нее
 влюбился , и вмѣсто того , что бы
 строга наказанъ Мервана , какъ онъ
 намѣревался , нашель въ собствен-
 номъ сердцѣ ему извиненіе. Онъ при-
 казалъ помѣстить Соаду въ велико-
 лѣнныхъ черногодахъ , окружилъ ее шло-
 ною невольницъ и забавъ , велѣлъ твер-
 дить ей о любви своей , и достав-
 лялъ ей все почести и увеселенія ,
 могуція возпламенишь воображеніе жен-
 щины и заставилъ ее полюбить та-
 кую пріятную жизнь.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Халифъ призвалъ къ себѣ Бедуина и сказалъ ему: «Другъ мой, не можешь ли ты утѣшишься безъ Соады? Я посылаю тебя богачствами и позволяю тебѣ выбрать въ жены изъ моего гарема самую красивую, которая тебѣ болѣе другихъ понравится, съ доспашочнымъ челомъ прекраснѣйшихъ невольницъ для услуги.» — Бедуинъ слушалъ слова своего Государя съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ; потомъ ручьи слезъ смочили глаза его, онъ зарыдалъ, упалъ на землю и вдался въ жесточайшее опчаяніе. Халифъ дивился тому; самъ почти смутился; онъ спросилъ у Бедуина о причинѣ такой горести и старался его утѣшить. «Могу ли не предаваться опчаянію?» вскричалъ Бедуинъ: «когда я спрдалъ опривѣненій моего градоначальника тогда жилъ надеждою на свое пра-

восудіе ; но если ты столь же несправедень , какъ и онъ , — къ кому я пойду съ жалобой ? Ты въ заговорѣ съ моими врагами , что бь ошляшь у меня мою супругу , которую я люблю больше всего на свѣтѣ . Повелѣннелъ правотѣрныхъ ! такое ли упорѣбленіе долженъ ты дѣлать изъ власни , вѣренной тебѣ Богомъ , и изъ законовъ , конхъ ты намъ поснавленъ заложникомъ ? » — « Успокойся , Арабъ , » прервалъ Моавія съ важноснію ; « ты не можешь прѣбывать , что бы жена , съ которою ты развелся , снова соединила свою судьбу съ твоею , кѣгда она не согласилась на то сама и предпочтетъ даруемую ей онъ Бога жизнь царекую и доснойную ея , жалкой участи — погребеннн себя заживо съ тобою въ пескахъ пустыни , спосннть всякіе недоснатки и жить въ нищѣ . Хочешь ли : я призову ее сюда ,

чтобъ она сама сдѣлала выборъ между нами? » — Бедуинъ былъ сраженъ симъ предложеніемъ Халифа; долго споялъ онъ недвижимъ и безмолвенъ; наконецъ слезы снова брызнули изъ его глазъ и онъ сказалъ голосомъ умиленнымъ, «Повелитель правотѣрныхъ! сознаюсь, что не имѣю болѣе никакого права на Соаду, если только любовь ея не дастъ мнѣ на нее права. Если она предпочиняетъ богатство и пышность, коими окружена нынѣ, ежели она чинитъ себя счастливою въ этомъ' состояніи; то пусть прійдетъ сюда и объявитъ намъ о томъ: я охотно покорюсь ея выбору, ибо лучшее доказательство любви, когда человекъ жертвуетъ своими чувствованіями счастію той, которую любить. » — Халифъ, довольный разсудительными рѣчьми Бедуина, подаль знакъ своему

ошроку, и въ одно мгновение Соада явилась предъ очи своего Государя и перваго своего мужа, котораго съ шрудомъ узнала: такъ гореснь и еспрада-ція измѣнили его! Моавія объявляе ей, съ какою цѣлью призвалъ ее и требовалъ, чинобъ она объявила, кого выбираешъ, его или Бедуина? Соада, въ смященіи, ошвѣчала протаюцимъ душу голосомъ: «Повелишель правовѣрныхъ! ни одна женщина изъ нашего племени никогда не измѣнила своему долгу. При бѣдности, недоспанкахъ и самомъ голодѣ, сей человекъ всегда будетъ мнѣ милѣ всякаго владыки земнаго, хопя бы шопъ былъ еще могущественнѣе, славнѣе родомъ и великодушнѣе шебя. Съ мужемъ, которому я каялась въ вѣчной вѣрности, полешъ бедуинскаго шапра, гореснь ишена и немного верблюжьяго молока, есан можно его доспанъ, — будущъ для

меня пріяпнше вѣнца Халифова, обидя и роскоши двора его и почестей, который воздавалъ бы мнѣ пародь, разпросперный у ногъ монахъ. Нѣкогда мы обязаны были другъ другу нашимъ взаимнымъ благополучіемъ; и какъ я любила его тогда, когда онъ былъ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ вѣнцеземъ нашего племени, но справедливоснъ пребуенъ, чпобъ я раздѣляла съ нимъ теперь его бѣдешвія и своими о немъ понеченіями усладила горесни, его нягощія. Такъ! я хочу снова къ нему возвращишься; ибо женщина тогда шолько дѣлаенъ самое лучшее употребленіе своей воли и вѣсхъ своихъ помысловъ, когда жертвуенъ собою совершенно счастію шого, кому клялась она въ вѣрносни. • Сказавъ сн слова, она зарыдала, оплеа руками шею своего мужа, и упала безъ чувствъ въ его объятія.

Халифъ не могъ выдержавъ сего зрѣ-
 нища безъ сильныхъ душевныхъ ощу-
 щеній; онъ чувствовалъ, что глаза его
 наполнились слезами, велѣлъ подать
 помощь сей женщинѣ, чтобы привесни
 ее въ чувство, и сказалъ: «Бедуинъ!
 я стыжусь, что хотѣлъ быть неспра-
 ведливъ съ тобою; я не могу наказать
 Мервана, ибо чувствую себя столь же
 виновнымъ, какъ и онъ; но дарю тебѣ
 все, что готовилъ для Соады, кото-
 рую тебѣ возвращаю; къ сему я при-
 совокупаю еще десять тысячъ золо-
 тыхъ монетъ. Не обвиняй меня предъ
 судомъ Божиимъ, когда мы оба пред-
 ешанемъ на оный. Будь же моими друзь-
 ями, ибо я чувствую шеперь, что для
 Государя, самое лучшее употребленіе
 власти его есть то, что бы побѣдиль
 соблаженныя свои спраски и велико-
 душно ими пожертвованъ благу сво-
 ихъ подданныхъ.»

Съ Арабск. — Сеиковскій.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ КАРАМЗИНА.

Предпринимая сообщить читателямъ нѣкоторыя извѣстія о жизни и трудахъ великаго писателя, котораго поперю оплакиваетъ вся образованная Россія, могу я только повторить съ нѣкоторыми пополненіями то, что уже было сказано мною въ первые дни по кончинѣ незабвеннаго. Еще не завяли цвѣты, которыми друзья и читатели осыпали его священную могилу. Попомню, судья безлицемѣрный и справедливый, еще не началось для него: мы можемъ говорить и судить о немъ, какъ современники, можемъ увлекаться мнѣніями и сужденіями другихъ, неочищенными временемъ ошъ

примѣси личной дружбы или недоброжелательства къ почившему; но если слова наши будутъ отголоскомъ истиннаго нашего убѣжденія, если они будутъ служить хотя легкимъ опечанкомъ того, что мыслили и чувствовали наши современники при сей незамѣнимой потерѣ, то и они не пропадутъ въ будущемъ. Помощью, сравнивая труды и заслуги писателя съ мнѣніемъ о немъ современниковъ, наблюдая, въ какой мѣрѣ они умѣли понимать и уважать его, получивъ вѣрныя средства къ опредѣленію его достоинства въ отношеніи къ времени и мѣсту его жизни.

Жизнь Карамзина не богата приключеніями: онъ жилъ умомъ, чувствами, воображеніемъ, для удовлетворенія благородному влеченію души своей къ содѣйствію славы и общему благу отечества, а не для снисканія

временныхъ почестей и отличій. Онъ не посѣщаль шумнаго торжища, на которомъ громкій, но скоропреходящій звукъ славы провозглашаетъ имена своихъ поклонниковъ; въ спокойномъ наслажденіи своимъ достоинствомъ и талантами, онъ предвидѣлъ для себя славу прочѣйшую. Попомство, а не директоръ пишетъ въ послужномъ спискѣ его: *способенъ и достоинъ.*

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Симбирской губерніи 1 Декабря 1766 года (*), воспитывался въ Москвѣ въ домѣ профессора Шадена, а потомъ учился въ тамошнемъ университетѣ. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, и съ 1789 по 1791 годъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы. Съ того времени жилъ онъ въ Москвѣ, занимаясь лише-

---

(*) Сіе число вырѣзано на его надгробномъ камнѣ.

рашурою. Въ 1803 году пожалованъ въ Императорскіе Исторіографы; въ слѣдующемъ году награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника; въ 1810 получилъ орденъ Св. Владимира 3 степени. Въ 1812 пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники, а въ 1816, по поднесеніи имъ Государю Императору Александру Павловичу первыхъ осьми томовъ Исторіи Государства Россійскаго, награжденъ чиномъ Сшашскаго Совѣтника и орденомъ Св. Анны 1 класса. Въ 1824 году пожалованъ чиномъ Двйспвишельнаго Сшашскаго Совѣтника. — Съ 1816 года жилъ онъ въ С. Петербургѣ, проводя лишніе мѣсяцы въ Царскомъ Селѣ, гдѣ по Высочайшему повелѣнію опведена ему была квартира въ дворцовомъ флигелѣ. — Здоровье его разстроилось послѣ сильной горячки, претерѣнной имъ въ 1823 году. Безпрерывные труды раз-

положилъ его къ изнурительной чахошкѣ, которая открылась проспудою въ январѣ 1826 года. Всѣ сипаранія врачей, всѣ поличенія родныхъ и друзей, великодушное участіе Государя, пламенные желанія признашелейныхъ соопчицей — были ищешны. При наспуленіи весны (1826) переѣхалъ онъ въ Таврической дворець, гдѣ опведепа ему была квартира по Высочайшему повелѣнію. Чувешвуя посшепенное ищезаніе силъ своихъ, пожелалъ онъ опсправишься въ шенлый климашъ Ишалии, и надвляся на благословенныхъ берегахъ Арно возспановишь свое здоровье. Государь Императоръ, узнавъ о семъ, Всемилосшивѣйше пожаловалъ ему на дорогу 50 ш. рублей, и повелѣлъ, для опсправленія его, снаридишь фрегатъ. Но Карамзинъ не могъ уже сншь воспользовашься: болѣзненные его припадки усил-

валясь безпрерывно. Полученный имъ въ послѣдніе дни жизни знакъ Монаршей милости, успокоившей его въ разсужденіи будущей участи нѣжно любимаго имъ семейства, возбудилъ попухавшую въ немъ искру жизни, но не надолго. Въ четвертокъ, 20 Мая, утромъ, онъ еще говорилъ объ Ишадіи; но вскорѣ впалъ въ совершенное расслабленіе и безпамятство, и тихо скончался 22 Маія 1826 года, во вторникъ часу по полудни, на рукахъ родныхъ и друзей своихъ. — Тѣло его предано землѣ, 25 Мая, въ новой оградѣ кладбища Александро-Невскаго монастыря, по правую сторону отъ воротъ (*). По желанію, изъявленному имъ предъ кончиною, погребеніе происходило безъ всякихъ

(*) Въ старой оградѣ, по лѣвую сторону, лежатъ Ломоносовъ.

церемоній. Почетнѣйшія особы, пребывающія въ здѣшней столицѣ, вельможи, ученые и литераторы, Рускіе и иностранцы, присуствовали на ономъ: искренними слезами и душевнымъ возпомнаніемъ добродѣтелей, талантовъ и заслугъ усопшаго, плащали они справедливую дань праху великаго Россіянина. — Государь Императоръ, принимавшій во все продолженіе болѣзни Карамзина нѣжнѣйшее въ судьбѣ его участіе, почтилъ наканунѣ погребенія послѣднимъ цѣлованіемъ прахъ сего подданнаго, который достоинъ былъ жить и дѣйствовать въ царствованіе Александра и Николая.

Карамзинъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ началъ упражняться въ опечиственной Словесности, и все время, которое другіе употребляютъ на приобрѣтеніе чиновъ или богатства,

посвящилъ благороднымъ занятиямъ науками и либеральною. Но исключительными занятиями сии не лишили его наградъ и выгодъ, сопряженныхъ съ дѣйствительною службою. Правосудные и великодушные Государы награждали его пируды и заслуги самымъ отличнымъ образомъ: онъ былъ одинъ изъ первыхъ, получившихъ орденъ Св. Владиміра 3 степени въ чинѣ Падворнаго Совѣтника; онъ одинъ въ Россіи имѣлъ орденъ Св. Анны 1 класса въ чинѣ Шапскаго Совѣтника, и получалъ оный вмѣстѣ съ симъ чиномъ. Весьма извѣстна послѣдняя пенсінно-Царская награда, конторой онъ удостоился; извѣстно и то, какую сугубую цѣну получила, въ глазахъ его и всѣхъ благомыслящихъ людей, сія награда, онъ выражений, конми благолюбивый Монархъ извѣстилъ объ оной самого Карамзина (см. приложение).

Первые переводы Карамзина помѣщены были въ журналъ: *Дѣтское зрѣніе*. Онъ издалъ въ Москвѣ: 1) *Московский журналъ*, 8 томовъ, 1792 и 1793. 2) *Аггилъ*, двѣ книжки, 1794. 3) *Аониды*, или собраніе разныхъ стихотвореній, три часши, 1797, 1798 и 1799 г. 4) *Пантеонъ иностранной словесности*, 3 книжки, 1798. 5) *Вѣстникъ Европы*, Журналъ полническій и литературный, 12 часшей, 1802 и 1803 годовъ. — Сочиненія свои, напечатанныя въ Московскомъ журналѣ, издалъ онъ особо, въ 1794 году, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*. — Въ 1804 году напечатано въ Москвѣ полное собраніе его сочиненій (въ 1815 г. вторымъ, въ 1820 прешьимъ писаніемъ, въ девяти томахъ). Въ ономъ заключающа: 1) *Стихотворенія*, бѣльшею часшию лирическа; 2) *Письма Рускаго путешественника*, 4 тома; 3) *Повѣсти: Бѣдная*

Лиза, Прекрасная Царевна и счастливый карла, Юлиа, Дремутій мѣсъ, Наталья болгарская дочь, Сиерра-Морена, Островъ Борнгольмъ и Марва Посадница. 4) *Историческое похвальное слово ЕКАТЕРИНЫ II.* 5) *Разговоръ о счастіи.* 6) *О Богдановицѣ и его сочиненіяхъ.* 7) *Историческіе очерки: О Московскомъ мѣтежѣ въ царствованіе Алексея Михайловича; Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ; Руская старина; Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.* 8) *Рѣчь, произнесенная въ собраніи Россійской Академіи, и проч.* Сверхъ того напечатаны въ семь собраніи легкія прозаическія снѣжки разнаго содержанія, помѣщенныя въ издаваемыхъ имъ журналахъ. Изъ переводовъ напечатаны (въ нѣхъ же журналахъ и особо): *Повѣсти Мармонтеля* (М. 1794 и 1815), *Повѣсти Госпожи Жанлисъ* (М. 1816) и еще

Повѣсти разныхъ сочинителей (М. 1816). Но важнейшее твореніе, коему онъ посвящала съ 1803 года до кончины своей, въ шеченіе 22 лѣтъ, все шруды свои, есть *Исторія Государства Россійскаго*, 8 томовъ, напечатанная въ Санктпетербургѣ 1816—18 годовъ, вторымъ шеченіемъ тамъ же, 1819—1820 годовъ. Девятый томъ 1821; десятый и одиннадцатый 1823 года. Карамзинъ занимался, въ шеченіе двухъ лѣтъ, сочиненіемъ 12-го тома, который долженъ былъ заключиться возшещеніемъ на престолъ Царя Михаила Теодоровича. Сей неокончанный томъ вскорѣ будетъ напечатанъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ оставленъ авторомъ.

Исторія Государства Россійскаго есть одно изъ важнейшихъ твореній на рускомъ языкѣ, по предмету, изложенію и слогу. Карамзинъ воздвигъ

онимъ незыблемый памятникъ героямъ и подвигамъ древности русской, и своему трудолюбію, уму и талантамъ. Но если онъ въ званіи испорика достоинъ хвалы и благодарности ученаго свѣта, то неменѣе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ славы въ качествѣ лирическаго и прозаика. Въ Испорикѣ имѣлъ онъ предшественниками и образцами знаменитыхъ писателей древности и новыхъ временъ: новую же рускую прозу, чистую, легкую, благородную, сочинилъ онъ самъ, силою своего таланта и вкуса. Произведенія его, казавшіяся легкими, потому что нашли многихъ подражателей, и въ томъ числѣ мало удачныхъ, сначала возбудили противорѣчіе въ лирикахъ, привыкшихъ къ прозѣ Ломоносова и его современниковъ; но въ послѣдствіе времени общій голосъ истинно-просвѣщенной

публики призналъ, что слогъ Карамзина не есть прихотливое подражаніе иностраннымъ примѣрамъ, а основанъ на глубокомъ познаніи свойствъ рускаго языка, очищенъ благороднымъ вкусомъ и утверждень на правилахъ всеобщей грамматики. Въ первыхъ его сочиненіяхъ, особенно въ Письмахъ рускаго путешественника, встрѣчались иностранныя слова; но слогъ послѣдовавшихъ его твореній, преимущественно Россійской Исторіи, можетъ назваться образцовымъ. Не смѣемъ утверждать, что Карамзинъ достигъ уже послѣдней степени совершенства: языкъ нашъ еще можетъ обогатиться оборотами, выраженіями и формами, пріобрѣсть бѣольшую правильность, возвыситься надъ нынѣшней своею степенью; но имя Карамзина будетъ сіять въ потомствѣ подлѣ именъ Кантемира и Ломоносова.

Сочиненія Карамзина дѣйствовали примѣрно на его современниковъ: приохотивъ и женскій полъ въ Россіи къ занятіямъ отечественною словесностію, они предуготовили образованіе вкуса въ возрастающемъ поколѣніи. Рѣшительно можемъ сказать, что легкостію, ясностію и правильностію русской прозы въ нынѣшнее время, обязаны мы трудамъ Карамзина. Нельзя изчислить благодѣтельныхъ послѣдствій, произтекающихъ въ обществѣ и литературѣ отъ трудовъ *одного* образцоваго писателя. Умъ и вкусъ его проникають повсюду: и въ кабинетъ ученаго, и въ будуаръ модной женщины, и въ палатку вонна, и въ палату судейскую: читая произведенія хорошаго писателя, иногда внутренно досадуя на непривычную новизну, иногда и явно восставая на то, чего не было прежде, люди мало по малу при-

выкаюпъ къ лучшему, нечувствитель-
но увлекаются силою ума и изыщеспи-
ва, и невольно спановятея его по-
слѣдованіями и подражаніями, сами
того не примѣчая. — Спихотворенія
Карамзина суть выраженіе *мыслей* ум-
наго челоука, облеченное въ форму
поэзи и ѣзкой и прнвлечательной.

Творенія Карамзина, въ которыхъ
отсвѣчивались необыкновенный умъ,
чистый вкусъ, ясная душа и доброе
сердце, доставили ему множество дру-
зей и читателей во всей русской пуб-
ликѣ. Нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы,
въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ,
не читали Карамзина, не восхища-
лись его трудами, не любили заочно
автора. Нѣкоторые писатели, из-
дали восхищающіе публику, въ лич-
номъ обхожденіи разочаровываютъ сво-
ихъ читателей; съ Карамзинымъ бы-
ло пропнвное: личное съ нимъ зна-

комство увеличивало и укрепляло по-
чтение и любовь, внушаемая его про-
изведениями. *Le style est tout l'homme*
(въ слогъ заключася человекъ), го-
ворить Бюффонъ. Это въ точности
можно было отнести къ Карамзину.
Основательность, спокойствіе, яс-
ность, чистота, правильность, бла-
го разумная бережливость, гармонія
его слога — видны были въ его дѣ-
лахъ и обращеніи; но качества сіи
получали новый блескъ и неотъем-
лемую прелесть отъ нежности серд-
ца, отъ теплоты душевной, крош-
кой сопрадательности и прогатель-
наго человеколюбія, коими оживля-
лись все его мысленія, слова и
послужки. Онъ былъ вѣрный другъ,
нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ;
находилъ услаждение въ пособіи и бла-
готвореніи ближнимъ; чувствуя свое
достоинство, былъ скромнъ и не-

взыскапеленъ, не зналъ недоброжела-
 тельства, зависти и мщенія; былъ
 благочестивъ и приближенъ къ Богу;
 пламенно любилъ Россію и добрыхъ
 своихъ Государей — былъ человекъ
 великій и добродѣтельный по всемъ
 значеніи сихъ словъ!

Приложеніе.

Высочайшій рескриптъ, данный на
 имя Д. Ст. Сов. Карамзина: «Николай
 Михайловичъ! Разсироенное здоровье
 ваше принуждаетъ васъ покинуть на
 время отечество и искать благопріят-
 нѣйшаго для васъ климата. Почитаю
 за удовольствіе извѣстить Мое не-
 крепное желаніе, что бы вы скоро къ
 намъ возвращались съ обновленными
 силами и могли снова дѣйствовать
 для пользы и славы отечества, какъ
 дѣйствовали доннѣ. Въ то же время,

и за покойнаго Государи, знавшаго на опынѣ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя Самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель. — Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Рускій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желаю, чего не успѣлъ исполнить Братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ (*) най-

---

(*) Въ сей бумагѣ заключенъ Высочайшій Указъ Министру Финансовъ отъ 13 же мая, коимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всемилостивѣйше повелѣниіи соизволило, производить Д. Ст. Сов. Карамзину, по случаю его ошѣзда за границу для излеченія своего, по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія, обращаемая ему въ пенсію, была послѣ него про-

деше вы изъявленіе воли Моей, ко-
торая, будучи съ Моей стороны од-
ною только справедливостию, есмь
для Меня и священное завіщаніе Им-
ператора Александра. Желаю, что бы
путешествіе было вамъ полезно, и
что бы оно возвратило вамъ силы,
для довершенія главнаго дѣла вашей
жизни. Пребываю вамъ всегда благо-
склонный.»

На подлинномъ подписано собствен-
ною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-
ЧЕСТВА рукою :

НИКОЛАЙ.

Царское село.
13 Мая 1826 года.

изводима сполна его женѣ, а по смерти ея также
сполна дѣлать, сыновьямъ до вснупленія всѣхъ ихъ
въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней
изъ нихъ.

ВОЗХОЖДЕНИЕ СОЛНЦА ВЪ БУР- НОЕ ОСЕННЕЕ УТРО.

(Картина съ натуры.)

Быль 9-й часъ утра. — Синія облака густо висѣли надъ продолговатою горою, которая рисовалась въ воздухѣ, какъ огромная крѣпость; ряды елей шорчали, какъ зубцы башень. — Вдругъ появились золотыя змѣи и улеглись по краямъ облаковъ, которыхъ снѣва сдѣлалась еще синѣе. — Но вонъ, все болѣе и болѣе, алвюшь золотые змѣиные изгибы. Вдругъ — некра... Вдругъ пожаръ... Восшокъ засвѣлилъ... Разливъ золотого пыланія образовался въ кругъ, кругъ превращается въ шаръ, расшешъ, расшешъ... Какой

огромный шаръ: это солнце! — Буря вѣетъ, въ воздухѣ пробѣгаетъ рѣзкій свистъ; озера кипятъ; флаги на мачтахъ хлобыщатся; флюгера быстро вертятся, деревья машутъ своими вершинами, облака набѣгаютъ на солнце, но имъ не закрыть уже возникшаго свѣтила. — Такъ возникаетъ просвѣщеніе во время невѣжества и порядокъ среди мятущейся гражданственности.

Минула предъ возхожденіемъ солнца имѣетъ нѣчто торжественное, нѣчто чудесно-усноконщельное. — Кажется, вмѣстѣ съ мракомъ ночи, проходитъ все мрачное. — Не знаю вниманіе ли къ возходящему свѣтилѣ или что другое причиною тому, что душа вся направляется къ чертѣ востока и, какъ будто невѣста, прищально взирающая на дверь, изъ кошорой долженъ появиться женихъ

ея , радостно упоааеть въ ооще-
 ніяхъ безъмяннихъ , въ наслажденіи ,
 котораго нельзя ни оезань , ни ку-
 нить за все здано иеруанскихъ руд-
 никовъ , за все алмазы Индіи ; въ на-
 слажденіи , которе Милосердый Го-
 сподь даромъ предлагааеть всякому ,
 кого мьносшь и сонъ не удержашь
 въ шемномъ углу , въ часы яснаго по-
 явленія всемірнаго госня природы ,
 великолѣпнаго Божьяго солнца. —

Ѡ. Глинка.

~~~~~

**ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, МЫСЛИ
И ЗАМѢЧАНІЯ.**

Истинный вкусъ состоитъ не въ безощечномъ оиверженіи шакого-шо слова, шакого-шо оборона, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

~~~~~

Ученый безъ дарованія подобень шому бѣдному Мулаѣ, конорый изрѣзаль и съѣлъ Коранъ, думая исполнитья духа Магоменова.

~~~~~

Однообразность въ писанелѣ доказываетъ односторонность ума, конь можеть бышь, и глубокомысленнаго.

~~~~~

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая поному причиною незнаніе ошечешвеннаго языка: но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Барашынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ нѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствъ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, недосягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ изкажаютъ стихи самые естественные, распроиваютъ мѣру, уничтожаютъ ритму. Вслушайтесь въ ихъ, лищеращурныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понішя.... Исключенія рѣдки.

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

Чѣмъ болѣе мы холодны, разченливы, осмошрипельны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть опшврашительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо опмѣнно благородумень. Однако естѣ люди, которые любятъ себя съ такою пѣжно-стію, удивляются своему гению съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиле-ніемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ соспрандіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону эншузіазма и чувствительности.

Никто болѣе Барашинскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

Примѣры невѣжливости.

Въ нѣкоторомъ Азіатскомъ народѣ, мужчины каждый день, возставъ оупь сна, благодарить Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магомешъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ прославленной своею учинивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Спихонворецъ отдалъ свою пратедію на раземощрѣніе пзвѣстному уршику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человекъ и шал пунями заблуждений . . .

* *

Критикъ подчеркнул спихъ, усомнясь, можешь ли женщина называться человекомъ? Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человекъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приносиваясь къ слабости ихъ пониманія, издаютъ ученныя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ шакъ ударилъ въ правую щечку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.» — «Какъ же, братецъ? ошвѣчалъ ему Шуваловъ, у себя

болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую.» — «Ахъ, Ваше Высочество, вы имѣете резонъ,» отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть биннымъ. Въ дѣлѣ Вольнскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ по-требовалъ оду у придворнаго поэта Василя Тредьяковского; но ода была не гошова и пылкій Спашевъ-Секретарь наказалъ просителю оплошнаго стихо-творца.

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторыя свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недоспашка чувствъ и мы-

слей, замѣняемаго словами; другая отъ
полноты чувствъ и мыслей и недо-
статка словъ для ихъ выраженія.

«Все что превышаетъ геометрію,
превышаетъ насъ,» сказала Паскаль.
И въ слѣдствіе того написалъ свои
философическія мысли.

Un sonnet sans défaut vaut seul un
long poëme. Хорошая эпиграмма луч-
ше плохой трагедіи... Что это зна-
чить? можно ли сказать, что хоро-
шій завтракъ лучше дурной погоды?

Tout les genres sont bons, hors le
genre ennuyeux. Хорошо было сказать
это въ первый разъ; но какъ можно

важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служить основаньем поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствования. Впрочемъ никто замѣнилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: *également bons*.

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка, и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора, и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра, и еще неизгранной и не напечатанной. Забавная словесность!

А., состарѣвшійся волокита, говоритъ: *Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.*

Вдохновеніе есть разположеніе души къ живѣйшему приятию впечатлѣній и соображенію понятій, слѣственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзи.

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (*point d'honneur*), очень ошибающся. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всею для поддержанія какого нибудь условнаго правила, во

всемъ блескъ своего безумія видна въ древномъ нашемъ мѣсничесствѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду Царскому свои родословныя распри. Юный Феодоръ, уничтоживъ свою священную дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могущій Иоаннъ III, ни пернѣливый внукъ его, ни шайно злобствующій Годуновъ.

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважая оной есть послѣднее малодушіе. «Государственное правило,» говоритъ Карамзинъ, «составилъ уваженіе къ предкамъ въ досноинство граждану образованному.» Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое, и нѣмъ самимъ уже были досноинцы своего освобождѣ-

деніи... Можетъ ли быть порокомъ въ часномъ человѣкѣ то, что почи-
пается добродѣтельно въ цѣломъ на-
родѣ? Предразсудокъ сей, утвержден-
ный демократической завистию нѣко-
торыхъ философовъ, служилъ толь-
ко къ разираспращенію низкаго эго-
изма. Безкорыстная мысль, что вну-
ки будутъ уважены за имя, нами имъ
переданное, не есть ли благороднѣй-
шая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage !

Сказано: *Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples.* Но какой же народъ ввѣритъ права свои тай-
нымъ обществамъ и какое правитель-
ство, уважающее себя, войдетъ съ
оними въ переговоры?

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, коюрой не видалъ бы собственными глазами. Однако жь въ Д. Жуанъ описывается онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности прошиву мѣсечности. На прим. онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Д. Жуанъ отправляется въ Пешербургъ *въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ.* Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокой морозъ. На улицахъ, непріятельскію трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдншель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опряжности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!»... Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя. — Байронъ много читалъ и разсиранивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ

ея новѣйшую испорцію. Въ своихъ по-
эмахъ онъ часто говоритъ о Россіи,
о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сардана-
паловъ напоминаетъ извѣстную, по-
линическую корриканшуру, изданную въ
Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ.
Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Пеп-
ра Великаго. Въ 1813 году, Байронъ
намѣревался черезъ Персію прѣхать
на Кавказъ.

Тонкость не доказываетъ еще ума.
Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ
удивительно тонки. Прибавить мож-
но, что тонкость рѣдко соединяет-
ся съ гениемъ, обыкновенно просто-
душнымъ, и съ великимъ характеромъ,
всегда опкровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный Лордъ Мидасъ,

Съ душой посредственной и язкой, —
 Упою не упасишь дорогой сказкой,
 Поизкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
 И спать извѣстный господишь.
 Еще два слова обь Мидасъ:
 Онъ не хранилъ въ своемъ запасъ
 Глубокихъ замысловъ и думъ;
 Имѣть онъ не блестящій умъ,
 Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
 За то былъ сухъ, учинивъ и важенъ.
 Лыснецы героя моего,
 Не зная, какъ хвалишь его,
 Провозгласилъ рѣшились шонкимъ, и пр.

Пушкинъ.

Coquette, prude. Слово кокетка об-
 русьло, но prude не переведено и не
 вошло еще въ употребленіе. Слово
 это означаетъ женщину, чрезмѣрно
 щекотливую въ своихъ понятіяхъ о
 чести (женской) — недошрогу. Та-
 ковое свойство предполагася нечи-

споту воображенія , опивратительную въ женщинѣ , особенно молодой. Пожилой жеццинѣ позволяется многое знань и многого опасаться , но невпичность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ , *прюджетво* или смѣшно или несносно.

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ , ни о бѣденствѣхъ опечесства , его испорію знаютъ только со времени ки. Пошешкина , имѣють нѣкоторое понятіе о сшашисникѣ только шой губерніи , въ консорой находят-ся ихъ помѣстья ; со всемъ шѣмъ починають себя патріотами , потому что любятъ бапвинью и что дѣши ихъ бѣгають въ красной рубашкѣ.

Должно стараться имѣть болѣе-
 сиво голосовъ на своей сторонѣ: не
 оскорбляйте же глупцовъ.

Появленіе Исторіи Государства Рос-
 сійскаго (какъ и надлежало бытъ), на-
 дѣлало много шуму и произвело силь-
 ное впечатлѣніе. Зооо экз. разош-
 лись въ одинъ мѣсяць, чего не ожи-
 дали и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе лю-
 ди бросались читать исторію свое-
 го отечества. Она была для нихъ
 новымъ открытіемъ. Древняя Рос-
 сія, казалось, найдена Карамзинымъ,
 какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько
 времени нигдѣ ни о чемъ иномъ не
 говорили. Признаюсь, ничего нельзя
 вообразить глупѣе свѣтскихъ суж-
 деній, которыя удалось мнѣ слышать;
 они были въ состояніи опустить хоть
 кого, опъ охоты къ славѣ. Одна дама

(впрочемъ очень милая), при мнѣ открывъ вѣпорую часнь , прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако жь не любилъ его... «Однако! за чѣмъ не *но?* однако! чувствовали ли всю ничтожность вашего Карамзина?» — Въ журналахъ его не критиковали: у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. К... бросился на предисловіе. Н. молодой человекъ умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!) М. въ письмѣ къ В. пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего шворенія, не помѣнилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи Славянъ; п. е. требовалъ онъ историка, не историкъ, а чего-то другаго. Нѣкоторые оштраки за ужасномъ переложилъ первыя главы Тина-Ливія слогомъ Карамзина; за то почти никто

не сказалъ спасибо чловѣку, удивившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лесныхъ усѣховъ, и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неупомимымъ трудамъ. Примечанія къ Руской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, приобретенную имъ уже въ нѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ условія къ просвѣщенію. Многие забывали, что Карамзинъ не чинилъ свою Историю въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго чловѣка.

Французская словесность родилась
въ передней и даже гостинной не
доходила.

(Извлечено изъ неизданныхъ записокъ.)

Г А И Д А М А К Ъ.

(Отрывокъ изъ малороссійской повѣсти.)

Г Л А В А I.

Скажи враже, якъ панъ каже!»

Малороссійская пословица.

✓ Лѣтъ за пятьдесятъ, Малороссія была странною поэпическою. Хотя жизнь и занятія мирныхъ ея жителей были самыя прозаическія, какъ вы узнаете, ММ. ГГ., изъ моихъ разсказовъ, если спастись у васъ шершнѣя; за то ѣльковые, непроходимые лѣса, пространныя степи и худо воздѣланныя поля; а въ селахъ полуразвалившіеся хижины и загмохшія сорома и крапивою

* *

улицы, переносили воображеніе въ вѣки первобытныя, конорыя, какъ извѣстно, соснавляютъ удѣль и собственность поэзовъ. Удѣль, мимоходомъ сказать, небогатый; и опть шого-шо мы вспрѣчаемъ инномцевъ Фебовыхъ въ изношенныхъ и забрызганныхъ чернилами плаваньяхъ, а ищемъ—на чердакахъ. Но теперь рѣчь не о нихъ, а о жизни и заишіяхъ Малороссіяиъ.

Просной народъ иилъ, ѣлъ и дремалъ въ роскошной лѣни зимою, зарывшись на печи въ просо или овесъ, сушимые для домашняго обихода. Хотя онъ не могъ похвалиться передъ Пшальяицами клнманомъ и красотаи природы; но не уснуналъ имъ ни въ лѣни, ни въ сладкоголосныхъ своихъ пѣняхъ. Лѣпомъ мужиины кое-какъ обрабатывали свои поля и убирали жашву, охотно ходили *гумаковать*, и. е. съ обозами за рыбой и

и солью; зимою жь, если холодъ не выгонялъ ихъ въ лѣсъ за дровами, кошорыхъ они никогда не заготовляли на цѣлую зиму, если недоспашонокъ другихъ жизненныхъ потребностей не заставлялъ ихъ отправиться на *базарь* небольшой своей запасъ хлѣба, или крайняя бѣдность не заперала въ дымно-винокурнѣ закишочнаго заводчика; то они какъ будто держали закладъ съ медвѣдями, кшо кого перешибить. Промежутки между сномъ проводили они въ шинкахъ, гдѣ поочуя другъ друга, за чаркою вина вспоминали старину и свои *тумакванья*. Женщины были ханы свои къ Рождеству и *Велику-дню* (празднику *Насхи*), содержали въ опрятности домъ, варили вкусный *борць*, ухаживали за домашнею скотиной, а въ зимнія вечера при свѣтѣ печника пряли, разсказывая сосѣдкамъ старинныя были о вѣдь-

махъ, мертвецахъ и Русалкахъ; но вообще въ это время года были онѣ гораздо досуживше и полезнѣе мужьямъ своимъ.

Дѣвушки и молодые парни проводили время веселѣе и разнообразнѣе. Зимой они собирались вмѣстѣ на приличные *вечерицы*, и здѣсь-то мало-россійскія красавицы изощали всѣ пособія сельскаго кокетства, привѣчали и часно обманывали доверчивыхъ молодцовъ. Косы, заплетенныя въ *дрибушки* или перевитыя разноцвѣтными *скиндятками*, радужная *платта*, шишфовый или парчевый корсетъ, едва сошегивающійся подъ грудью *заплатами*, бѣлый суконный *кунтошь*, по фалдамъ коего, ондѣляющіеся отъ стана, разшитыя были чернымъ шелкомъ *узы* (1), и сафьянные *гоботы* — составляли нарядъ щеголеватой мало-россійской дѣвушки. Черный цвѣтъ

волосовъ и бровей и живой румянецъ въ щекахъ, почитался непремѣнными условіями красоты; посему съ помощью зеркала и услужливой пробки, или за недосыпанкомъ ея, накопченной иглы — свѣтлаго цвѣта брови часно превращались въ лоснящіяся черныя, а палищіяся въ блѣдныхъ щекахъ румянецъ вызывался наружу щипкомъ *надошникомъ* (2), или ошорожно замѣнялся напосеннымъ въ видѣ сандаломъ. Жуланъ или свина на распашку, козачья шапка съ краснымъ суконнымъ верхомъ, красные или желтые чоботы, иногда цвѣтной шелковый платокъ, небрежно повязанный на шею — шаковъ былъ уборъ молодого Малороссіянина *до танцу*. Музыка была не но найму: одинъ изъ посѣщителей сего сельскаго клуба приносилъ гудокъ или *скрилицу*, балалайку, *сопѣлку* (3) или на чемъ былъ гораздъ, и наигры-

вая дудочки, метелцу, горлицу или козатка (4), вливалъ огонь и быстро шу въ гибкіе члены молодой толпы.

Панки, или мѣлкопомѣстныя дворяне, жили почти такъ же. *Будинки* (5) сельскаго панка были не многочисленны свѣшанцами; иногда песовыя, или члено выбѣленные спѣны, съ божницею, съ просною дѣдовскою ушварью, составляли все ихъ украшеніе; иногда спѣны неспрѣли и удивляли глаза просподушныхъ гостей шѣми самыми или подобными шѣми изображеніями, какими Кошляревскій убралъ палаты Царя Лапина въ IV-й пѣсни своей Эпиды (6). Чай не всегда и не вездѣ подносился гостямъ, и часто замѣнялся варенухою (7). Терновка, вишневка, дулевка, рябиновка и другія наливки на домашнемъ хлѣбномъ винѣ, изрѣдка вина сикійское, монастырійское и волошское,

улаждали неразборчивый вкусъ также, какъ позже вина венгерскія, рейнскія и французскія.

Вонь, въ коропкиихъ словахъ, образъ жизни погдашнихъ Малороссіянь. Папки ошстами шеперь опъ него: пошчуютъ гостей чаемъ и вареньями, а панночки играютъ на фортепiano и танцуютъ экосезы; но простой народъ все еще держится коренныхъ обычаевъ. Не спанемъ однако жъ выходить изъ описываемой нами эпохи и взглянемъ на частныя каршны.

Воздвиженская ярмарка въ Королевцѣ приходила къ концу; залежные гюши, кушцы московскіе, Жиды изъ Бердичева и Бѣлой церкви и пр. и пр., оправданысь некань на другихъ ярмаркахъ или невѣрныхъ выгодъ, или нежданыхъ потерь. Королевецъ сталъ пустытъ, какъ наши поля и болота во время осенняго передеща птицъ;

шолько септябрская непогода, дожди и грязь основали постоянное свое пребываніе въ городѣ и окрестностяхъ его до позднихъ заморозковъ. Панъ Гриценко въ это время праздновалъ именины своей дочери, прекрасной, милой и доброй Евфросиніи, которую, по малороссійскому сокращенію, все называли Присею. Панъ Гриценко былъ богатъ, а Прися его единственная наследница: мудрою ли, что разнузданная не помѣшала любителямъ пламенныхъ, черныхъ глазокъ и охотникамъ до сытныхъ блюдъ и вкусныхъ наливокъ, собраться у зажиточнаго сосѣда? Прелестная Прися должна была изъ своихъ рукъ подносить гостямъ наливки и варенуху, которую сама приготавливала; съ милою, стыдливою улыбкою, съ опущенными къ полу рѣсницами и засыпчивымъ поклономъ, говорила она каж-

дому обычное привѣщаніе: *на здоровья!* Такимъ образомъ, при звукѣ серебряныхъ чарокъ и *филижанокъ*, въ шуму рѣчей и малороссійскихъ пѣсень, время летѣло и короткій осенній день смѣшался съ хмырымъ и шуманнымъ вечеромъ. Многіе изъ гостей вешали и хохляли ухашъ; панъ Гриценко, по врожденному госсприимству Малороссіянъ, удерживалъ всѣхъ, наливалъ чару за чарой и просилъ поспѣшь.

— «Нѣтъ, не погнѣвайтесь! говорилъ полешый подкоморій Кнышь; дорога ко мнѣ идетъ по косогору и у самого лѣса; волки ходять шерерь спаями, и почему знашь — можетъ быть *гайдамакъ...*»

— «Полю, полю!» прервалъ рѣчь его Гриценко: «къ чему пугать любезныхъ моихъ гостей? и какъ сюда жданы гайдамака, и что ему здѣсь

дѣлать? Если кандалы не подкосили ему ноги и колодка не скрючила шею, то онъ вѣрно теперь не ближе отсюда, какъ верста за пятьдесятъ, гдѣ нибудь на Королевецкой дорогѣ, поджидаетъ бѣгатаго московскаго купчика съ поварями или бѣломорскаго Грека съ винами. Вы знаете, что теперь разъѣзжаются съ ярмарки.»

— «А что въ самомъ дѣлѣ, не слышно ли чего о гайдакахъ?» спросилъ одинъ изъ госней.

— «Какъ?» подхватилъ словоохотливый подкоморій, считавшійся въ своемъ кругу пріятнымъ разсказчикомъ и живою газетой всѣхъ новостей: «не уже ли вы ничего не слышали о томъ, что случилось въ Королевецѣ? Ну такъ я вамъ разскажу. Племянникъ мой былъ тамъ на ярмаркѣ и привезъ мнѣ самыя шочныя и подробныя извѣстія.» При сихъ словахъ, подкоморій пошмырѣлъ

на все собраніе съ самодовольнымъ и опчасни горделивымъ видомъ, какъ человекъ, знающій то, чего другіе не знаютъ.

— «Вонъ, милосивые государи, какъ было дѣло,» продолжалъ подкоморій: «Гайдамакъ вдругъ явился среди бѣла дня на ярмаркѣ, въ толпѣ народа. Никто не смѣлъ его процушь даже пальцомъ: самые опчаянныя смѣльчаки боялись не сколько его силы, сколько его бѣсовекаго художества и мороченья. Онъ похаживалъ, какъ индѣйскій пѣтухъ, съенво раздувъ хохоль и посмандривая на боязливыхъ: куда ни обернешя — толпа народа шакъ и опхлынетъ, какъ дымъ опъ въшра. Тутъ опкуда-шо выискался Жидъ, кошорый, какъ и весь ихъ жидовскій родъ, видно зналъ чернокнижіе не хуже Гаркуши. Онъ явился къ повѣтовому судѣ и сказалъ ему на-

одинъ, посмопръвши на звѣзды и на
 воду, гдѣ и какъ можно поймать гай-
 дамака, живымъ и безъ всякаго со-
 прощивленія, ну словно, какъ мы ло-
 вимъ зайца шенешами. Въ полночь,
 Жидокъ съ разсыльщиками и поняны-
 ми наналъ на гайдамака врасплохъ,
 когда шопъ спалъ подъ чешнымъ не-
 бомъ, въ какомъ-шо глухомъ мѣстѣ,
 онъговорилъ начерченный имъ около
 себя волшебный кругъ, услааъ за при-
 деванъ земель енорожившаго надъ
 нимъ печешаго духа и выдалъ Гар-
 кушу разсыльнымъ козакамъ, которые
 шопчасъ его скрущили и повезли въ
 Гл....овъ. Только не надолго его взяли:
 при переправѣ черезъ Клевень, на по-
 ромѣ, онъ вдругъ околдовалъ своихъ
 конвойныхъ: всѣ они, человекъ со-
 рокъ, не могли шронуться ни руками,
 ни ногами, хопя слышали, какъ вдругъ
 разплеснулась вода въ Клевени, видѣ-

ли, какъ опшуда выскочила на поромъ черный конь съ огненными глазами, какъ Гаркуша съѣлъ на него, взвился надъ рѣкою и берегомъ — и поминай какъ звали! Все это разсказывали они уже спустя шесть часовъ послѣ этого случая, а до ихъ поръ осматривались окаменѣлыми на поромѣ, и они и ихъ лошади. Съ Жидомъ было и того хуже: онъ вдругъ исчезъ, такъ что не замѣтили, въ воду ли кануль или въ дымъ сошлѣль. Нечистая сила видно покарала своего прислужника за то, что онъ выдалъ ей любимца. »

— « Да, гайдамакъ ужасный черно-книжникъ: дунешь на воду — и вода загоршися, махнешь рукою на лѣсъ — и лѣсъ приляжешь; » сказала одна дородная госня, и конча рѣчь, какъ замѣтно было, шептала молитву.

— « И лихой удалецъ » — примолвила ошешавный хорунжій Черемша: —

« съ дюжиною своеѣ вольницы набѣ-
жишь на цѣлый обозъ, подводъ во сто
и болѣе; не побойшя ни ружей, ни
рогатишь, свиселень, гаркнешь: *лицъ
головами* (8)! и все прилягуишь, пока
онъ не очиснишь возы оно всего,
что лучше да подороже.

« Охона вамъ, господа! » еще разъ
перервалъ хозяйшь, « разсказываешь ша-
кія незабавныя новости? Вы и шакъ
уже нанугали мою имяниницу: смон-
рише, она сидишь въ углу и чуть не
плачешь. »

И въ самомъ дѣлѣ Прися, въ про-
межущкахъ пощиванья гоншей своихъ,
сидѣла въ углу, одна, вдали онъ всѣхъ,
съ поникшею головою. Лице ея было
печально, частые вздохи волновали
высокую грудь ея; въ кругленькихъ,
полненькихъ щечкахъ, то вспыхивалъ
яркій румянецъ, то вдругъ сбѣгалъ съ
нихъ и уступалъ мѣсто блѣдности.

Не ошь ужасныхъ разсказовъ поско-
 вала милая дѣвушка: нѣтъ! они ее
 не занимали, она ихъ не слушала. Годъ
 назадъ, она провела эпошь день съ
 другомъ своего сердца, Демьяномъ
 Квѣчинскимъ, молодымъ, пригожимъ
 и ловкимъ офицеромъ одного гусар-
 ского полка. Квѣчинскій былъ сынъ
 одного сосѣдняго дворянина; отецъ
 его былъ бѣденъ, но Демьяна воспи-
 талъ въ Кіевѣ и за чешыре года предъ-
 шлѣмъ, изъ послѣдняго снарядилъ его
 на службу Царскую. Демьянъ служилъ
 съ ошлщчѣмъ, скоро произведенъ былъ
 въ офицеры и за годъ до ошисываема-
 го здѣсь времени, прѣѣзжалъ въ ош-
 нускъ къ ошцу своему. Тушь познако-
 мился ошь съ домомъ пана Гриценка,
 увидѣлъ Присю, влюбился въ нее спра-
 сшно, изъяснился ей въ любви и по-
 лучилъ взаимное признаніе робкой дѣ-
 вушки. Ободренный ея любовью, лич-

ными своими достоинствами и благословением отца своего, послалъ онъ сваховъ къ пану Гриценку; но получилъ оскорбительный отказъ, сопровождаемый насмѣшкою, върымымъ изъявлениемъ сѣси богатаго и стариннаго малороссійскаго пана. Отецъ Приен отвѣчалъ, что не отдастъ дочери своей за бѣдняка, который сверхъ того не можетъ насчитывать и трехъ поколѣній въ дворянской своей родословной. Ни слезы, ни увѣренія Приен, что кромѣ Демьяна Квѣчинскаго она не будетъ ни чьею женою — не сильны были разжалобить упрямого старика. Съ тѣхъ поръ, влюбленные видѣлись только однажды, и то мелькомъ; поклялись другъ другу: она — что разлещетъ дѣвичью свою косу развѣ только подъ клобукъ монахини, а онъ — что сосватается развѣ только съ пулею непріятельскою. Демьянъ

уѣхалъ въ армію, и уже болѣе десяти мѣсяцевъ не было о немъ ни слуху, ни духу. Прися шокковала, плакала какъ дитя; но грусть ея, какъ и грусть дитяти, не была глубока, не изсушила ея сердца и не измѣнила юной ея красоны и свѣжести. Только въ день своихъ именинъ, оживая въ душѣ своей памянъ прошедшаго, она была грустнѣе обыкновеннаго; и хотя ешдылась плакать при госпяхъ, что бы злые языки не вывели изъ того какихъ либо предосудительныхъ для нея заключеній; однако жь безпрестанно задумывалась, вздыхала и измѣнялась въ лицѣ, какъ мы видѣли выше. Отецъ ея первый это замѣнилъ; ибо госпямъ, за попойкою и разговорами, было не до того.

— «Что съ тобою спалось, дитя мое?» — сказала онъ, подошедъ и поцѣловавъ ее въ лобъ. «Не бойся: Богъ

* *

милосливъ; Онъ не полустиптъ, что бы такой ангель, какъ ты, такая добрая и послушная дочь, поспрадала ошь набѣговъ и грабительства гайдамаковъ. Это все сказки: Гаркуши здѣсь по близости нѣтъ и не будетъ. — А! да я и забылъ, что у насъ имянины безъ музыки; это и въ самомъ дѣлѣ скучно, особливо молодымъ дѣвушкамъ: ихъ ноги не привыкли бытъ въ покоѣ... Эй, Спецько!

Спецько (9), камердинеръ и вмѣстѣ скороходъ пана Гриценка, явился у дверей въ разодраной *свитѣ*, съ босыми ногами и полуразпорченнымъ рипомъ; усаивалъ неподвижные глаза на своего пана и ждалъ приказа.

— « Бѣги опрошенью, виное живописное, и позови сюда слѣнца Несперяка (10) съ бандурою. »

— « Шкода (11)! » — жалко пропичала Стецько, пожимая плечами и не двигаясь съ мѣста.

— « Шкода будетъ тебѣ, если еще разгнѣешь рошѣ. »

— « Власнѣ панская! » продолжала Стецько, все еще не уходя и тѣмъ же голосомъ: « только на дворѣ ночь хопѣ глазъ выколи, дождь какъ изъ ведра, грязь по колѣно. До Несперяковой ханы далеко: она на краю села; а шамъ у оврага всякую ночь люди видяшѣ черную собаку, и всѣ въ одинѣ голосѣ говоряшѣ, что это *улырь* (12); кто знаетъ, можетъ бышѣ самъ Несперякъ: эпотѣ слѣпой лѣшій не мнѣ одному кажется колдуномъ. —

— « Снупай же, пока я не заколдовалъ тебѣ языкъ; » — закричала Гриценко, шолкая его въ сѣни.

Дѣлашѣ нечего: бѣдный Стецько долженъ былъ отправишѣся въ неприят-

ное для него посольство; за то, мѣся ногами грязь по улицѣ, онъ вывѣшривалъ свою досаду горькими жалобами и не щадилъ своего пана, въ слѣдующей рѣчи, которая разспановками у него вырывалась:

« Правду говоритъ пословица: *Скажи враже, якъ панъ каже!*.... Хорошо ему сидѣть въ теплой и свѣтлой комнатѣ, да пить свою терновку съ гостями: самъ бы пошелъ вмѣсто меня въ такую погоду, въ такую ночь.... и куда еще? О Мать Пресвятая Богородица!.... А!... кто шумъ? кто шумитъ? кто шепчетъ?... Пить, кажутся: это въ панскомъ саду блеклые листья шелестятъ подъ дождемъ.... Я не прусь и за себя постою; съ живымъ управляюсь; только мертвецъ или оборотень — не свой братъ!.... А ужь, что будетъ, то будетъ! у меня на всякой случай есть оборона:

на мертвеца — крестъ, а на живаго — дубина.... Подумаешь, подумаешь: для чего я самъ не панъ! Въ бы сало, сколько душъ угодно, накопишь бы полные сундуки денегъ и спать бы на печи, а для пошехи заснавилъ бы пана Гриценка прыгать черезъ эту дубину или послать бы его въ глухую ночь сзывать всехъ сабицовъ и бандуриштовъ изъ околовка.... Чшобъ ему шакъ легко икалось, какъ мнѣ легко по его причудамъ шащипься здѣсь по грязи и шарипь оцунью дорогу.... Ни звѣздочки на небѣ, ни свѣта по хашамъ: всѣ улеглись.... вонъ самая лучшая пора бродипь по улицамъ! добрый человекъ шеперь и собаки не выгонипь.... Богъ шобъ судья, панъ Гриценко! ... *Скажи враже, якъ панъ каже... Ай!...* »

Спрахъ оковаль ноги бѣднаго Спецька, и на эшопъ разъ его спрахъ былъ на пусной: сильный ударъ по плечу

невидимой въ потьмахъ руки зазвѣнѣлъ у него въ ушахъ, какъ неожиданный ударъ грома, и разсыпался по вѣтвѣ его соснавамъ смершнымъ холодомъ.

— « Здорово, поварщица! » — проговорилъ въ то же время кно-по швердымъ голосомъ, копорый показывалъ, что говорившій не боится дубины и не бѣгаетъ отъ кресна.

— « Здорово, коли надобно!... Кпо шы: мертвецъ, оборощень, или....? » спросилъ Спецько дрожащимъ, перерывчанымъ голосомъ; последнее слово замерло у него въ горшани.

— « Узнаешь, когда сомною пройдешься, » съ смѣхомъ отвѣчалъ неизвѣстный. « Я слышалъ, что панъ Гриценко не слишкомъ милосердо съ тобою поступаешь: въ эту ночь послать по своимъ причудамъ такого славнаго парня.... Не знаю, на швоемъ мѣстѣ я

опшупилъ бы ему шупку такъ, что онъ бы не скоро опомнился. —

— « Гдѣ мнѣ съ нимъ сладить? онъ мой панъ! Плетью обуха не перебьешь... »

— « Перебьешь, коли съумѣешь: не въ томъ сила, что онъ толстъ и крѣпокъ, а въ томъ, что бы зналъ сноровку, гдѣ и какъ ударить по обуху. —

— « Да, да! ударишь не внопадъ — такъ плетью и отхлыснешь по швоей же спинѣ. »

— « Простакъ! если волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить. Пожилъ бы съ моё, побродилъ бы, какъ я, по свѣпу — то бы узналъ, что и не такіе обухи тонкимъ ремешкомъ перетирають... Послушай, я себя начу на камиѣ мукѣ добывать. »

— « Радъ слушаю. »

— « Тебѣ больно служить пану Гриценку? —

— «И мнѣ и спишь!

— «Хоптѣль бы ошь него подашь? —

— «Да ужь что будетъ, то будетъ, а хуже не бываешь!

— «Разумѣеся, если спанеть у себя на шо ума. Ты знаешь, дуракъ о себѣ не радветъ, а умной чело-вѣкъ всегда что нибудь подготовишь про-запасъ.

— «Вѣдомо, шакъ! да гдѣ же взять, коли шить? Съ сухаго лѣсу лисья не соберешь.

— «Есть гдѣ взять, были бы руки. Слушай: пань Гриценко, опнусти го-сней, лиженъ въ постелю съ тяже-лою головою и уснетъ, хопъ спрѣлѣй надъ ухомъ; панянка, какъ и всѣ мо-лодыя дѣвушки ея лѣшь, шакъ же крѣп-ко уснетъ, а люди и нуце. Ты одинъ не будешь спань. Въ эту пору, по-позже полуночи, я стукну въ дверь, что изъ сада; ты шончасъ отвори.

Не бось! худо ни съ кѣмъ не будетъ ;
шолько мѣшки пана Гриценка сна-
нушь полегче, а сундуки поглубже. —

— «Дѣлю! по ругамъ.» — Въ это
время они подходили къ оврагу,

— «До встрѣчи у дверей!» — ска-
зала невѣдомый. Спецько оглянулся —
его ужь не было.

— «Съ нами сила крестная!» думаль
Спецько, крестяся: «это вѣрно на-
важденіе; кѣнь! не продамъ душу лу-
кавому, кшо бь онь ни былъ, чело-
вѣкъ, мершвецъ или самъ нечестный
духъ!» Съ такими мыслями подошелъ
онь къ дому бандуриша.

Слѣпецъ Несперякъ уже спалъ. Услы-
ша спукъ въ окно, онь пробудился,
опдернулъ форшочку, и на спрось,
узнавши о причинѣ шакого поздняго
посѣщенія, разбудилъ семилѣтнюю дѣ-
вочку, свою внуку и вожапую.

— «Олеся, сердце! вставай и вздуй

лучину, да подай мнѣ поновѣ сви-
шту и чоботы. Пань хочеть — не оп-
говариваешься спань: я панскихъ ласкъ
и денегъ не чуждаюсь.» — Послушная
малюшка, попягиваясь, исполнила при-
казъ, снарядила старика, одѣлась
сама, подала ему бандуру и по при-
вычкѣ повела его за руку къ панскому
дому, оставя вешхую свою хапу на
отражу бѣдности.

Веселая пирушка въ домѣ пана Гри-
ценка была на самомъ разгульѣ. Ста-
рикъ бандуристъ былъ вепрѣченъ ла-
сковымъ привѣтвомъ: пань погладилъ
его по сѣдой головѣ и велѣвъ подне-
сти ему чарку водки, сказала:

— «Гдѣ ны пропадашь, старикъ?
что такъ долго не казался мнѣ на
глаза?»

— «Виновать, добродѣй (13)! я вче-
ра шолько принащился домой съ Ко-

ролевецкой ярмарки, гдѣ пробыль цѣ-
лую недѣлю.

— «Что же ты узналъ тамъ нова-
го?» спросили вдругъ нѣсколько голо-
совъ.

— «О, много, много!» отвѣчалъ
слѣпецъ, слегка покачивая головою.
«Тамъ былъ и неожиданный гость, гайда-
макъ. Онъ, словно какъ изъ воды вы-
нырнулъ: вселомилъ всю ярмарку,
заснавилъ о себѣ шрубинъ всѣхъ, онъ
мала до велика, и послѣ вдругъ из-
чезъ, невѣсть куда.»

Всѣ гости приступили съ распро-
сами къ бандурнисту, и онъ переска-
залъ имъ народныя басни о Гаркушѣ
почини также, какъ и шолешый под-
коморій. «Все это такъ вбилося мнѣ
въ голову,» — прибавилъ слѣпой пѣ-
вецъ, — «что я, идучи съ ярмарки,
дорогою безпрестанно твердилъ: гай-
дамакъ! гайдамакъ! И что бы какъ

нибудь раздѣлаться съ этимъ страшнымъ человѣкомъ, котораго имя ни на мигъ меня не покидало и нагнало поску маленькой проводницѣ моей, внучкѣ, — я сложилъ про него пѣсенку. Если угодно честной компаніи, я спою...

— «Спой, дружокъ, спой!» закричали ему господа со всѣхъ сторонъ. Нестерякъ взялъ бандуру, закинулъ себя около шеи прикрѣпленную къ ней алую ленту, пробѣжалъ пальцами по звонкимъ струнамъ, попомъ заигралъ и запѣлъ слѣдующую пѣсню :

Кто полуночной порою
Черезъ лѣсъ и буеракъ,
Съ свисномъ, гарканьемъ, грозою
Мчнтся въ полѣ? — Гайдамакъ!

Огъ какъ коршунъ налетаетъ,
Огъ него спасенья нѣтъ!
Черный вихоръ замешаетъ
Гайдамака страшный слѣдъ.

Кто одинъ въ селеняхъ бродить
 И, какъ злобный волко-такъ (14),
 Снарымъ, малымъ страхъ наводитъ?
 Кто сей *зидхаръ* (15)? — Гайдамакъ!

Тронень онъ — замки валяшя,
 Ошмыкался безъ ключей
 И чербонцы шевеляшя
 Въ сундукахъ у богачей.

Кто шакъ зорко приглядаетъ
 За проказами гуликъ,
 Въ душу къ нимъ змѣей вползаетъ?
 Кто сей демонъ? — Гайдамакъ!

Врагъ онъ и душъ и шлуу:
 Буйныхъ, молодыхъ повѣсь
 Научаетъ злomu дѣлу
 И съ собой уводитъ въ лѣсь.

Еще старый пѣвецъ не кончилъ
 своей пѣсни, какъ вдругъ послышался
 необыкновенный шумъ у дверей дома.
 Всѣ госпни вздрогнули; хозяйниъ, по
 невольному движенію, бросился къ
 дверямъ; слѣпецъ Несперякъ, оставя
 свою бандуру на колыняхъ, опустилъ
 руки, и какъ будто бы спалился взгля-

нупь, Одна Прися, поднявъ голову, весело обвела взглядомъ все собраніе: было ли то предчувствіе неожиданной радости, или бѣглая мысль, мигомъ отвлекшая ее отъ грустныхъ думъ — этого никто отъ нея не узналъ, потому что никто не спрашивалъ. И до того ли было гостямъ? Все они, съ какимъ-то робкимъ ожиданіемъ, смотрѣли на двери и оспавались какъ прикованные на своихъ мѣстахъ.

Г Л А В А II.

«Чи сежь пая криниченка, що голубь купався?
Чи сежь пая дивчинька, що я женихався?»

Малороссійская пѣсня.

Спусти минушу, вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, въ богатомъ Польскомъ нарядѣ. На немъ была бекешь

изъ зеленой парчи, съ большими золотыми цвѣтами и бобровою опушкою; она соспегивалась накресить золотыми шурками, по крайямъ коихъ висѣли крупныя золотыя кисти, и сверху того спянула была персидскимъ кушакомъ. Съ одной стороны къ кушаку прикрѣплена была золотою цѣпочною кривая шурецкая сабля въ дорогой оправѣ; а съ другой, зашкнупъ былъ шурецкій же книжаль, съ серебряною рукояткою и ножнами, на которыхъ сверкали драгоценныя каменья. Незнакомецъ, войдя въ комнату, вѣжливо поклонился всему собранію; съ мѣткостью чловѣка, живущаго въ лучшихъ обществахъ, ошъискалъ онъ хозяина дома, сказалъ ему на польскомъ языкѣ привѣшешвіе и просилъ почлега и госпепрінешва, объясняя, что сбился съ большой дороги и въ такую пору не могъ ѣхать далѣе.

Панъ Гриценко, разумѣвъ немного по польски, отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ, приглашеніемъ оспашься въ его домъ до будущаго ушра и если не соскучится, то пробывъ у него и весь слѣдующій день, чшобъ ошдохнуть и оправншься онъ такой шрудной дороги.

Тутъ только гости, ошомнившіеся отъ перваго впечатлѣнія, замѣнили, что вслѣдъ за Полякомъ вошелъ въ комнату молодой гусарскій офицеръ. Прися прежде всѣхъ его увидѣла: она вздрогнула, ахнула.... Это былъ Демьянъ Квѣчичинскій. Полякъ, оборонившись, взялъ его за руку и представилъ хозяйшу дома, какъ своего снушника. По пословицѣ: *хоть не радъ, да готовъ*, панъ Гриценко повторилъ свое приглашеніе и Квѣчичинскому, боясь ошказомъ нарушить обязанность гостепринимства, весьма свято

въ Малороссіи уважавшагося, и подашь о себѣ на первыхъ порахъ дурное мнѣніе польскому пану.

Когда всё уладись, слуги польскаго пана, или, какъ эиъ говорилъ, его *шляхетки*, начали вносить дорожныя его вещи. Первый изъ нихъ поставилъ на споль передъ своимъ господиномъ его шкапулку, безъ которой знанный и богатый Полякъ никогда почти не дѣлаетъ шага изъ дому. Впорый внесъ походное его ружье и иштолени въ бархатныхъ фуфлярахъ. «Эио,» молвилъ незнакомый гость, «я взялъ съ собою для того, что здѣсь, сказываютъ, дороги не совѣтъ спокойны. Я слышалъ, что въ вашемъ краю разгуливаютъ шайки бродягъ и очень немилосриво обходятся съ проезжими, а особливо съ моими земляками, зная, что съ нами всегда бываетъ порядочный за-

* *

нась *дукатовъ*. Для того же я взялъ сверхъ обыкновенныхъ моихъ проводниковъ, нѣсколько человекъ лишнихъ. По незнакомымъ дорогамъ не худо ѣздить съ хорошою охраною.» И въ самомъ дѣлѣ, любознательные гости пана Гривченка насчитали всей прислуги Поляка человекъ до двѣнадцати, входившихъ по съ разными его вещами, по для получения его приказаній. Всѣ они одѣты были въ одинакое, весьма щеголеватое платье, съ золотыми позументами, у каждаго была за поясомъ сабля и пара пистолетовъ; большая часть изъ нихъ, какъ видно было, составляла конную стражу своего господина.

Не прошло полчаса, какъ уже всѣ гости были, такъ сказать, околдованы обходительностію и ловкостию польскаго пана, занимательностію его

разговоромъ и пріятностью поступковъ. Съ мужчинами былъ онъ въжливъ и говорливъ, съ женщинами услужливъ и вкрадчивъ. Зная, что не многіе изъ собесѣдниковъ его разумѣли по-польски, старался онъ говорить по-малороссійски, ломалъ довольно забавнымъ образомъ нарѣчіе туземцевъ и самъ первый тому смѣялся. Ничѣмъ ешюль легко не пріобрѣтешь добраго разположенія Малороссіяня, какъ неприужденною веселостью и шумливостью; казалось, польскій панъ обладалъ въ высшей степени сими качествами пріятнаго собесѣдника. Около него составился кружокъ; всякой съ удовольствіемъ его слушалъ, разспрашивалъ и смѣялся онъ души остроумнымъ его замѣчаніямъ на счетъ жизни знатныхъ богачей въ Польшѣ и въ Москвѣ, откуда, по словамъ польскаго пана, онъ теперь ѣхалъ,

Бывъ посланъ съ какими-то важными порученіями.

Между тѣмъ, какъ хозяинъ и всѣ гости были заняты слушаньемъ разсказовъ Поляка, Квѣтчнскій нашель удобный случай съестъ подлѣ Прися, повторишь ей свои увѣренія въ вѣчной любви и выслушанъ такія же отъ нея. После сей взаимной передачи нѣжныхъ чувствованій, Прися съ веселымъ видомъ спросила у Демьяна: гдѣ опыскала онъ этого чудака незнакомца, кошорый, являсь впервые въ ихъ общество, какъ будто бы сто лѣтъ былъ знакомъ со всѣми?

— «Я нашель его,» отвѣчалъ Квѣтчнскій, «назадъ пому часа два, въ поспояломъ домѣ, чино спонть шамъ, подлѣ лѣскомъ, въ ченырехъ версехахъ отъ здѣшняго селенія. Онъ остановился было шамъ ночевашъ, когда я завхалъ въ ту же корчму, чтобъ обо-

грѣвашься и дашь отдыхъ лошадямъ, которыхъ измучилъ по худой дорогѣ, спѣша къ ошцу... Признаюсь тебѣ, милая, хоть я и рѣшился было никогда сюда не возвращаться: но одинъ взглядъ на тебя, одинъ слухъ о тебѣ вызвали бы меня...

— «Съ того свѣсна,» перервала Прися съ лукавою улыбкою. «Не о томъ теперь рѣчь: ты хотѣлъ мнѣ разсказать, какъ познакомился съ польскимъ паномъ. Продолжай же.

— «Изволь, милая, если тебѣ приишѣ слышать о проказахъ польскаго чудака, нежели о мукахъ моего сердца,» — отвѣчалъ Демьянъ опчасни укорисельнымъ голосомъ. «Вошедши въ корчму, я увидѣлъ толпу прислужниковъ польскаго пана, которые суетились около него. Самъ онъ лежалъ въ переднемъ углу на лавкѣ, на которой разоспалъ былъ персидскій

коверъ съ сафьянными подушками ;
 передъ нимъ , на столъ , посапавлены
 были неразлучная его шкапулка , саб-
 ля , кинжалъ , пистолеты и бутылка
 какого-то заморскаго вина . Когда я
 вступилъ въ комнату , онъ торопли-
 во вскочилъ съ своего мѣста , быстро
 посмотрѣлъ мнѣ въ глаза , попомъ по-
 клонился и спросилъ по польски : ко-
 нечно я протѣжій ? — Я отвѣчала , что
 онъ не ошибся . — Тутъ онъ просилъ
 меня сѣсть подлѣ него , попчивалъ
 своимъ виномъ , разспрашивалъ , куда
 и за чѣмъ ѣду... Смѣйся или ишь ,
 моя милая ; только я отъ полнопы
 души рассказалъ ему все : и нашу лю-
 бовь , и наши горести ; не упалъ
 даже и того , что нынче день тво-
 ихъ именинъ . Вообрази мое удивле-
 ние , когда чудакомъ , вскрикнувъ : « я вамъ
 помогу , и помогу сей же часъ , » ве-
 лѣлъ своимъ людямъ вминушу собратъся

въ дорогу, надѣть лучшую ихъ одно-
рядку, и одѣвшись самъ, посадилъ ме-
ня съ собою въ бричку, что бы, какъ
онъ шуля говорилъ, показывать доро-
гу... И вошь мы здѣсь! — Не знаю, что
изъ этого будетъ, не смѣю еще надѣ-
яться ничего хорошаго; но сердце мое
замираетъ въ какомъ-то шягостномъ
ожиданіи.»

Прися вздохнула. Въ эту минуточку
раздался громкій, единодушный хохотъ
всего собранія. Отчаспи изъ любопыт-
ства, отчаспи изъ опасенія, чтобъ
не замѣтили долгаго ихъ разговора
глазь на глазь, вдали отъ прочаго об-
щества, — Прися вспала и подошла къ
гостямъ. Демьянъ пошелъ вѣздъ за
нею,

Полякъ разсказывалъ тогда разныя
шашни польскихъ Жидовъ. Между про-
чими одинъ анекдотъ возбудилъ толпу
всобщій смѣхъ, который прервалъ

разговоръ Приси и Демьяна. Вошь эпошь анекдотъ почти въ томъ видѣ, какъ онъ былъ Полякомъ пересказанъ обществу наа Гриценка, исключая нѣкоторыхъ прикрасъ рассказчика.

« Въ одномъ польскомъ городѣ, Жидъ, чшобъ избѣжашъ наказанія за какое-шо важное плутовство, вздумалъ припвориться мершвымъ, велѣлъ укушашъ себя полошномъ, а жена и дѣши его должны были плаканъ надъ мшмымъ покойникомъ. Сшакнувшисъ напередъ съ тамошнимъ еврейскимъ обществомъ, онъ надѣяся съ помощію своихъ земляковъ скрышся въ шо время, когда понесушь его хоронить; ибо дѣш другія средства къ уходу были у него опшнаты зоркою мѣспною полиціей. Вѣсшь о смерти Жида скоро дошла до старѣшты шого города: это былъ человекъ умный, смѣшливый и

очень хорошо знавшій всё жидовскія записи. Угадывая и шепчъ какія нибудь лаушны, онъ шопчасъ опрядилъ двухъ чиновниковъ, городского лекаря и нѣсколько солдатъ, съ шѣмъ, чшгобъ ишши въ домъ самозванца-покойника, объявивъ его женѣ, чшо мѣстное начальство подозрѣваетъ, будно бы онъ самъ на себя наложилъ руки; чшо для удостоверенія въ шомъ, его должно анатомировать, и если подозрѣнiе окажется справедливымъ, то вдова-жидовка будетъ обвинена всѣмъ своимъ имѣнiемъ за недосмотръ за столь важнымъ преступникомъ. Нечего было дѣлать! Жиды не смѣли ослушаться повелѣнiй пана-шарошны. Лекарь приступилъ къ дѣлу, снялъ положно и увидѣвъ, чшо пульсъ у покойника бился чаще и сильнѣе, чѣмъ у всякаго здороваго чловѣка, началъ въ разныхъ мѣстахъ щупать, или лучше щипать

живаго мертвеца. Жидъ дѣлалъ ужасныя кривлянья; наконецъ замѣтя, что лекаръ берется за инструментъ, оцъ вскочилъ и прокричалъ плаксивымъ голосомъ, что душа его снова возвратилась въ шѣло, не хопя ошдать его на поруганіе иновѣрцамъ. Само по себѣ разумѣется, что Жидъ снпною и деньгами разплашился за выдумку своей головы. »

Такимъ образомъ, въ веселыхъ разсказахъ и шушкахъ, непримѣтно пролетѣлъ вечеръ. Кукушка въ спѣнныхъ часахъ прокричала одиннадцаткъ часовъ; госпни вдругъ опомнились, стали собиранься къ отъѣзду, но хозяинъ снова началъ унимать ихъ, закусипть, что Богъ послалъ. Они снова начали отговаривашься позднею порою, волками и гайдамаками. Тутъ къ хозяину присталъ и Полякъ, упрашивалъ ихъ подарипть его оснапкомъ вечера и.

опивѣдаль за ужиномъ его венгерскаго вина; къ тому прибавилъ онъ, что всѣмъ имъ дастъ своихъ шляхтичей проводниками. На замѣчаніе подкоморія, что шляхтичи и безъ того уснади и намучились по такой дурной дорогѣ, опивѣчалъ онъ, что эти молодцы привыкли къ поѣздкамъ и что они гошовой ѣхаютъ во всякую пору по приказу своего пана, не зная ни сна, ни усталости, какъ Черкесы.

За ужиномъ, польскій панъ велѣлъ подать свой запасъ венгерскаго и серебряныя чарки. Самъ онъ подносилъ вино своимъ собесѣдникамъ, чокался съ каждымъ изъ нихъ и пилъ за ихъ здоровье. Наконецъ, когда всѣ уже были очень на-веселѣ, вдругъ, по его знаку, подали двѣ серебряныя снопы одинакой мѣры, съ чернью и позолотою; Полякъ подошелъ къ пану Гриценку, сказалъ ему, что хочешь пить

съ нимъ по-польски , на *братство* ; сипаль на колыни и пригласиль хозяйна сдѣлать то же. Туть онъ громко сказалъ: «Панъ Гриценко! здорвье пивое, мое, любезной имяниницы, пивоей дочери и молодого гусара, моего шоварица. Видишь ли, я пью опть души на братство: не забываю и тѣхъ, копорые млы шебъ и мнѣ. Выпьемъ же, какъ у насъ въ Польшѣ: все до дна, не перевода духа.» Панъ Гриценко, у конораго прежня попойка уже занимла разсудокъ, приияся пипть безъ всякаго возраженія; однако же не могъ выпипть всего за однимъ духомъ: оспанаваивался, пыхпѣлъ, но не хотѣлъ опшенать опть своего шоварица. У польскаго пана вино свободно лилось въ горло; онъ выпилъ нѣсколькими минушами прежде хозяйна, стукнулъ шапою о серебряный подносъ и закричалъ: «виваншъ!» Сав-

пецъ Несшерякъ , забытый съ самаго появленія Поляка, опоздался въ эту минушу, громко ударя *тушь* по всемъ струнамъ своей бандуры. Польскій панъ подошелъ къ нему , напилъ венгерскаго и бросивъ въ чарку червонецъ , подалъ ему и сказалъ : «на, пей, старикъ!» Слѣпый бандуристъ выпилъ вино , доспалъ со дна чарки червонецъ , оцупалъ его и молчаливо поклонился щедрому дарителю. Велѣдь за нѣмъ онъ вешалъ , оперевъ на плечо своей внучки и пошелъ домой , покачивая сѣдою своею головою.

Головы гостей сильно кружились , когда они вешали изъ-за стола. Прися просила Квѣчинскаго , которъй единъ изъ всей мужской компаніи уцѣлѣлъ онъ хмеля , позабывшись объ ошъздѣ гостей. Польскій панъ , вешавшисъ въ ея рѣчь , созвалъ своихъ служилыхей , велѣвъ осьмерымъ изъ нихъ

быть вмигнуту гошовыми и прово-
 жать госней, насширога подтвердивъ,
 что они будущъ ему отавчашъ за
 цѣлостъ и безонасностъ какъ самихъ
 господъ, такъ и всего, что при нихъ
 находилось. На него, какъ видно было,
 вино не сильно дѣйствовало, по при-
 вычкѣ ли къ такимъ попойкамъ, или
 потому, что онъ былъ крѣпокъ отъ
 природы. Онъ разпоряжалъ всемъ и
 отдавалъ приказанія, какъ человекъ съ
 совершенно-свѣжею головою. — За по
 хозяинъ дома советъ обомлѣлъ отъ
 послѣдняго потчиванья: языкъ у него
 почти не ворочался, ноги подкашива-
 лись. Но отъѣздъ госней, онъ уже на
 силу стоялъ на ногахъ. Прися кланка-
 ла Спецька, чтобы онъ отъезлъ сво-
 его господина въ его комнату; но
 Спецько не откланкался. Одинъ изъ
 людей польскаго пана сказалъ ей,
 что камердинеръ опца ея спалъ въ

людской избѣ, «онъ того,» прибавилъ онъ, «что потчу прислугу его ясновельможности, не забывалъ и себя.» Кое-какъ, съ помощію Демьяна, Прися опшела своего опца въ его комнату, гдѣ Квѣвичинскій и деньщикъ его раздѣли нана Гриценка и уложили его въ постелю. Прися пожелала спокойной ночи польскому госнину, но же желаніе, сопровождаемое едва замѣннымъ вздохомъ, сказала она Демьяну и ушла въ свою комнату. Полякъ и Квѣвичинскій осмалнѣвъ вдвоемъ и скоро легли спать. Такъ ли они крѣпко уснули, какъ нана Гриценко, или вовсе не спали, какъ молодая Прися въ эту ночь — не спанемъ изслѣдовать; а посмопримъ, что сшалось съ Спещкомъ.

Онъ крѣпко держалъ въ умѣ и на душѣ, что бы пересказать нанаикѣ, которую любилъ за ея доброту и ла-

сковость, — встрѣчу свою съ незна-
комцемъ у оврага; но при гостяхъ не
имѣлъ свободной для того минушы.
Пріѣздъ польскаго пана развлекъ его
вниманіе; къ тому жь онъ увѣрился,
что при такомъ большомъ числѣ во-
оруженныхъ людей, гайдамаки не по-
смѣюшь напасть на домъ пана Гри-
ценка. На бѣду еще, его заставили
попчивать служителей Поляка, кото-
рые все были большіе весельчаки и
беззаботныя головы: пили сами за
его здоровье и его заставляли пить
за свое, по одиначкѣ.

— «Вы славные молодцы,» сказалъ
Стецько, когда у него порядочно за-
шумѣло въ головѣ: — «и передъ вами не-
чего шанься; да вы же въ эиномъ дѣлѣ
можете намъ и сослужить службу.

— «А что такое?» спросилъ почти
въ одинъ голосъ все Поляки.

— «Да вошь что. Къ намъ называл-

ся въ нынѣшнюю ночь еще одинъ гость: Богъ вестъ, кто онъ шаковъ, а каженся гайдамакъ...

— «Что же ты намъ присовѣтуешь дѣлать, когда онъ явится?» былъ новый вопросъ.

— Ни больше, ни меньше, какъ заснувшись за насъ, т. е. за меня, нана и нанянку: спрѣлять изъ вашихъ пистолетовъ, колоть, рубить, крошить въ мѣкіе куски злодѣевъ. Я не хочу, чшобъ они надъ нами насмѣлялись.

— «Дѣльно! небось, не выдадимъ,» сказала хвастливо одинъ изъ Поляковъ. «Посмопрѣль бы я, какъ-то ваши малороссійскіе гайдамаки посмѣли бы насунуться на мою польскую саблю? подавай ихъ сюда!... Выпьемъ же на опивагу.»

И чарка снова пошла кругомъ, и голова Спецькова еще болѣе отуманѣла.

★ ★

— «Да какъ ты свѣдалъ, что гайдамаки хопяпъ напастъ на здѣшній домъ?» спросилъ у Спецька одинъ Полякъ.

— «Я встрѣпилъ одного изъ нихъ нынѣшнимъ вечеромъ, и онъ самъ меня подговаривалъ отпереть имъ двери,» — отвѣчалъ Спецько.

— «А ты и не согласился?»

— «Я было сказалъ на двое; да поелъ одумался. Пуще всего, мнѣ снало жаль паньки.

— «Развѣ она такъ добра?»

— «Охъ! добра, какъ мапъ родная! отъ нея-то и ласковое слово услышишь, отъ нея-то и лишнюю чарку, и лишній кусокъ получишь. Когда панъ нашъ на кого разгнѣвается, она упранивается да умоляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ умилосердился. И бѣднымъ всеѣмъ она помогаетъ, своимъ и

чужимъ. Пошли ей, Боже, здоровье и счастье, да хорошаго жениха!

— «Выпьемъ же за ея здоровье!» вскрикнули Поляки и снова принялись пить и поить Спецька.

Чарка за чаркой — подъ конецъ онъ упалъ безъ чувствъ на лавку и такимъ образомъ проспалъ до утра, забывъ и гайдамаковъ и добрую свою панянку.

Г Л А В А III.

«Топчи вороги

Пидь ноги:

Щобъ наши пидкивки

Бряжчали,

Щобъ наши вороги

Мовчали!»

Малороссійская свадебная пѣсня.

На другой день, панъ Гриценко проснулся гораздо позже обыкновеннаго

и съ тяжелою головою. Польскій панъ и Квѣпчинскій давно уже были на ногахъ, а Прия, какъ ранняя пшичка, порхала то сюда, то сюда, хлопнула по домашнему хозяйству и заболнлась объ завтракъ. Въ ней замѣшна была необыкновенная живоснѣ, пробужденная близоснѣю любимаго человека и надеждою на спаранія новаго его знакомца.

Спецъко также проспала долѣе, чѣмъ въ другіе дни, и проснулся не безъ страха. Пріятели его, Поляки, или шляхшичи, какъ онъ ихъ величалъ — разсѣяли его опасенія, сказавъ, что панъ его еще самъ въ постель, и совыповали ему опохмелишься. За чаркою вина, они снова завели съ нимъ разговоръ о гайдамакъ, но уже въ другомъ видѣ: они смѣялись боязливымъ грезамъ бѣднаго Спецка, шутили надъ его шрусоснѣю и завѣряли

его, что кто нибудь изъ знакомыхъ, подслушавъ его разговоръ съ самимъ собою, нарочно въ пошьямахъ напугалъ его. Сшецько и самъ наконецъ остановился на этой мысли, стыдился напраснаго своего страха, сердился, что не проучилъ порядкомъ ночнаго насмѣшника и твердо рѣшился не сказывать о томъ никому въ домъ, чтобы не узнали объ его прусосши и не вздумали часно его такъ дурачить.

Когда панъ Гриценко пришелъ къ госпямъ своимъ, то, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьѣ, польскій панъ сказалъ ему, что хочетъ говорить съ нимъ наединѣ. Квѣтчнскій, подъ предлогомъ, что бы похлопотать объ ошъздѣ, пошелъ ошъскивать Присю, которая еще не кончила домашнихъ своихъ заботъ, или, можетъ быть, по чув-

ству приличія не хотѣла такъ рано казаться гостямъ.

— «Панъ Гриценко!» сказала Полякъ, когда они осмались вдвоемъ: «я прѣхала къ себѣ сватомъ. Знаю, что вы дивитесь этому и считася меня за такого чудака, который любить мѣшаться въ чужія дѣла; но выслушай. Я богатъ и бездѣшенъ; ближнихъ родственниковъ у меня нѣтъ, а дальніе должны быть довольны и тѣмъ, что я имъ осмалю. Я люблю будущаго своего зянн: онъ лучше, умѣе и благоправнѣе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ мнѣ случилось встрѣчашъ изъ моихъ земляковъ и изъ вашихъ. Въ этой шкапулкѣ лежитъ у меня три тысячи червонныхъ и почти на столько же дорогихъ вещей: согласишься ли ты отдать дочь свою за Квѣчинскаго,

когда я дамъ ему все это свадебнымъ подаркомъ?... Смори.»

Тутъ онъ раскрылъ шкапулку, на которую папъ Гриценко и госни его такъ умильно поглядывали наканунѣ. Она была по самую крышку набита полновѣсными червонцами. Полякъ пронулъ пружинку и поспайной ящикъ съ разными драгоценными вещцами явился глазамъ удивленнаго Гриценка.

— « Говори же : согласенъ ли ты на мое предложеніе? » снова спросилъ Полякъ.

Удивленіе пана Гриценка прервалось вздохомъ, шажело вырвавшимся изъ груди его, какъ у чловѣка, котораго вдругъ пробудили отъ пріятнаго, обольстительнаго сна. Полякъ снова повторилъ свой вопросъ.

— « Быть такъ! пусть дочь моя будетъ женою Квѣпчинскаго, » — сказала Гриценко, собравшись съ духомъ.

« Онъ славный молодецъ и я всегда его любилъ: одна бѣдность была ему помѣхою жениться на моей Прись; теперь нѣтъ и этой помѣхи, по милости ясновельможнаго моего гостя. Что до его рода, то онъ самъ выйдетъ въ люди своимъ умомъ-разумомъ, да съ Божескимъ благословеніемъ и Царскимъ жалованьемъ.

— « Такъ по рукамъ, и завтра же свашьба, » сказала Полякъ, подсадивъ свою ладонь.

— « Это слишкомъ скоро: мы ни съ чѣмъ еще не готовы... »

— « Не пивоя забота, панъ Гриценко! у меня все мигомъ будетъ готово. Мнѣ нѣкогда ждаться, время не терпится; я и шакъ уже просрочилъ, а я непременно хочу погулять на свашьбѣ у добраго моего пріятеля Квѣшчинскаго. Сей часъ же разошлю моихъ молодцовъ сзывать вчерашнихъ

гостей и пригласить старика Квѣтчинскаго на нынѣшній вечеръ : сегодня у насъ непременно долженъ быть сговоръ. Другіе изъ моихъ шляхтичей отправятся закупать все нужное къ свадьбѣ и завтра же наши женихъ съ невестой будутъ обвѣчаны.... Эй, люди!»

На голосъ Поляка, сбѣжались его прислужники. Онъ съ удивительною поспѣшностію и точностію роздалъ имъ приказанія и разослалъ ихъ въ разныя стороны. Черезъ минупу они были уже на коняхъ и выѣхали со двора. При немъ, для услугъ, осталось только чепверо.

— « Ниъ по рукавъ : я на все согласенъ ; » сказалъ Гриценко, до сихъ поръ въ молчаливомъ раздумьѣ смотрѣвшій на все , что вокругъ него происходило.

— « Давно бы такъ ! » подхватила польскій панъ и хлопнула въ открытую ладонь Гриценка такъ сильно, что онъ отъ боли поморщился и замахалъ рукою. Полякъ улыбнулся : « Это остатокъ старой моей силы, » сказалъ онъ съ видомъ самохвальства : « въ прежніе годы я разгибалъ подковы и скручивалъ узломъ желѣзные кочерги безъ дальнихъ усилій. Теперь уже не то: все не по старому; нынѣ уже такихъ молодцовъ-силачей, какъ бывало прежде. И не только въ силѣ — въ самыхъ понятіяхъ нынѣшняя наша молодежь крайне измѣнилась. Скажу и о своемъ будущемъ зипѣ: у него престранный образъ мыслей. Напримѣръ, онъ никакъ не принялъ бы самъ отъ меня этого подарка изъ гордости; и я прошу тебя, панъ Гриценко, не прежде отдашь ему шкапулку, какъ

на другой день сватьбы. Теперь покажешь унеси ее и спрячь у себя.

— « Правда, правда! » сказала Гриценко и услышав шумъ въ передней свѣщаницѣ, шоропаво схватила шкапулку, прищавъ ее у себя подъ мышкою и почини припрыгивая унесъ въ свою комнату.

Въ эту минушу вошли Квѣвичинскій и Прися. Польскій панъ подошелъ къ нимъ, поздравилъ Прися съ добрымъ ушромъ и съ женихомъ, а Квѣвичинскаго съ невестой. Оба они не вѣрили своему счастью и принимали слова Поляка за дурную шулку, пока возвратившійся Гриценко не увѣрилъ ихъ въ шомъ совершенно. Не спанемъ описывать ихъ радости: все такія описанія скучны, ибо радость любви выражается не словами, а улыбками, взглядами и шому подобными знаками, которыхъ ника-

кое краснорѣчіе не сильно вполнѣ передать.

Къ вечеру начали сѣзжаться гости : отецъ Квѣшчинскаго явился изъ первыхъ, дивясь нежданому приглашенію богатаго и сибирскаго сосѣда. Уже по пріѣздѣ узналъ онъ, за чѣмъ его звали, и радовался почти не меньше своего сына. Началось сватовство обыкновеннымъ малороссійскимъ обрядомъ : польскій панъ, игравшій роль старшаго свата, поставилъ на столъ хлѣбъ и соль и просилъ ласки хозяина, чпобъ онъ принялъ онъ его руки жениха своей дочери; и когда панъ Гриценко подтвердилъ свое согласіе, тогда Прися поднесла сватамъ и опцу своего жениха, шелковые *ручники* на серебряномъ подносѣ (16). Остальное шло своимъ чередомъ : гости пили за здоровье жениха и невесты, отцовъ ихъ, сватовъ и проч., гости пѣли

свадебныя пѣсни ; польскій панъ былъ шупливъ и любезень до крайности , говорилъ даже малороссійскія поговорки , приличныя случаю . Казалось , что онъ учился тамошнему нарѣчію не по днямъ , а по часамъ , какъ славныя богатыри росли въ старинныхъ рускихъ сказкахъ . Поздно разошлись гости по кварширамъ , которыя оповедены имъ были въ домахъ зажиточныхъ обывателей селенія .

На другой день , рано по утру , *дружки* одѣли невесту къ вѣнцу . Въ девять часовъ , свадебный *повѣздъ* былъ уже совсѣмъ снаряженъ : женихъ съ сватомъ и *дружкомъ* (17) поѣхали впередъ верхами , что бы у церковныхъ дверей принять невесту , которая , съ свахою , *дружками* и *свѣтилкою* (18) , везены были въ старинномъ огромномъ рыдванѣ , чепверкою коней съ вершиками . Збруя на концахъ и

рукава у вершниковъ украшены были большими бантами розовыхъ лентъ. Опъ въица, поѣздъ возвратился пѣмъ же самымъ порядкомъ въ домъ пана Гриценка, гдѣ уже приготоуовленъ былъ, въ ожиданіи обѣда, сыпный заупракъ. Начались поздравленія и пощиванья, молодой и молодая стали съ поклонами подносить госнямъ разныя цвѣшомъ и вкусомъ водки. Каждый изъ почешнѣйшихъ госней, выпивъ, цѣловалъ молодыхъ и клалъ на подносъ какой нибудь подарокъ. Польскій панъ, или сваиъ жениховъ, положилъ полный кошелекъ червонцевъ. Такимъ образомъ время продлилось до обѣда, за конпорымъ пирушка разгуливалась болѣе и болѣе. Госнямъ показалось странно, что не было музыки: некому было играть *тушь*, когда пѣли здорюве молодыхъ. Панъ Гриценко уже дважды посылалъ за сѣльнымъ банду-

риштомъ, но онъ все не являлся. Спецъко снова былъ отправленъ, привести или припащить его, если онъ не пойдетъ доброю волею.

Въ концѣ стола, венгерское польскаго пана опять наполнилось въ чары и въ уха лакомыхъ госпей. Самъ Полякъ былъ еще веселѣе, разговорчивѣе и шутливѣе, нежели прежде. Онъ часно пилъ за здоровье молодыхъ, приговаривая: *горько!* и заславляя ихъ цѣлованьемъ; напѣвалъ малороссійскія и польскія пѣсни, починалъ балы и былъ въ полномъ смыслѣ душою пирушки. Опять онъ велѣлъ принести большую свою серебряную стопу и пилъ изъ нея на колѣняхъ съ паномъ Гриценкомъ и старымъ Квѣпчинскимъ.

Съ шумомъ и суматохою кончилась обѣда. Начались громкіе, крикливые разговоры; женщины усались въ кружокъ и заѣли веселья малороссій-

скія пѣсни; мужчины собрались около нихъ, слушали и подпѣгивали. Между шѣмъ молодые, посаженные на почепномъ мѣстѣ, почти не замѣчали того, что вѣкругъ нихъ происходило: они, такъ сказано, были погружены въ настоящее и будущее свое благополучіе. Въ шакихъ припныхъ и невпныхъ за-няціяхъ протекло нѣсколько часовъ. Тутъ только нѣкоторые изъ гостей и хозяинъ дома замѣтили, что между ними кого-то недоставало, и сквозь шумъ вѣпныхъ паровъ наконецъ досмотрѣлись, что оплучившійся гость былъ веселый и добрый польскій панъ, сильно поколебавшій врожденное въ Малороссіянахъ предубѣжденіе на счетъ Поляковъ. Начали его искать повсюду — его нигдѣ не было; люди его, прислуживавшіе за столомъ, также все скрылись. Нѣкоторые изъ самыхъ любопытныхъ гостей добѣжали осведом-

ляться на дворъ: поселяне, собравшіеся смошрѣшь на свадьбу, сказали имъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ бричка польскаго пана выѣхала за ворота, конные служители его также поодиначкѣ выбрались, а снупси немного, самъ онъ шло вынелъ на улицу, сѣлъ въ бричку и ускакалъ, окруженный своими проводниками.

И госии и хозяйнъ дивилась такому странному пошунку польскаго пана; отецъ Приси дивился также и тому, что ни сѣной бандурнень, ни Снецько не являлись во весь вечеръ. На многолюдныхъ, шумныхъ пирункахъ обыкновенно такіе случаи намнть молькаютъ въ пошннхъ собесѣдниковъ и быспро смѣняются другими впечатлѣніями. Какой-то залепный музыканнть съ скрикою, пѣни, пляски и продолжительная попойка скоро вышѣеннми изъ со-

грѣшныхъ хмелемъ головъ и польскаго пана съ его забавными шушками, и слѣпца Нестеряка съ его бандурой, и Спецька съ его глунымъ взглядомъ и и разинупымъ рномъ.

Последній изъ нихъ явился однако жъ на другой день поутру. Онъ бросился въ ноги своему пану, просилъ у него прощенія за вчерашнюю свою оплучку и сказала, что слѣпый Нестерякъ рѣшишельно отказался итти на сватьбу съ своею бандурой. Въ то же время, Спецько подалъ господину своему запечашанное письмо.

— «Онъ кого принялъ ты это письмо?» спросилъ панъ Гриценко еще не разламывая печати.

— «Онъ кого?...» молвилъ Спецько, повторяя вопросъ со всею медлительностію Малороссіянина. «Да онъ *нашего* свапа, польскаго пана...

— «Гдѣ и какъ,» нетерпѣливо подхватилъ Гриценко.

— «Гдѣ?... въ корчмѣ, за селеніемъ, на большой дорогѣ. Какъ?... я и самъ порядкомъ не помню; дайте надуматься. А! теперь кажется такъ: извольте слушать. Шедши домой отъ Нестеряковой хапы, я встрѣтился съ однимъ изъ шляхтичей, который дружески попрепалъ меня по плечу и сказалъ: «Прощай, шоварищъ! панъ нашъ уѣхалъ и я спѣшу велѣдъ за нимъ. Да не можешь ли ты,» прибавилъ онъ, «сослужить мнѣ службу, показать мнѣ дорогу въ корчму, что за селеніемъ, по С....цкому *шляху* (19)? Я тебѣ буду очень благодаренъ и шамъ мы разсѣланемся, какъ добрые пріятели, за чаркою вина.» — Виновать, грѣшный человекъ: я взялся его провожать, и шамъ мы нашли польскаго пана со всѣми его проводниками. Панъ обошелся со мною ласково, пощивалъ меня самъ изъ своихъ рукъ,

далъ мнѣ на водку и велѣлъ подо-
ждать, пока напишеть къ вамъ пись-
мо. Въ другой свѣшницѣ, шляхшичи
окружили меня и шли со мною на
разсѣванье до шѣхъ поръ, что ужь
я и не помню, какъ заснулъ. Когда
же проснулся, то ужь ни пана, ни
людей его не было, а корчмарь по-
далъ мнѣ это письмо и крѣпко на-
крѣпко наказалъ мнѣ доставить его
къ вамъ, говоря, что если не до-
спавлю, то польскій панъ опъищеть
меня хоть нодъ землею и тогда
Богъ вѣснѣ, что со мною будешь.
Я испугался и своей оплочки изъ
дому, и вашего гнѣва, и угрозы поль-
скаго пана, опрометью бросился изъ
корчмы и не помню, какъ меня ноги
сюда донесли.»

Панъ Гриценко, выслушавъ эготъ
разсказъ, распечаталъ письмо. Су-

дите жь объ его удивленіи , когда онъ прочель въ немъ слѣдующее.

«Нашъ Гриценко! я хотѣлъ ограбить тебя, и уже все было къ шому гошово. Чшо бы собранъ моихъ удалцовъ въ одно мѣсто, переодѣлъ я ихъ въ одпорядку и самъ одѣлся Полякомъ, потому чшо не имѣю въ здѣшнихъ мѣстнахъ надежнаго припшна. Въ эшомъ видѣ, велѣлъ я самымъ лихимъ ребяшамъ изъ моей вольницы съѣзжашься въ одной корчмѣ, гдѣ самъ ихъ дожидался. На швое счастье, пріѣхалъ шуда же нынѣшній зянь швой, Квѣпчинскій. Я хотѣлъ было опсправншь незванаго госпи въ нежданое мѣсно; но какъ я никогда не проливаю крови, шо вздумалъ вывѣдашь хорошими средешвами, не будетъ ли онъ намъ помѣхой? Слово за слово, и выпянулъ изъ него всю подногшнюю: и любовь его къ швоей дочери, и швой

опказъ, и его горе. Я опъ природы имѣю доброе сердце: мнѣ спало жаль бѣднаго Квѣтчнскаго: потчасъ я перемѣнилъ намѣренія на швой счетъ и рѣшилъ помочь ему. Хорошо ли я въ эпомъ успѣлъ, самъ ты знаешь. Прощай: люби дочь и зятя, надѣлн ихъ, какъ долгъ велишь доброму опцу, береги мою шапкулу — она тебѣ пригоднша, и будь милоспнвъ къ своимъ служнтелямъ. Они шакіе же люди, какъ и ты. Если все эшо исполнншь по моему желанію, то можешь бышь увѣренъ, что никогда не встрѣпншься съ *Гаркушею*.

Лнхорадочная дрожъ проняла пана Грнценка во время эшого чтенія; ему казалось, что гайдамакъ все еще передъ нимъ; робко взглянулъ онъ и увидѣлъ подлъ себя не Гаркушу, а слѣпаго бандурнста.

— «Я прншелъ поздравнть васъ,

добродѣй, и пожелать счастья вашимъ молодымъ. Пусть изъ живутъ, какъ свѣчки вьютъ (20)!—Вчера же, вижу, не пришелъ къ вамъ на свадьбу: тупъ былъ недобрый человекъ, и я ни за что бы не хотѣлъ съ нимъ бытъ подъ одною кровлею.

— «Развѣ ты по чему-либо узналъ гайдамака?» спросилъ панъ Гриценко, пришедши нѣсколько въ себя.

— «Ну, такъ!» подхватилъ слѣпый музыкантъ. «Я чувствовалъ, что здѣсь что-то не даромъ. Порядочный человекъ не смалъ бы бросать своихъ червонцевъ первому встрѣчному. Сей часъ же и отдамъ его даръ на богадѣльню. Не хочу себѣ даровъ отъ нечестныхъ рукъ.

— «А я такъ приберегу свои десять серебряныхъ круглевиковъ про черной день,» думалъ про себя Спецько, стоя у двери. «Нужды нѣтъ, что пришли

ко мнѣ изъ нечистыхъ рукъ: на это
есть мѣль и шерпый кирпичъ.

Что думалъ царь Гриценко о своей
шкапулкѣ, мы не знаемъ; только онъ
не опдалъ ее на богадѣльню. Можетъ
быть онъ спрѣхалъ, что бѣ не прогнѣ-
вилъ Гаркушу презрѣннѣе къ его по-
дарку; или, можетъ быть, хотѣлъ
онъ возвращить ему шкапулку при
первой встрѣчѣ. Какъ бы то ни было,
но онъ до самой смерти не упоминалъ
о шкапулкѣ ни зяню, ни дочери, и
она перешла къ нимъ какъ наслед-
ство онцовское.

И. Байскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- (1) *Дриблники* — мѣлка копы; ихъ задепта-
ютъ по вѣсколку и обвиваютъ вокругъ головы.
Слидятаи — разноцѣпныя ленты, которыми

товизмъ вѣдется голова; концы ихъ разпускаются по плечамъ. *Плахта* — родъ юпки или передника. *Усы* — стрѣлки или спрочки на фалдахъ куптоша.

(2) *Надошникъ* — болотное растѣніе. Если имъ нанести какую нибудь часть шѣла, то она вмигъ покрасивѣетъ; но частное его употребленіе порицать лице, дѣлаетъ его шероховатымъ и даже угреванымъ.

(3) *Совляка* — сырѣль или дудка.

(4) Малороссійскія плясовыя пѣсни.

(5) *Вудинки* — домъ, палаты. Собсипвенно значить зданіе.

(6) « Якъ Александръ царевичъ Пору

Дававъ изъ вѣскома добру хлѣру...

Цошрешъ бувъ Францоуза Карпуша,

Вилъ его сповѣтъ Гаркуша,

А Ванька Каминъ впереди... » и проч.

Энеида Котляревск. II. IV.

(7) *Варенуха* или *варена* — начиншкъ, варимый изъ коринки, изюма, камны и пр. и пр, съ виномъ и медомъ; онъ подаешся теплымъ.

(8) *Гири до долу!* — *Гиря*, голова, въ томъ же смыслѣ, какъ по-русски *башки* и по-французски *la caboche*.

(9) *Стецко* — уменьш. имени Стефанъ.

(10) *Нестерякъ* — Несторъ.

(11) *Шкодѣи* — бѣда, худо.

(12) *Упирѣ* — вампиръ или оборотень.

(13) *Добрѣдѣи* — благодѣтель. Малороссiяне, обращаясь съ симъ вѣжливымъ названiемъ къ челоуѣку высшаго званiя или рода, говорятъ оное въ званiтельномъ падежѣ: *добрѣдѣю*.

(14) *Волколакъ* — оборотень, превращающiйся въ волка, что бы пугать людей и душишь овецъ по злобѣ на хозяевъ.

(15) *Змѣхарѣ* — колдунъ.

(16) *Ругники* или бѣлыя полотенца съ узорными коймами, подносятся невѣстою свинамъ, когда свѣтловспиво идееть на ладъ. Въ богатыхъ помещичьихъ домахъ, сiя *ругники* состояли изъ нѣсколькихъ аршинъ шелковой шкаки, иногда даже съ золотую бахромою.

(17) *Дружкѣ* — поварницѣ сваша на малороссiйскихъ свадьбахъ; *дружки* — подруги невѣсты, которыя одѣваютъ ее и провожаютъ въ церковь.

(18) *Свѣтилка* — дѣвица, которая должна бытъ съ зажженою восковою свѣчею при свадебныхъ малороссiйскихъ обрядахъ.

(19) *Шляхъ* — большая или сполбовая дорога.

(20) *Нехай ихъ живутъ, якъ вѣтки вѣютъ* — обыкновенное малороссiйское привѣтливiе новобрачнымъ.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ БАРА- ТЫНСКАГО.

*Summa in hoc vis elocutionis, cum
valida, tum breves vibrantesque senten-
tia, plurimum sanguinis atque nervo-
rum: adeo ut videatur quibusdam, quod
quoquam minor est, materia, non inge-
nii vitium.*

QUINCTIL. X, 1.

Человѣкъ строгой нравственности
и высокаго любомудрiя сказалъ (*):
« Все то, что способствуетъ къ до-
ставленiю вкусу болѣе тонкости и
разборчивости, что приводитъ въ

(*). Полное собранiе сочиненiй М. Н. Муравьева,
Ч. III. стран. 122.

совершенство. чувствованіе красоны въ искуствахъ или письменахъ, оидовитиъ насъ въ шо же самое время оидъ грубыхъ измшеситвъ еспрасней, оидъ неспшовыхъ возпаленій гнѣва, жестокосии, корыснолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто возхищается красонами поэмы или разположеніемъ каршины, не въ соснолнн полагаиъ благополучія своего въ неспчаснн другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безнушества, или въ исканнн подлой корыснн. Иъжное сердце и просвѣщеннй разумъ услаждаюиъ возвышенными чувствованіями дружбы, великодущія и благоишворительноснн.» Слѣдовательно появленіе сннхотвореній Бараньнскаго, поэта, давно пзвѣснаго своимъ оидличнымъ дарованіемъ и вкусомъ, должно быиъ приияно съ особеннымъ вниманіемъ. Кто не привыкъ смощрѣиъ на легкія

стихотворенія по симъ правиламъ, шощь покрайней мѣрѣ увидиши въ нихъ пользу языка. Ошъ чего имъ владѣнть слабо большаа чаша нашихъ писателей? Ошъ недосшапка совершенныхъ образцовъ. «Надобно, чшобъ выраженіе предспаваля вѣрное и полное изображеніе мысли. Все, чшо изображаетъ менѣ или болѣе *настоящаго*, ослабляетъ выраженіе. Мысль опредѣляетъ шеченіе слога. Самый проешой можетъ бышь благородень (*).» По этому все, чшо мы привыкли называть сочиненіемъ въ легкомъ родѣ, шшолько же образуешъ языкъ, какъ и важное. Одишъ выборъ содержания, безъ искусства шшешменъ, въ словесности почти ничего не значишъ. Въ рукахъ неопытнаго или нешвѣду-

---

(* Тамъ же, страш. 132.

щаго художника лучшія краски никакого дѣйствія не производящъ надъ зрителемъ: такъ сила мыслей исчезаетъ въ худомъ слогѣ.

Сочиненія Баратынскаго представляютъ образецъ шочности слога. Онъ выражаетъ мысли свои такъ вѣрно, что читатель можетъ замѣтить и почувствовать ихъ самые легкіе оттѣнки. Нѣтъ словъ, поставленныхъ не у мѣста, необдуманно, или невольно. Краткость рѣчи не только не вредитъ ясности стиховъ его, но придаетъ имъ особенную силу. Онъ въ сопоставленіи періодовъ столько же разнообразенъ, какъ и въ изобрѣненіи новыхъ мыслей. Это измѣненіе формъ, въ которыхъ являюся ряды сдѣланныхъ понятій, сообщаетъ движеніе слогу и усиливаетъ заманчивость чтенія. Что касается до гармоніи стиховъ, Баратынскій замѣнилъ одно-

звучную гладкость языка переливами шоновъ. Такимъ образомъ вдохновенная музыка, лаская слухъ, нерѣдко волнуешь душу неожиданными звуками. Онъ не увлекся владычествомъ пышнѣйшей европейской поэзи, обольстительной по своей мечтательности, но справедливо порицаемой за изысканность и переувеличеніе украшеній. Строгой вкусъ его возпользовался только шѣмъ въ романтической поэзи, что кардинамъ придаешь яркость красокъ, а пенинамъ заманчивость шайны. Его можно причислить къ разряду прежнихъ французскихъ поэшовъ, вѣроятно бывшихъ руководителями опроческихъ его опышовъ. Но и съ ними сошелся онъ въ одной опченливости слога и мыслей. Онъ также напоминаетъ ихъ въ шѣхъ мѣсцахъ; гдѣ хочетъ быть шумливымъ и оспроумнымъ. Глубокія

чувствованія, поэтическіе объемы предметовъ, мысли сильныя и живыя, привлекающее просодушіе въ веселости, принадлежащее собственно его дарованію.

Баратынскій преимущественно поэтъ элегическій. Надобно ли смотрѣть на поэзію также, какъ смотрѣть на нѣ произведенія ума, которыя постепенно приближаются къ высшему своему совершенству? Если въ ученѣмъ сочиненіи повтореніе давно извѣстныхъ истины показывается ничтожною работою писателя: должно ли по этому правилу заключить, что поэтъ, изображающій знакомыя, привычныя чувстваванія, не производитъ ничего и не заслуживаетъ особеннаго вниманія? Науки суть плоды опытовъ, живое подобіе разныхъ возрастовъ человеческого смысла. Искусства же составляютъ одни ошзывы чувственныхъ

ощущений, всегда и вездѣ свойственныхъ природѣ челоуѣка. Картины однихъ и тѣхъ же чувствований, какъ образы людей, до безконечности могутъ измѣняться. Тибуллъ и Проперцій, Марни и Гёте въ своихъ элегіяхъ разнообразны и разнозанимательны. У каждаго изъ нихъ есть собственныя характеры, особенное составленіе мыслей, отличное свѣтло и тѣни, сила и нежность красокъ. Баратынский показываетъ большую власть надъ своимъ искусствомъ. Увлекаясь движеніями сердца, онъ не перескакиваетъ мысли и каждую свою мысль умѣетъ согрѣвать чувствомъ. Въ его элегіяхъ не уныніе, не мечтательность, но (если можно сказать) раздумье. Можно бытъ, природа создала эту душу для веселости. Опыты жизни заставляютъ насъ часто углубляться въ самихъ себя. Вниманіе знакомитъ съ ни-

* *

желыми тайнами человечества. Мы уси-
 ливаемся опогнать опть сердца мрачныя
 мысли, но въ то же время спановимся
 недовѣрчивыми къ счастью. Въ насъ
 примѣчаютъ противорѣчіе надежды и
 желаній. Оно-то составляетъ преле-
 стное разнообразіе элегій Бараньин-
 скаго. Иногда близкій къ слезамъ, онъ
 ихъ остановившъ и улыбнется; за
 то и веселость его иногда свѣтится
 сквозь слезы. Дѣтская чувствитель-
 ность и умъ философа подъ строгую
 властную тонкаго вкуса, составляютъ
 его главный характеръ.

Обозначая только общими и глав-
 ными чертами рождающіяся въ душѣ
 впечатлѣнія при разсмотрѣніи ка-
 кого нибудь предмета, обыкновенно
 судишь по вліянію господствующей въ
 немъ красоты, или, напротивъ, не-
 совершенства. Когда въ подобномъ опи-
 саніи преимущественно занимающа

изчисленіемъ совершенствъ , это становится доказательствомъ , что погрѣшности , неизбежныя въ каждомъ произведеніи ума или вкуса человѣческаго , изкуплены очарованіемъ красоты. Подробный разборъ каждой части произведенія гораздо взыскательнѣе. Баратынскій , подобно всѣмъ отличнымъ поэтамъ , можетъ полакомить невинное самолюбіе взыскателей изящнаго на снѣжныхъ покрывахъ этимологій , орфоэпій и другихъ грамматическихъ музъ. Для поэта элегическаго , иногда слишкомъ рѣзкаго въ своихъ забавахъ съ Граціями (въ чемъ Баратынскій не думалъ соснавить собою *изключеніи*) , есть кривляка еще взыскательнѣе. Она преслѣдуетъ , какъ злодѣяніе , каждую шалость воображенія. Къ счастью , одинъ изъ самыхъ тонкихъ судей поэтическаго искусства давно уже разграничилъ моральную философію оны

поэзии. Вопль слова его (*): «Чего пре-
 буетъ онъ поэза его искусство? Что
 бы онъ не оскорблялъ непосредствен-
 но чувствна моральнаго; что бы онъ
 не противорѣчилъ морально-изящному,
 которое почтается однимъ изъ глав-
 ныхъ источниковъ красоты стихотво-
 рческой: но существенною мо-
 ральною красотою занимается онъ
 столь же мало, какъ и существен-
 ною логическою истиною. Пускай раз-
 судокъ вооружается противу чувства
 и спраши, производимыхъ въ насъ
 стихотворцемъ; пускай опровергаетъ
 онъ, какъ ложный или мечтательный,
 столь образъ мѣтня, который мы не-
 чувствительно принимаемъ вмѣстѣ съ
 поэтомъ, пускай находишь недостоин-
 ными или чудовищными тѣ характе-

(*) Переводы въ прозѣ В. Жуковскаго, Т. III
 стр. 68. Изданіе второе.

ры, которые, будучи украшены цвѣ-
тами поэзи, кажутся намъ привле-
кательными и превосходными: все
это не принадлежитъ къ эпихошвор-
ному искусству. Оно имѣетъ въ виду
одно изящное, дѣйствуетъ исключи-
тельно на одно чувство, оснается
довольнымъ, если недосапонокъ мо-
рально-прекраснаго не обратится въ
совершенно моральное безобразіе. Эпи-
хошворецъ исполняетъ свою обязанность,
какъ эпихошворецъ: онъ правъ передъ
судилищемъ критики.»

Илетневъ.

Поблагодаривъ Г. Сочинителя за
доставленіе въ Сѣверные Цѣвны из-
вѣстія о сочиненіяхъ Бараньнска-
го, съѣвшимъ сообщити чинашелямъ
нашимъ и другія пріимшыя вѣсти и

надежды. Къ наступающему году готовится много прекрасныхъ новостей въ нашей липеранурь. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. *Нѣсколько главъ Онегина*, соч. А. С. Пушкина; *Наталья Долгорукая*, поэма П. П. Козлова; *Бальный ветеръ*, поэма Е. А. Баратынскаго. Любимцами русской поэзіи давно уже наслышались о сихъ отличныхъ произведеніяхъ и ждуть ихъ съ нетерпѣливостію. Въ Москвѣ, сказываютъ, готовится изданіе *Согиненій покойнаго Веневитинова*.—Г. Вердеревскій, котораго предложенія Горациевыхъ одъ весьма пріятно напоминаютъ подлинники, печатаетъ свой переводъ *Байроновой Паризины*. Одинъ молодой поэтъ, съ весьма выгодной стороны извѣстный въ нашей словесности, готовится къ изданію не большую поэму: *Хіосскій спрота*, и хочетъ напечатать ее съ прекрас-

ною цѣлю — въ пользу сироты, герою сей поэмы. Здѣсь изданы еще *Сочиненія* славнаго прагматическаго нашего акшѣра *А. С. Яковлева*, собранныя послѣ его смерти. *Руская Антологія*, составленная *М. А. Яковлевымъ* изъ всѣхъ лучшихъ мѣстныхъ стихотвореній, напечатанныхъ прежними и новѣйшими русскими поэтами, уже печатается и скоро появится. Кроме сего, напечатано новое, весьма красивое изданіе поэмы *А. С. Пушкина*: *Бахчисарайскій фонтанъ*, въ небольшомъ форматѣ, съ картинками. Одно очень хорошее изданіе *Сочиненій Озерова* (въ 2 т.) уже явилось; при другія (въ 3 ч.) скоро выйдуть. Въ сихъ 3 частяхъ будутъ помѣщены и нѣ сочиненія Озерова, которыя ни гдѣ еще не были напечатаны, и которыхъ онъ самъ, какъ извѣстно, не хотѣлъ выпускать въ свѣтъ. — Въ про-

зѣ, печатаются *Анекдоты о Суворовѣ*, собранные Е. Б. Фукоемъ. Еще должно упомянуть о весьма хорошемъ библиографическомъ изданіи: о *Каталогѣ Россійскихъ книгъ*, Г. Смирдина. Кромѣ книгъ, находящихся въ его библіотекѣ чтенія, Г. Смирдинъ намѣренъ присокупить еще къ сему Каталогу, въ особой частн, тѣ рускія книги или изданія, кои когда-либо были напечатаны. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Каталогомъ библіотеки Г. Смирдина, это будетъ и полнѣйшее библиографическое сочиненіе о руссіейскихъ книгахъ.

ПОЭЗИЯ.

Г Р А Ф Ъ П У Л И Н Ъ .

Пора, пора! рога трубятъ ;
Псаря въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣпъ ужъ на коняхъ сидѣтъ ,
Борзая прыгающъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо ,
Все, подбочась, обозрѣваетъ ;
Его довольное лицо
Пріятной важностию сіяетъ.
Чекмень замянутый на нёмъ ,
Турецкій ножъ за кушакомъ ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ , въ одномъ плащкѣ ,
Глазами сонными жена
Сердино смотритъ изъ окна
На сборъ , на псарню лривогу.

★ ★

Вопи́ мужу подвели коня ;
 Онъ холку хванъ и въ спрема погу ,
 Кричатъ жентъ ; не жди меня !
 И вывзженъ на дорогу .

Въ послѣднихъ числахъ септября
 (Презрѣнной прозой говоря)

Въ деревнѣ скучно : гризь , ненастье ,
 Осенній вѣнерь , мѣлкій снѣгъ ,
 Да вой волковъ . Но по-по счастье
 Охотнику ! не знаа пѣгъ ,
 Въ оцѣзжемъ полѣ онъ гарцуентъ ,
 Вездѣ находить свой мочегъ ,
 Бранился , моченъ и ируентъ
 Оупошщительный набѣгъ .

А что же дѣлаешь супруга ,
 Одна въ онсуцивнѣхъ супруга ?
 Занятій мало ль есть у ней ?
 Грибы солить , кормить гусей ,
 Заказывать обѣдъ и ужинъ ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглашуть .
 Хозяику глазъ повсюду нуженъ :
 Онъ впитъ замѣнитъ что выбудъ .

Къ несчастью , героиня наша
 (Ахъ , я забылъ ей имя данъ !

Мужъ просно звалъ ее Нанаша,
 Но мы — мы будемъ называться
 Наталья Павловна), къ несчастью,
 Наталья Павловна совѣсть
 Своей хозяйственной чистью
 Не занималась, зашьеъ,
 Что не въ опеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Или переписка двухъ семей —
 Романа классической, старинной,
 Оптимно длинной, длинной, длинной,
 Правоучительной и чинной,
 Безъ романтическихъ зашій.

Наталья Павловна сначала
 Его внимательнo читала,
 Но скоро какъ-то развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею шихо зашлаась.

Кругомъ мальчишки хохотали ;
 Межъ шнѣмъ печально подѣ окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выспунали
 Вослѣдъ за мокрымъ плѣнухомъ ;
 Три утки полоскались въ лужѣ ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣсила на заборъ ;
 Погода спановилась хуже :
 Казалось, снѣгъ иппи хошѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвѣлъ ,

Кипо долго жить въ глуши печальной ,
 Друзья, шопъ вѣрно знаете самъ ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальней
 Порой волнуеиъ сердце намъ .
 Не другъ ли ѣдетъ запоздалой ,
 Товарищъ юности удалой?...
 Ужь не она ли?... Боже мой !
 Вонъ ближе, ближе. Сердце бѣшся...
 Но мимо, мимо звукъ несенся,
 Слабый... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
 Бѣжишь, обрадована звону ,
 Глядишь и видишь : за рѣкой
 У мельницы колеска скачешъ ,
 Вонъ на мосту — къ намъ шочно... идишь ,

Поворотила вѣво. Вслѣдъ
Она глядишь и чушь не плачешь.

Но вдругъ... о радость! косогоръ;
Колыска на бокъ, — Филька! Васька!
Кто мамъ? скорѣй! Вонъ мамъ колыска:
Сей часъ возьми ее на дворъ
И барина просишь обѣдаль!
Да жишь ли овъ?... бѣги провѣдаль!
Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжитъ.

Нашама Павлошна спѣшишь
Взбѣишь пышный локонъ, шаль накинуть,
Задержушь завѣсъ, синуль подвинушь,
И ждешь: да скоро ль, мой Творецъ!
Вонъ фдунъ, фдунъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальшой,
Опасно раненный, печальной
Кой-какъ защищя экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаешъ;
Слуга-Французъ не унываетъ
И говоришь: allons, courage!
Вонъ у крыльца; вонъ въ сѣни входяшь.
Покаместъ барину исперь
Покой особенный ошводяшь
И наснежъ ошворяющъ дверь.

Пока Рісагд шумить, хлопочеть,
 И барить одѣваться хочеть;
 Сказаніе ли вамъ, кѣпо онъ шаковъ?
 Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ витрѣ моды
 Свои грядущіе доходы,
 Себя казань, какъ чуждый звѣрь,
 Въ Петрополь ѣдегъ онъ теперь
 Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
 Шлягъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Будалокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цѣлпшыхъ платковъ, чулокъ à jour,
 Съ ужасной книжкою Гизота,
 Съ неспрадыю злыхъ каррикатуръ,
 Съ романомъ новѣгъ Валтеръ-Скопта,
 Съ bons-mots Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ моштвами Росснигъ, Цера,
 Et cetera, et cetera.

Ужь спомъ накрышь; даво пора;
 Хозяйка ждегъ неизрѣлнво;
 Дверь отворилась; входитъ графъ;
 Напалія Павловна, привставъ,
 Освѣдомлени учинво,
 Каковъ онъ, что нога его?
 Графъ отвѣчаецъ: ничего.

Идушь за спомъ; вонъ онъ садился,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаеть разговоръ:

Святую Русь бранишь, дивится
 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
 Жалбеть о Парижѣ спрахъ.

« А что шеанрь? » — О! спротиветь,
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.

Тальма совсѣмъ оглохъ, слаббеть,
 И мамзель Марсь, увы! спарбеть.
 За шо Поппе, le grand Potier!

Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Донынѣ поддержать одинъ. —

« Какой писатель нынче въ модѣ? »
 — Все d'Alphonse и Ламариниъ. —

« У насъ имъ также подражаютъ. »

— Нынѣ! право? шакъ у насъ умы
 Ужъ развиванися начинають?

Дай Богъ, шнобъ просвѣпились мы; —

« Какъ шалыт носянгъ? » — Очень низко,

Позити до... вонъ по эшпхъ поръ.

Позвольте видѣль ваугъ уборъ;

Такъ... рюши, баншы, здѣсь узоръ;

Все эшо къ модѣ очень близко. —

« Мы получаемъ Телеграфъ. »

— Ага! хотити ли послушать

Прелесный водеиль? — И графъ

Поешъ, «Да, графъ, извольте жь кушань.»
 — Я сыиъ. — «И шакъ...»

Изъ-за снола

Вспаюиъ. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела;
 Графъ, о Парижъ забывая,
 Дивилися, какъ она мила,
 Проходяиъ вечеръ непримѣнно;
 Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражается привѣнно,
 То вдругъ поуплеиъ безопивѣнно,
 Гладилъ — и полночь вдругъ на дворъ,
 Давно хранилъ слуга въ передней,
 Давно поешъ нѣтухъ сосѣднй,
 Въ чугуину доску спорожъ бьелъ;
 Въ гошлиной свѣчки догорѣли.
 Намамъ Павловна вспаеиъ:
 Пора, прощайше! ждупъ поспели.
 Приимнй сонъ!... Съ досадою вспавъ,
 Полулюбленнй, нѣжнй графъ
 Цѣлуешъ руку ей. И что же?
 Куда кокенсиво не ведешъ?
 Проказница — проси ей, Боже! —
 Тихонько графу руку жмень.

Наталья Павловна раздѣла;
 Сидишь Параша передъ ней.
 Друзья мои! Параша эта
 Наперсница ея заплѣй
 Шьенгъ, моешь, вѣсни переносишь,
 Изношенныхъ капоновъ просишь,
 Порою барина смѣшишь,
 Порою на барина кричишь,
 И лежишь предъ барыней ошважно.
 Теперь она шолкуешь важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаешь ничего —
 Богъ вѣсни, развѣданы какъ успѣла.
 Но госпожа ей наконецъ
 Сказала: полно, надобла!
 Спросила кофшу и чепецъ,
 Легла и вышпи вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между шемъ
 И графъ раздѣлишь уже совсѣмъ.
 Ложился онъ, сигару просишь,
 Monsieur Ricard ему приносишь
 Графинъ, серебряной спаканъ,
 Сигару, бронзовой свѣильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ
 И неразрѣзанный ромикъ.

Въ постель дежа, Валтеръ-Скотта
 Глазами пробѣгаеиъ оиъ.
 Но Графъ душовно развлечонъ :
 Неугомонная забота
 Его превожиниъ ; мыслииъ оиъ :
 Не ужь-по вправду я вакобѣиъ ?
 Что, если можно?... вопъ забавно ;
 Однакожь эпо было бъ славно ;
 Я, кажешя, хозѣиъ милъ —
 И Нулииъ свѣчку погасиъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
 Не спитъ графу ; бѣсъ не дремлетъ
 И дразнитъ грѣшною мечтой
 Въ немъ чувствла. Пыкий нашъ герой
 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно крутой, полный снатъ,
 Прѣятный голосъ, прямо женскій,
 Лица румянецъ деревенскій —
 Здоровье краше всѣхъ румицъ.
 Онъ поминиъ кончикъ пожки нѣжной,
 Онъ поминиъ : точно, шочно пакъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку ; онъ дуракъ,
 Онъ долженъ бы остаться съ нею,
 Ловиниъ минушнюю замѣю.

Но время не ушло: шеперь
 Ошворена конечно дверь —
 И щончасъ, на плеча накинувъ
 Свой пестрый шелковый хаашъ
 И спуль въ пошемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградаъ,
 Къ Лукреціи Тарквиній новый
 Ошпращилса на все готовый.

Такъ иногда лукавый конгъ,
 Жеманщій баловень служанки,
 За мышью крадетса съ лежанки:
 Украдкой медленно идѣтъ,
 Полузажмурясь подслушаетъ,
 Свернешся въ комъ, хвостомъ играетъ,
 Разыскетъ когти кипрскихъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленнїи графъ въ пошемкахъ бродитъ,
 Дорогу ошупью находитъ;
 Желаньемъ пламеннымъ шомитъ,
 Едва дыханье переводитъ,
 Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ закрипитъ. Волгъ онъ подходитъ
 Къ завѣшной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь шихо, шихо уснушаетъ,

Онъ смотритъ : лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ ;
Хозяика мирно поживаетъ
Иль прищворяется , что спитъ .

Онъ входитъ , медлитъ , опускается —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ .
Она... Теперь , съ ихъ позволенья ,
Прошу я Пенербургскихъ дамъ
Представити ужасъ пробужденья
Напалаи Павлошны моей
И разрѣшить , что дѣлать ей ?

Она , открывъ глаза большіе ,
Глядитъ на графа — нашъ герой
Ей сыплетъ чувства выцисныя
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся...
Но гнуть опомнилась она ;
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся ,
И честной гордосини полна ,
А впрочемъ , можетъ быть , и сираха ,
Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину , да , да !
Пощечину , да вѣдь какую !

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
 Обиду проглотивъ такую;
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадой страшною пылая;
 Но шпигъ косматый, вдругъ залая,
 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышавъ графъ ея походку
 И проклятая свой ночлеги
 И своенравную красонку,
 Въ послѣдній обратился бѣги.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводитъ опасную ночь,
 Воображайте, воля ваша!
 Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возспавъ поутиру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣниво;
 Ондѣлкой розовыхъ ногней
 Зѣвая занялся небрежно,
 И галснукъ вяжетъ непрілежно,
 И мокрой щеткою своей
 Не гладитъ сприженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
 Но вопль его позвалъ къ чаю.
 Чшо дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Неловкой стыдъ и тайный гнѣвъ,
 Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый полупя взоръ
 И губы алая куся,
 Заводишь скромно разговоръ
 О помѣ, о семь, сперва смущенный,
 Но поспешно ободренный,
 Съ улыбкой отвѣчаешь ошь.
 Получаса не проходило,
 Ужь ошь и шунишь очень мило
 И чупь ли снова не влюблѣшь.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входишь. Кто же?
 «Нанаша, здравствуй.»

— Ахъ, мой Боже!
 Графъ, вошь мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинъ. —

«Радъ сердечно я.
 Какая скверная погода:
 У кузицы я видѣлъ вашу
 Совсѣмъ голый экшнажъ.
 Нанаша! тамъ у огорода
 Мы заправили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать;
 Прислали намъ издалека,
 Вы съ нами будете обѣдять?»
 — Не знаю, право, я сиѣшу. —

«И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я, господамъ мы рады,
Нѣтъ, графъ, османьшесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды поперашъ,
Упрямился печальный графъ.
Ужъ подкрѣпивъ себи спаканомъ,
Пикарь крикнувъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчиванъ сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхать... Тѣмъ и сказка,
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же больше всего
Съ Натальей Павловной смѣлся?
Не угаданы вамъ. — Почему жъ?
Мужъ? — Какъ не шакъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень знимъ оскорбился,
Онъ говорить, что графъ дуракъ,

Молокосось; что если шакъ,
 То графа онъ визжань заспавингъ;
 Что псами онъ его зашравингъ.
 Сдѣлся Дидингъ, нхъ сосѣдъ,
 Помѣщикъ двадцати прехъ лѣнгъ.

Теперь мы можемъ справедливо
 Сказать, что въ наши времена
 Супругу вѣрнѣе жена,
 Друзья мои, совсѣмъ не диво.

А. Пушкинъ.

М О Р Е.

Какъ спалъ гордыхъ лебедей,
 На сплвемъ морѣ волны блещунгъ,
 Лобзаются, ныряюнгъ, плещунгъ
 По стройной прихоти своей.
 Какъ упиваенси мой слухъ
 Нхъ говоромъ необычайнымъ,
 Какъ сладко предаенси духъ
 Мечтлвмъ пльвишелымъ и райнымъ.

Такъ ! Древности постигъ теперь
 Я баснословную сваньню:
 О волны ! красоны богиню
 Я признаю за вашу дщерь !
 Такъ , вѣрю : родилась она
 Изъ вашей колыбели зыбкой ,
 И пробудила міръ онъ сна
 Своєю сѣжею улыбкой .

Такъ , вѣрю : здѣсь явилась ты ,
 Очарованельница міра !
 Въ прохладу влажнаго сафира ,
 Въ стихіи свѣтлой чистоты ,
 Намъ чистымъ сердцемъ внушены
 Прекрасныхъ плащствъ ошкровать :
 Изъ лода чистой глубины
 Явилась ты , краса пворенья .

И въ наши строгія лѣта ,
 Лѣта существенности люпой ,
 При еась однѣхъ , хопи минушой ,
 Вновь забывается мечня !
 Не смѣи измѣнишь вѣка
 Вашъ образъ свѣтлый , вѣчноюный ,
 Ни смертныхъ хищная рука ,
 Ни рока грознаго перуны !

★ ★

Въ вась нѣтъ савдовъ ащпейскихъ бурь,
 Савдовъ бузумсва и гордыни,
 И вашей дѣственнѣи свшшши
 Не опозорена лазурь.
 Кровь ближнихъ не дымниси въ ней;
 На почвѣ, смершвыиъ непослушнѣи,
 Нѣтъ врашнхъ знаменій сшрасней
 Сврѣпыхъ въ злобѣ мшодушнѣи.

И если смерннхъ возмуннхъ
 Вашъ миръ преснуноу ошвагой,
 Вы очшпннелншоу влагой
 Сшшшше смшшш мгновеннхъ смшдъ.
 Ошрннушнхъ пѣз чуждыхъ шдръ,
 Ошъ поглѣщамъ шумнѣи безднѣи;
 Такъ пшшна облчннхъ вѣщръ
 Сшшшшшщъ гншшо съ сшш швзднѣи!

Людѣи и врѣмѣи раба,
 Землѣ сосшрѣмась въ невѣлѣ;
 Шшшш ея шграюшщъ долей
 Владыкн, вѣкн и судьба.
 Но вы все шѣжъ, чшо въ день чудесъ,
 Какъ солнще первое въ вась пшло,
 О вы, незшблемыхъ небесъ,
 Ненарушншоу шерцшшо!

Такъ и теперь моей мечнѣ
 Изъ лона зеркальной пустыни
 Свѣлаещъ ликъ молодой богини
 Въ прозрачно-влажной краснѣ.
 Вокругъ нея, какъ радугъ блескъ,
 Вершины волкъ горалъ и грикъ,
 И звучный ропотъ ихъ и плескъ
 Бже душъ краснорѣчивѣй!

Надъ ней, какъ звѣзды, свѣтятся сны,
 Давно померкшіе въ туманѣ,
 Кошорые пакъ ясно ранѣ
 Горѣли въ небѣ спаринѣ.
 Изъ волкъ, цѣлующихъ ее,
 Миѣ вѣютъ рѣчи дивной дѣвы:
 Въ нихъ слышно прежнее былье,
 Какъ дѣлтъ младенческихъ напѣвы.

Онѣ чаруютъ и цѣлятъ
 Тоску сердечнаго недуга,
 Какъ мировое слово друга,
 Всѣ чувства межъ собой мирятъ.
 Въ невыразимости своей
 Сколь выразишелевъ сей лепетъ:
 Онѣ пробудилъ въ душѣ моей
 Воспорговъ тихихъ сладкій шепетъ.

Какъ звучно льноитъ зефиръ къ струнамъ,
 Игравъ арфою воздушной,
 Такъ и въ душѣ моей послушной
 Есть опытъ пѣснямъ и мечтамъ.
 Волшебнo забываеиъ умъ
 О наспоищемъ, мысль гнепущемъ,
 И въ сладоспираснѣ спройныхъ думъ
 Я весь въ пропекшемъ, весь въ грядущемъ.

Сюда, поэзія жрецы!
 Сюда, существенности жеривы!
 Кумиры ваши здѣсь не мерливы
 И не померкаи ихъ вѣицы.
 Про васъ поэзія хранилъ
 Свои преданья и повѣри;
 И здѣсь, гдѣ море вамъ шумитъ,
 Святыши свѣшаны преддверья!

Ки. Виземскій.

Э Л Е Г И Я.

Есть наслажденье и въ дикосни лѣсовъ,
 Есть радость на приморскомъ брегѣ
 И есть гармонія въ семь говорѣ словъ,
 Дробящихся въ пусыньномъ бѣгѣ.
 И ближняго люблю — но ны, природа-мать,
 Для сердца ны всего дороже!
 Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
 И то, чѣмъ быть, какъ быть моложе,
 И то, чѣмъ нынѣ снѣмъ подѣ холодомъ годовъ;
 Тобою съ чувствахъ оживаю:
 Ихъ выразишь, душа не знаетъ спройныхъ словъ,
 И какъ молчащъ объ нихъ, не знаю.

К. Батюшковъ.

НА СМЕРТЬ В... ВА.

Два.

Юноша милый! на мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
Розѣ подобный красой, какъ Филомела ты пѣлъ.
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуешь и
пѣсень,
Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ,
какъ ты.

Роза.

Два, не плачь! я на прахъ его въ красотѣ раз-
цѣпшаю.
Сладость онъ жизни вкусилъ, горечь оспавилъ
другимъ;
Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца оправила!
Счастливецъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловь-
иный и мой!

Баронъ Дельвицъ.

О Т Р Ы В О К Ъ

И З Ъ

БОРИСА ГОДУНОВА.

1604. 16 Октября.

Граница Литовская.

*Кн. Курбскій и Самозванецъ, оба верь-
хами. Полки приближаются къ границѣ.*

КУРБСКІЙ (прискакавъ первый.)

Вошь, вошь она! вошь руская граница!

Святая Русь! ошечество! я швой!

Чужбины прахъ съ презрѣнемъ отряжаю

Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новыи:

Овъ мнѣ родной!... Теперь твоя душа,

О мой отецъ, утѣшитися — и въ гробѣ

Опальные возрадуютися кости!

Благнулъ опять послѣдственный шагъ мечъ,
 Сей славный мечъ, гроза Казани шемной,
 Сей добрый мечъ, слуга Царей Московскихъ!
 Въ своемъ пиру шеперь онъ загуляетъ,
 За своего Надежу-Государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ (*вдѣтъ тихо, съ
 поникшей головой.*)

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась!
 О вшиязь мой, завидую тебѣ:
 Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
 Забывъ ошцемъ снесенныя обиды,
 Его вину за гробомъ изкупивъ,
 Ты кровь излилъ за сына Юанна
 Готовишься, законнаго Царя
 Ты возвратишь ошечесиву... Ты правъ!
 Душа швоя должна пьлмашъ весельемъ.

КУРБСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
 Вошь наша Русь: она швоя, Царевичъ!
 Тамъ ждуть тебѣ сердца швоихъ людей,
 Твоя Москва, швой Кремль, швоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь руская, о Курбскій, помеченъ.
 Вы за Царя подъяли мечъ: вы чисны!
 И васъ веду на брашневъ; я Липву
 Позвалъ на Русь, я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣтную дорогу!...
 Но пусишь мой грѣхъ падешъ — не на мени —
 А на шебя, Борисъ цареубійца!
 Впередъ!

КУРБСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!...

*(Скажутъ. Полки переходятъ черезъ
 границу).*

А. Пушкинъ.

БЕЗВѢСТНОСТЬ.

За днемъ сбывая день въ невѣдомомъ углу,
 Люблю моей судьбы хранительную мглу.
 Заброшенная жизньъ, по волю Провидѣнья,
 Оплошомъ спала мнѣ оцъ бурнаго волненья,
 Непраздно погубя безпечность и досугъ,
 Я вымѣряю уму законный дѣйствій кругъ:
 Огъ тѣсенъ и закрытъ; но въ немъ безъ искушенья
 Кладу любимыя мои напечатанья.
 Лампада темная въ безмолвіи ночей
 Такъ надливаетъ свѣтъ чужь видныхъ лучей;
 Но въ нѣдрѣ лишинны спокойно догараетъ
 И темный свой предѣлъ до ушра освѣщаетъ.

Плестневъ.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Т. С. Вдмрв — ой.

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
 Какъ много думъ наводнишь оны
 О юныхъ дняхъ въ краю родномъ!
 Гдѣ и любилъ, гдѣ ошчій домъ,
 И какъ я, съ нимъ на вѣкъ проснись,
 Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.

Уже не зрѣшь мнѣ свѣтлыхъ дней
 Весны обманчивой моеи,
 И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ,
 Тогда веселыхъ, молодыхъ!
 И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,
 Не слышентъ имъ вечерній звонъ!

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой;
 Напѣвъ унылый надо мной
 Въ долину вѣсперъ разнесетъ:
 Другой пѣвецъ по ней пройденъ,
 И ужь не я, а будешь онъ
 Въ раздумьѣ пѣшь вечерній звонъ!

И. Козловъ.

Ф И Р Д О У С Н.

Любимый гордымъ властелиномъ,
 Въ садахъ гарема ходишь онъ,
 Одеждой пышной облеченъ,
 Въ чашѣ, увѣчанной рубиномъ,
 Къ его напѣвамъ клонится слухъ
 Слыволюбивый повелитель,
 Гдѣ онъ — тамъ радости вѣдругъ
 Гарема грустная обитель.

Но день великим бѣжитъ,
 Какъ день печальнаго забвенья!
 Пѣвецъ, пѣвецъ! и ны забываешь,
 И носишь иго пострашенья!
 Пески, пустыни изходишь,
 Мечешь пыл дни свои, какъ щепки,
 И какъ безжизненные спиешь,
 Ты спалъ и дикъ и молчаливъ.

Ты жаждалъ смерти — и рыдалъ,
 Твой хладный другъ сокрытъ опецъ.
 И усладила швой конецъ
 Слеза участія родная!
 Скажи, пѣвецъ, что слава? — « Дымъ! »
 Людей мудрецъ холодный учишь;
 Ахъ, нѣтъ! кто славою быть помятъ,
 Безъ славы жизнью накупить.

А. Подолинскій.

У Ч А Н Ъ - С У (*).

(*Посвящается Аннѣ Евстафьевнѣ
Удомѣ*).

Шуми пошокъ! сурьмой веси!
Съ скалы гранишной и крушой
Опважно падай и дробися
Жемчужной, серебряной росой!

Души вниманьемъ углубленный,
Люблю немолшыхъ водъ однообразный шумъ!
Твоей гармоніей павненый,
Пышаю пламень чистыхъ думъ.

Не скованъ въ мраморной пемницѣ,
Подъ сводомъ золотымъ въ черногахъ не журча,
Ты не ласкаешь слухъ усналый богача
Или съдой порокъ въ партѣ и багрянницѣ.

(*). Такъ называютъ Тапары водопадъ, находя-
щійся въ горахъ на южномъ берегу Тавриды, въ
разноднн оупъ Ялтѣ на одинъ часъ ѣзды.

На персяхъ маперы своей,
 Природы вѣрный сынъ, свободный, силы полный,
 Пустынные ты качаешь волны
 Во глубину морскихъ зыбей.

Твоя прозрачна и свѣжая Нагда
 Даришь прохладой лѣсъ священный и нѣмой,
 И жажду пламенную спада
 Подишь студеною струей.

Усталый путникъ опдыхающъ,
 Тобою сладко обаянъ,
 И уходя, благословяющъ
 Госнепримытый пѣбой фонтанъ.

Внимательный и на руку сложенный,
 Въ своихъ задумчивыхъ мечтахъ,
 Тебя привѣщивающъ плавецъ уединенный,
 Несомый вдоль береговъ на легкихъ парусахъ....

Подъ крыльями парящей непогоды
 Съ двойною сплою клянишь, пошокъ свдой!
 И съ моремъ согласи свой дикій воля и вой,
 Ты празднуешь гремящій шуръ природы.

Когда жь въ полуденныхъ лучахъ,
Царь дни среди небесъ безоблачныхъ сіяетъ,
Тирацки властствуи на сушѣ, на водахъ,
До полюсовъ лице земли воспламеняетъ ;

Игралъ въ радугахъ и пышно озаренъ,
Очамъ являешься ны ланшой изумрудной ;
Уединенный, дикій, чудный —
Ты гениемъ сираны любимъ и охраненъ.

Свѣтъ трона солнцева въ кристалъ водъ разлился
И въ зеркалѣ твоемъ лучъ знойный прищупался ;
И впечатлявъ зефиръ на лонѣ быслрыхъ струй
Благоуханный подымай...

Но некогда твои струи багрились,
Окрасить пылавъ воинственный пожаръ,
И русской кровью здѣсь упились
Кинжалы мстительныхъ Ташаръ.

Глубокая волна ихъ прупы поглотила ;
Но гибель ихъ спокранъ побѣда закупила !
И нынѣ ужь въ полдневный зной,
Ташаринъ мирный и безпечный,
Обвѣнявъ нѣгою въ пѣни деревъ густой
На русской спитъ земля подъ шумъ и говоръ твоей...

Шуми попокъ! сирѣлой несися!
 Съ скалы граниной и круной
 Опважно падай и дробиси
 Жемужной, серебряной росой!

Передъ побой возпомнание
 Свѣжитъ о сихъ сиравахъ завѣнное преданье:
 На нихъ означены свободныя бранды
 Горыстной Греціи или Риманы шруды.

Торговат урну здѣсь вращала
 Властолюбивая рука Венеціанъ,
 И въ пѣдра Европейскихъ сиравъ
 Рѣкой сокровища Востока проливалъ.
 Здѣсь гордо развѣвалъ, морями овладѣвъ,
 Адриантическій ихъ левъ.

Завидуя сиравъ обильной и прекрасной,
 Меси съ собою рабства пѣтъ,
 Но ней провали полны враждующихъ племень;
 Ихъ слѣдъ кровавый и ужасный
 На поль Таврии глубоко впечатлѣтъ.

Но побѣдителей и побѣжденныхъ
 Забвенью равному здѣсь косни преданъ;
 И на могилахъ безыменныхъ,
 Русной правожо заглушенныхъ,
 Спишь геій щемной сшаринъ...

★ ★

Увы! среди тревогъ и суетныхъ волнений
 Полюкомъ времени народы прашекутъ,
 И волны новыхъ поколѣній
 Покроютъ землю — и пройдутъ!

Ничтожество въ густомъ шумѣ,
 Такъ гибнетъ легковерный свѣтъ,
 Какъ исчезаетъ въ Океанѣ
 Вѣгущихъ струй мимолетный слѣдъ!

Шуми попокъ! сирѣлой несися!
 Съ скалы гранитной и крушой
 Ошважно падай и дробися
 Жемчужной, серебряной росой!

Запцевскій.

Т Р И С О Н Е Т А .

(Изъ Мицкевича).

1. А К Е Р М А Н С К І Я С Т Е П И .

Видывя въ простиранный кругъ сухаго океана,
 Повозкой, какъ ладьей, я зыблосъ межъ цѣпловъ.
 Въ волнахъ шумящихъ нивъ, въ безбрежности лу-
 гоуь,
 Миную острова багряные бурьяна. —

Ужь смерклось, впереди ни провки, ни кургана;
 Нищу на небѣ звѣздъ, возжалеетъ пловцовъ:
 Тамъ блестятъ облако — шо дитъспрь межъ береговъ,
 Тамъ вспыхнула заря — шо фаросъ Акермана.

Какъ тихо! подождеть! мнѣ слышнися вдали,
 Чуть зрима соколу, какъ выюся журали,
 Какъ легкій мошылѣкъ на правкѣ колыхнешся,
 Какъ скользкой грудью змѣй касаетси земли:
 Предѣловъ чуждѣ, въ Дниву мой жадный слухъ
 несетси....

Но ѣдемъ далѣе, тихо не отзоветси.

2. П Л А В А Н І Е.

Морскихъ тудовницъ сонмъ воспрянулъ, шумъ раз-
 дался,
 Готовысь въ путь! пловець новарищамъ кри-
 чить,
 Избѣжалъ по вервямъ, проспирся въ нихъ, виснѣтъ
 И, какъ паукъ, въ снѣжкѣ невидимыхъ зашкался.

Вѣтръ; двинулся корабль и съ удила сорвался,
 На волны насупилъ — хлябь синонещъ и кншищъ!
 Огъ выю занеся, сквозь облака лепищъ,
 Подъ крыльи забралъ вѣтръ, за край небесъ помчался.

Съ порывомъ мачтъ, душой по безднамъ я лечу;
 Какъ парусъ, напрялось мое воображенье
 И виоринъ кликъ плоты невольно восхищенье.
 Припикнуть къ кораблю, я руки вдаль мечу
 И грудью быспроны придаю ему хочю:
 Легко мнѣ, весело, понашно плещъ паренье.

3. БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦЪ.

Насладь Хановъ ! ты ль добыча пустоты ?
 Змѣй вьнешя, гады шамъ кишанъ среди свободы,
 Гдѣ рабство прахъ челомя сменило въ древни годы,
 Гдѣ быть черногъ прохлада, любви и красоны !

Въ цвѣтныя окна плещь пророснѣ липны
 Разкинувъ по свѣтлать и заивьсивъ своды,
 Созданіе людей во нми вилъ природы
 И пишентъ вѣщій перснѣ : разваниа !

Лишь ны ,

Фонпапъ гарема ! живъ средь храминъ мертвыхъ
 ннѣ,
 Перловы слезы льещь , и слышннся въ пустынь,
 Изъ чаши мраморной журчинъ волна швоа :
 Гдѣ пышность ? гдѣ любовь ? Въ величїи, въ гордынѣ
 Вы мнмд вѣки жинѣ — уходннѣ вмгѣ снруа :
 Но ахъ ! не сщало васъ ; журчу, какъ прежде я. —

А. Илгесскій.

ПЧЕЛА И МОТЫЛЕКЪ.

Нарцисъ въ цѣпю — къ нарцису вѣется
Пчела и пестрый мотылекъ ;
Нарцисъ завялъ , нарцисъ поблекъ —
И одинокимъ остаеся
Печальный, грустный снебелекъ.

M.

КЪ ПОРТРЕТУ ЛОМОНОСОВА.

Душой поэтъ, мудрецъ ученѣе
нѣ покорилъ природу и языкъ :
Въ свѣтахъ небесъ достигъ паренемъ,
Умомъ — земную глубь проникъ.

А. Плигевскій.

КЪ ЧАСАМЪ,
ПРИ ОТСЫЛКѢ ИХЪ СЕСТРѢ.

Принадлежа сестрѣ моей,
Ходише вѣрно, постоянно
И шѣгы мои въ чувства къ ней
Напоминайте непрестанно;
День мѣри сирѣжкой золой,
Исполните родныхъ моленъ:
Любви назначьте часть, другой,
А дружбѣ каждое мгновенье.

А. Плигевскій.

КЪ Н Я Н Ъ.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя ?
 Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
 И покидалъ для ней и славу и науки
 И Нѣмецъ, и сей градъ Профессоровъ и скуки,
 Ты, благоданная хозяйка свиной,
 Гдѣ ** , несраженъ суровою судьбой,
 Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
 Салтениодѣйствовала при адмиралѣ Каменѣ —
 Всегда, привѣтами сердечной доброты,
 Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
 Когда чрезъ дачный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
 Ходилъ я навѣщать великаго поэта
 И мнѣ сочувствовала пріятель давній мой,
 Арсеньихъ наукъ пиномецъ молодой.
 Какъ сладосно иное свѣлое хлѣбосоленство,
 Ишь баловало вкусъ и жажды своевольство,
 Съ какимъ радушіемъ — красною дренцихъ лѣпъ —
 Ты набирала намъ зашѣливый обѣдъ!
 Сама и водку намъ и брашна подавала,

И софы и плоды и вины уставала
 На милой пѣснопѣ спаривнаго спола;
 Ты занимала насъ — добра и весела —
 Про спародавнихъ баръ плѣнительнымъ разговоромъ;
 Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
 Мы вѣрцали шею — и смѣхъ не прерывалъ
 Твоихъ безхитросныхъ суждений и похвалъ;
 Свободно говорила языкъ словоохотной —
 И легкіе часы летѣли беззаботно.

И. Языковъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Обриный, блѣдный и худой,
 Занявъ полшину у сосѣда,
 По Петербургской мостовой
 Онъ ищетъ славы и обѣда.

***

П С Л О М Ъ IXII.

Кого предъ утренняя зарёю
 Нищу , какъ жаждущій воды ?
 Кому полношною порою
 Перескажу мои бѣды ?
 Но когъ душа въ шокъ? и цѣло
 О когъ и сохненъ и болниъ ?
 Въ чей горни домъ, въ порывѣ смѣломъ
 Мой духъ съ молнивою гланиъ ?
 Теби, мой Царь надъ высонами ,
 Моей судьбы державиъ нищи ,
 Такъ сладко мнѣ жвалниъ ушани ,
 Такъ сладко всей душей любниъ !
 Какъ гosci роскошныи пранезы ,
 Я веселюсь въ Твоей любви :
 Ною и люю въ блаженствѣ слезы
 И жизнь кипниъ въ моей крови !...
 Когда злодѣи въ меня стрѣлами
 И пращю и копьемъ мешати ,

Ты Самъ защитными крилами
 Меня средь сѣчи отъваль!
 Моя душа къ Тебѣ прильнула
 И, подъ святой Твоей рукой,
 Опъ дольней жизни ошдохнула
 И горній свѣдала покой.
 Пускай исканъ злоды рвущя
 Меня, съ огнемъ во пльмь ночей;
 Запуися самя... и пробрющя
 На острія своихъ мечей!...
 А Царь, ходя въ защитномъ Богъ,
 Поидещъ съ высотъ на высоты,
 Разногнеть гадовъ на дорогъ,
 И злоязычной клеветы
 Запрентъ уста злымъгъ терпѣньемъ,
 И возмасинтъ о Богъ пѣньемъ,
 Ударитъ радосно въ шимпанъ:
 Опъ какъ женитъ возвеселился
 И звонкій гласъ его промчился
 До позднихъ лѣтъ, до дальнихъ странъ.

О. Глинка.

Къ П. А. Ша — ву,

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ.

(Отрывокъ).

Мой другъ! себѣ не довѣрять —

Привѣта скромная пилюща Музь младаго.

Такъ юные браны, съ гнѣзда слѣплетъ роднаго,

Полета къ солнцу вдругъ не смѣюшь пзыншать;

Царягъ, но по слѣдамъ опцовъ ширококрылыхъ.

Могучихъ геніевъ держал по слѣдамъ,

Квѣрлася ны младамъ еще крыламъ;

Но въ шрудныхъ опынахъ не поспѣдилъ ихъ силы.

Иа что жь ны одаренъ сей силой не земной?

Чиобъ смѣло впушашъ другимъ лншъ помышлене?

Чиобъ пзынь великихъ душъ победы мадъ судьбой?

А первому блѣднѣшь подъ первою грозой

И дань въ пѣвцѣ узрѣшь души его наденне?...

Мужайся, другъ! себѣ бѣдами не спраши,

Юной съ враждебною судьбою;

И не упизнишь ей возвышенной души,

И року шоржества не видѣши надъ шобою !
 Гордись, пѣвецъ ! высокъ пѣщовъ удѣлъ !
 Земная власть его не дасишь и не ошнменшь.
 Богансишо, знаишность, чеснѣ — могла имъ предѣла
 Но дара Болкія мракъ гроба не обнимень.
 Богаты, склоний чело предѣ Фебовымъ жрецомъ :
 Онъ имъ смершное шное уѣковѣчишь ,

И въ мракъ гробовомъ

Онъ данъ шебѣ попомсшеа обезначинъ. —

Чшо былъ бы гордый Меценашъ

Безъ пѣсней Флакка и Марона? —

Въ моглау брошенный изъ золотыхъ наманъ,
 Безславный бы рыдалъ, броди у Ахерола,
 Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ ,

Кощорый весь свой немный вѣкъ

Подъ шашнемъ свое ошакншасишь бѣдшишо ,

Печальное ошцель наследство !

И шы, богшии сынъ, и шы Пельдъ герой !

Аделалъ бы подъ землей шмой,

Какъ смершный безыменный,

И вѣки бѣ долгіе забвенія сшшнать ;

Когда бѣ пророкъ Хіоса вдохловенный

Безмершнемъ шеби не уѣблчалъ. —

Онъ Музь и чеснѣ и слава земшороднымъ ;

Гордись, шпомощъ Музь, удѣломъ превозходнымъ !

Но, есди геній швой,

Разочарованный и небомъ нашимъ хладнымъ
И хладомъ душъ, не съ нѣмъ ужь духомъ, слезы
жаднымъ,

Глядишь на путь прекрасный свой,

Невольно унываешь

И крылья опускаешь,

Убийственнымъ сомнѣньемъ омрачешь;

Не ищешь ли всунуть на путь опасный оный?

Не ищешь ли себѣ ласкаль въякомъ поэта?

И молча ждешь велишняго ошѣна....

Мой другъ, не оны толпы и грубой и сѣной

Владыка лиры вдохновенной

Услышишь судъ прямой

И голосъ истины священной;

И не всегда его услышишь оны друзей:

Слѣпы мы рабы слѣпыхъ своихъ спрасней.

Приспрасней, другъ, и я къ спихамъ друзей-
поэтовъ,

Прощаю грѣшный спихъ за слово для души. —

Счастливъ, кто самъ, спрасней своихъ въ истины,

Приспрасней дружескихъ почувствуешь совѣтовъ.

Самъ поэтическихъ судя грѣховъ своихъ,

Мараешь часно оны хваленый другомъ спихъ.

О! еси, мой другъ, и опытъ убѣждаешь,

Еси внутренній у насъ,

Но всѣмъ слышимый, минувный, тихій гласъ;

Какъ вѣрно оны хулишь, какъ вѣрно одобряешь!

Отъ совѣсть гевія , шаланпа судія.
 Счастливъ , кино голосъ сей безсловный понимають,
 Счастливъ Димитриевъ ! что у него друзья
     Въ стихахъ превозносили,
 То чувства строгія поэца осудили (*).
     Любимцемъ Музъ увѣренъ я,
 Что панта совѣсть намъ еснь лучшей судія. —
 Довѣренность къ друзьямъ , но не слѣпанъ въра!

II. Гнѣдигъ.

(*) Н. И. Димитриевъ многія цѣлыя пьесы уничтожилъ въ последнемъ изданіи своихъ стихотвореній.

Э Л Е Г И Я.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она помилась, увидела...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже лежала;
Но недоснупная черпа межъ нами естъ.
Напрасно чувствиво возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ уснѣ я слышалъ смертн вѣстн,
И равнодушно сѣ шнмалъ я.
Такъ вопѣ кого любилъ и пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, помпшпальной щоской,
Съ такимъ безумснвомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратнмыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

А. Пушкинъ.

* *

ДВѢ ОДЫ ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Ода 5. кн. II.

..... *tolle cupidinem*
Inmitis uva : jam tibi lividos
Distinguet Autumnus racemos
Purpureo varius colore.

Не опрѣшай онѣ вѣтки молодой
 Незрѣлыхъ кисней винограда !
 Дай имъ доспѣшь въ пріютѣ сада.
 Когда проникнешь теплотой,
 И зарумянишь ихъ осеннее свѣтло;
 Когда въ безжизненномъ, въ безсильномъ ихъ
 снебѣ,
 Вдругъ закипнѣтъ и жизнь и сила ;
 Когда ихъ сочный плодъ наклонится къ землѣ ;
 Тогда, рукою терпѣцовой,
 Въ угоду жажды ихъ сорви !....

Она дитя, — нѣтъ чувства, нѣтъ любви
 Въ очахъ Локориды спыдливой!
 Въ ея груди желанье спитъ;
 Но прошекутъ сирѣлою годы,
 И для себя, рука самой Природы
 Сей виноградъ желанный возраститъ!

КЪ Л И Д И Ъ.

Ода 25, кн. I.

*Parcius junctas quatunt fenestras
 Ictibus crebris juvenes protervi...*

При блескъ спящей, полуночной порою,
 У нивого, прелестница, окна,
 Бывало юности сбгались толпою;
 А ны, покинувъ ложе сна,
 Въ полупрозрачной имъ являлася одеждѣ;
 Привѣливно имъ отворила дверь,
 Манила ихъ къ воспоргамъ, — а теперь
 Ужь не поюшъ небѣ, какъ прежде:
 « О Лидіа! проснешься ль ны ?

Не мучь меня напраснымъ ожиданьемъ!
 Дай мнѣ прерванъ пивой мечты
 Моимъ пылающимъ лобзаньемъ!»

Повѣрь, не послушится вновь
 Въ швое окно пивой другъ неблагодарный!
 Другая Лидія при немъ пивой любовь
 Языкигъ насмѣшкою коварной.
 Смотри безъ слезъ, какъ онъ въ ея вѣнокъ
 Зеленый плющъ и свѣжій миртъ вплетаеиъ,
 И въ хладный Гебръ, — поблекшій пивой цвѣтокъ
 Безъ сожалѣнн бросаетъ!

В. Вердеревскій.

П А Р Т И З А Н Ы.

(Отрывок).

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
 Оспрадъ наѣздниковъ сидишь.
 Окрестности вси въ сѣдомъ шумащъ;
 Кругомъ осенній вѣтръ шумишь,
 На нускльѣй мѣсяцъ набѣгаютъ
 Порой густыя облака;
 Надулась черная рѣка
 И молніи вдали сверкають.

Плащи навшаны шапромъ
 На пикахъ, въ глубь земли вознесенныхъ;
 Бываки въ сумракъ ночью,
 Вокругъ косировъ возпламененныхъ!
 Средь нихъ, полпамя удалыцы:
 Ахнырцы, Бугцы и Донцы.

Ппрують всадники лихіе,
 Свершивъ ошчащныи набѣгъ;

Заботы прудны боевыи ,
 Но весель шумный ихъ ночлеги ;
 Живой бестдой сокращаюиъ
 Они другъ другу часъ ночной ;
 Длаа вождей спраны родной
 Возпоминаемъ оживляюиъ ,
 И лесь угрюмый и гуспой
 Веселымъ пельемъ пробуждаюиъ .

ПЬСНЯ ПАРТИЗАНСКАЯ.

Вкунаемъ врагъ безпечный сонъ ;
 Но мы не спимъ , мы надзираемъ —
 И вдругъ на спанъ со всѣхъ сторонъ ,
 Какъ силъ внезапный налетимъ .

Въ одно мгловесте врагъ разбить ,
 Вразплохъ заснигнуиъ удалыцами ,
 И въ свѣдъ за ними спрахъ лещииъ
 Съ неушомымыи Донцами .

Сверхивъ набѣгъ , мы въ лесь гуспой
 Съ добычей вражеской уходимъ
 И намъ за чаней круговой
 Минуны опдыха проводимъ .

Съ зарей бросаемиъ свой полегъ,
 Съ зарей опять съ врагами вспрѣча,
 На нихъ печальный набѣгъ
 Нль неожиданная сѣча.

С Ъ Т О В А Н І Е

(Израильская пѣснь.)

Возплачь о томъ, кино плачешь въ Вавилонѣ!
 Его земли померкнулъ свѣтлый ликъ;
 И вмѣсто арфъ, въ разрушенномъ Сионѣ
 Предшелей всмаетъ безумный крикъ.

Израиля пипшомецъ вдохновенной,
 Безъ пѣсней ны! шебъ въ ручѣ родномъ
 Не прохлаждашь споны окровавленной:
 Изноешь ны на берегу чужомъ!

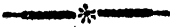
« Я судъ Небесъ въ день скорби призову,
 Не мнѣ земля; » душа ивол ивердила:
 « Орлу дано гнѣздо, пещера льву,
 Приющъ рабамъ... Иакову могила! »

Василій Григорьевъ.

ОПРОВЕРЖЕННАЯ ПОСЛОВИЦА.

Когда въ собрании толстый Брунъ
Появился съ своею женою,
Кшо видя ихъ, не скажешь: врутъ,
Чтобъ не сошлась гора съ горою?

А. Плугевскій.

СОЛОВЕЙ.

Подъ вдохновенемъ львиной рожи,
Съ зарю до упренникъ лучей,
Въ прохладу благовопной рожи,
Дрѣдъ мечтательныхъ Орфей,
Поетъ пустынный соловей.

И пѣснь его, какъ небо малъ,
 Какъ лепетъ струй, какъ златъ луговъ,
 На душу тайны навѣвая,
 Ждвилъ святилице дубровъ,
 Приюсть любимый пасуховъ.

Въ ней вся исторія полпа:
 Въ ней страхъ, надежда, радость, гнѣвъ;
 Она любовію согрѣпа
 И услаждаетъ сердце дѣлъ,
 Какъ романтическій напѣвъ.

Плетневъ.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ илжннй
 Главою поникшею снлжъ,
 А демонъ мрачннй и мяпекннй
 Надъ адскою бездною дешалъ.

Дужъ оприцанья, дужъ сомнѣнья
 На духа чпснаго взиралъ
 И жаръ невольннй умленья
 Впервые смупно познавалъ.

Прости, онь рекъ, теби я видѣть,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣть,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

А. Пушкинъ.

КОПЧНА БЛАГОТВОРИТЕЛЯ,

Егова рекъ: Я міръ карая!
И гласъ Его, какъ ярый громъ,
По горнему пронесся краю:
И смолкнулъ Херувимовъ сонмъ.
Уста Карашел-Владыки

Рдиной жерпвы смерти произрекли:
Смутились Ангелы — и трепешные дѣки,
Приникнуть къ облакамъ, крплами облекли.

Помчался Ангелъ Истрепитель;
Сквозь небеса онь міръ очами обнималъ;
Онь жерпвы чиспыи искалъ:
Онь лизлешъ — и міра Ушъщитель,
Безъ трепеша на Божій гласъ,
Какъ солнце вечера, угасъ.

П. Ободовскій.

ПРОРОЧЕСТВО О МЕССИИ.

«Изыдетъ кедръ оупъ корня Иссая —
 И освѣтитъ въ швамъ дольний мѣръ;
 Въ огнѣ пребудетъ онъ цѣлня и зеленѣи,
 Пригнувшись на немъ и лѣзвѣ сѣкиръ;
 Повергнешя предъ нимъ и вѣнерь быспрошечнымъ,
 Ощипанецъ съ трепешомъ кипящая волна.
 Свяшняя мощною рукой охранена;
 На ней почіетъ Богъ — Егова въковѣщный.»
 Вѣщаеъ Исая — и дивныя словеса
 Подвинули Израиль сокрушенный
 И водъ вершиною Сіона вознесенной,
 Какъ радуга, заглялся небеса.

Взвился Кедронъ среди пущыни —
 И на Салимскія швердыни
 Съ нависшихъ, омраченыхъ шуть
 Низмелся благоданн дуть.

Пл. Ободовскій.

КОНЬ И ЖЕРЕБЕНОКЪ.

Б а с н я .

(Изъ *Флоріана*).

Конь вдовый и отецъ добрыйшій отъ природы,
 Имѣя сына одного,
 Вспонилъ, вскормилъ его
 На стужныхъ пожнилахъ, гдѣ травы, тѣны и воды
 Пабышкомъ окружали ихъ.
 Не зная мѣры, какъ ребенокъ,
 Во вкусахъ, въ прихотяхъ своихъ,
 Сверхъ сына ѣлъ и пилъ роскошный жеребенокъ;
 Капался въ луговой травѣ,
 Скакалъ туда-сюда безъ цѣли:
 Безъ всякой усталости, въ тѣни кудрявой ели
 Покоился на муравѣ;
 И наконецъ заплывши жиромъ
 Нашъ юный Сибаритъ
 Пресыпшася яствами, наскучивъ вѣчнымъ жиромъ,
 Съ досадою къ опцу бѣжиптъ.

«Не знаю, что-то мнѣ не по себѣ и скучно;»

Жеребчикъ говоритъ :

«Давно не нахожу я вкуса въ снѣди тучной

Зеленыхъ нашихъ береговъ ;

Нѣтъ вкуса въ клеверъ, а воды нахлупъ глицалью,

И душмѣй воздухъ какъ испорченъ зноемъ, пылью

И влагой луговыхъ паровъ ,

Что нездорова мнѣ, клянусь я, почва эта.

Короче, банюшка, не переживи мнѣ дѣла ,

Когда не перейдемъ отсюда въ край другой.»

— «О сынь мой дорогой !

За чѣмъ же спало дѣло ?

Отправимся сей часъ.» — Сказавъ отецъ въ отвѣтъ

И спривидованъ его вдалъ съ родины ведешъ,

Дорогой, на ошца сынь озираешь смѣло ,

Ржелтъ, скаченъ и бѣжитъ впередъ ;

А спарецъ опытный, спупая скромнымъ шагомъ,

Съ нимъ даѣе и даѣе идетъ ,

Горами, пропасшю, оврагомъ ,

Нагою степью, гдѣ былинки не видать.

Вошъ вечеръ и пора ночлега ,

А корму нѣтъ : нашъ конь ложился шощей спать.

Подъ утро — гдѣ и прихони и нѣга ?

Опть шощены пришлось гладать ковыль степной ,

Не прышко ужъ бѣжитъ голодный пупникъ мой ,

И въ шрепны сунки онъ едва шагъ въ шагъ шащилъ.

Задавъ ему урокъ ,

Нащъ умный шаричокъ
 Дорогой скрынной въ ночь въ отчизну возвратился,
 И съ нимъ родной земли обгледъ.

Коснувшись сладкихъ шрабъ, ихъ съ жадностью
 хващаетъ

Обрадованный жеребецъ.

« Какое сѣно ! » восклицаетъ :

« Нашли мы лучшее изъ пастбищъ, мой онецъ;
 Осшанемся на немъ, прошу васъ. Гдѣ на сѣнѣ

Есть сноль привольныя двела ?

Какія пажити ! какая красота ! »

Едва договорилъ — и въ упореннѣе разсвѣпъ
 Заселенъ предъ нимъ знакомый съ дѣтства лугъ.

Но опъ снада и удивленъ

Не вспомнилъ нашъ конь. Онецъ ему, какъ другъ
 Сказать : « не забудь, мой сынъ, правоучены :

Топъ лучшимъ благомъ дней наскучишь наконецъ,

Кшо разпочаешь наслажденья,

А ихъ не бережешь, какъ цѣпный мудрецъ. »

Влад. Измайловъ.

ЖАЛОБА НА СЧАСТІЕ.

Всѣ мнѣ хощають добра, и всякій по неволѣ
Мои заслуги признають;
Что сподю многого, я всѣхъ увѣренъ болѣ,
Да вѣры счастье неймаешь.

А. П. Шугеовскій.

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ: АМИКИ.

О Камени, Камени всемогущи!
Вы внушите мнѣ пѣсню унылую;
Вы взгляните: въ слезахъ Амапузіи,
Горько плачущъ Амуры и Граціи.
Нѣтъ игривой собачки у Лидіи,
Нѣтъ Амико, прекрасной и ласковой.
И Діана, завидуя Лидіи,
Любовилась невольно Амикою.

Ахъ! она была краше, игривѣе
 Ръзвѣхъ псовъ звѣроловицы Делія.
 Съ ея шерстью пуховой и вьющейся
 Лучшей шелкъ Индоспана и Персія
 Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкостью,
 Не дѣлала Амicka любит своей:
 Нынѣ! любила одну она Лидію;
 И при ней не приближьнешь вы къ Лидіи
 (Ахъ! и ревность была ей проснищельна):
 Она вскочитъ, залаепъ и кинется
 Хоть на Марса или Зевса могучаго.
 Вошь какъ вѣжностъ влады Амикою,
 И такой мы собачки липиался!
 Какъ на рокъ не ропщашъ и не плакашся?
 Семь ужъ лоспровъ спихами жестокими
 Бавій мучилъ граждитъ и власшищелей;
 А она и пол-лоспра, невинца!
 Не была ушвиеніемъ Лидіи.
 Ты рыдай, ны рыдай, Аманузія,
 Горько плачьпе Амуры и Граціи!
 Ужъ Амicka ушла за Меркуріемъ
 За Коцингъ и за Лету печальную,
 Певозвращно въ обителъ Андову,
 Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбіи
 На рукахъ у Кашула чиликалетъ.

Баронъ Дельонгъ.

Прим. Эта шутка была написана въ угодность одной дамѣ, которая желала, что бы я сочинилъ на смерть ея собачки подражаніе пзвѣстной одѣ Кашулла: на смерть воробья *Lesbii*, прекрасно переведенной Воспоковымъ.

СИЛА НАДЕЖДЫ.

Мы всякій день поемъ все пѣсню ту же,
 Бранимъ судьбу одинъ другаго хуже;
 Но всякій день надѣмся и ждемъ
 И всякій день для завтраго живемъ.

А. Плигевскій.

ПОСЛАНИЕ КЪ Н. Ф — у.

Я былъ на родинѣ ливоей,
Гдѣ жизнь тебѣ лишь пѣсни пѣла,
И гдѣ швоихъ цвѣтущихъ дней
Заря безоблачно аѣла.
Но прежнему швоихъ луговъ
Весенній змкъ благоуханъ;
По прежнему, вѣясь съ холмовъ,
Ручей лѣса швомъ пинасцѣ
И трепещно несется въ даль.
Тамъ Волховъ, воспоминаій полный,
Какъ русской старины скрижалъ,
Вращаетъ вѣковыя волны.
Онъ — спарегъ; съ ушренной зарей,
Когда слепягъ съ него шуманы,
Очнулись челны рыбарей,
И заснѣются курганы,
Онъ ласпннся къ роднымъ брегамъ
И носить на хребнѣ послушномъ
Дары онеческимъ крамъ;

И въ зной, когда въ дубравѣ душно
 И солнце жжеть ковры луговъ
 Къ нему толпой приходятъ дѣвы;
 Спустивъ на плечи шелкъ власовъ,
 Ему поюшъ любви напѣвы,
 И къ лону хладному шайкомъ,
 Рѣзвась какъ дѣлны, припадаютъ,
 И прочь, съ блискающимъ челомъ,
 Онь спарца шумно убѣгаютъ.

Другъ! память о тебѣ хранишь
 И лѣсъ наследственный, и нива;
 Тамъ и шеперь, какъ вснаръ, шумитъ,
 Цѣментъ развѣсившая нва:
 Твою подъ пею колыбель
 Качали тихо дѣвсива боги;
 И слухъ твой вѣжила свирѣль
 Вдали онь суепной дороги;
 А днесъ... Путь доблесный свершай!
 Для Руси зрѣй подъ знаменами!
 И въ дань, уиѣшь родимый край
 Души высокими дѣлами;
 Ты вспомнишь о своихъ поляхъ
 Подъ вечеръ жизни: благодарный
 Придешь къ нимъ; мигомъ сбросишь въ прахъ
 Ярмо суепъ, спрасней коварныхъ;

Повѣснншь заслуженный мечъ
 На выпившн прадѣдовской ивы, —
 И дни ивонн, вполнѣ счастливы,
 Какъ тихій Волховъ будунтъ шечь.

В. Григорьевъ,

С Т А Н С Ы.

Куда судьба мени зовентъ,
 Иду и смѣло вѣрнымъ слѣдомъ.
 Еще душа чего-то ждентъ;
 Еще мнѣ жребій мой повѣдомъ.

Выпнть можентъ, счастье впередн:
 Переживу свое сомнѣнне,
 Съ надеждой пламенной въ груди
 И съ жаркой вѣрой въ Провидѣнне!

Когда ннбудь услышу вновь
 Призывъ Харннгъ краснорѣчивый;
 Воскресунтъ прежнне порывы,
 И къ славѣ гордан любовь!

А. Подолнскій.

НАДПИСИ

КЪ ИЗОБРАЖЕНИЯМЪ НѢКОТОРЫХЪ
Италянскихъ Поэтовъ.

—*—
I.

Данте.

Мраморный ликъ сей предъ небомъ винишь сограж-
данъ жестокихъ:

Данте, Гесперинъ честнъ, въ скорби, въ изгнаньи
спеналъ.

Тщешно спремиаь онъ взоры къ опчизнѣ!... И въ
меснѣ за страдалица,

Именемъ славнымъ его будетъ опчизна сиянъ.

Сила Флоренцинъ, пышность, гдѣ вы? Но пннь
Уголина,

Образы Ада, Небесъ, въ лонѣ безсмертна жп-
вунъ!

Петрарка.

Свѣтлая вода Вальклоза и вы, Каппиольскія
 спѣны,
 Гласу Петрарки внимавъ, видѣли славу его!
 Тѣнь Лауры, гордись! Лаурой дышала пѣсноцѣвца;
 Въ смершномъ бореннѣ швое слылся ими
 швердинѣ.
 Дира и пламень его для пономшва священны: и
 вѣчно
 Будещъ онъ вѣжной любви, вѣжныхъ спи-
 ховъ образемъ!

Гробъ Аріоста.

Скорбныхъ руками Харитъ сей камень воздвиг-
 нуть священный
 Мужу, кто брами, любовь, воевъ, красавицъ
 возпѣлъ (1),
 Творческой мыслью парилъ въ Дедалъ волшебствѣ
 и мечтаній.
 Съ миршами лавры сплота, Музы украсили
 гробъ.

Здѣсь вдохновеній вищи, о пипись! Но вѣнца не касайся :

Развѣ съ Орландомъ дерзнешь силы извѣдани
свои (2)!

4.

Т а с с о .

Истми дарами владѣль пѣснопѣвецъ Соррентскій :
но съ дѣлства
Счаснѣя не зная, спрдадѣ самымъ избыткомъ
снхъ благъ ;

Казнѣю были ему любовь, и геціи, и слава;

Умъ вдохновенный его въ низжкой неволѣ утасъ.

Смернью забыный въ напастяхъ, погибъ онъ предъ
самымъ триумфомъ

Поздняя честь! кипарисъ съ пальмой побѣдной
сплелся (3).

Тассо, вкусн ушщенье въ могилѣ! Безсмертныи
пѣсни

Имя Гоффрида съ швоимъ, громко звуча, со-
храняшъ.

Виемлюшъ съ воспоргомъ вѣка : воскресли священ-
ныи брани :

Небо отверзто : и гробъ славою блестящъ Хри-
стовъ!

★ ★

(74)
Примѣчанія.

(1) Начало поэмы Аріоста, *Orlando furioso*:
Le donne, i cavalier, l'arme, gli amori,
Le cortesie, l'audaci imprese io canto, etc.

(2) Подражаніе другому мѣсту изъ той же Поэмы.
Зербинъ, собравъ оружіе Орланда, подписалъ
на деревѣ:

Armatura d'Orlando paladino;
Come volesse dir: Nessun la moia,
Che star non possa con Orlando a prova.

С. xxiv. ott. 57.

(3) Всѣмъ извѣстно, что пѣвецъ Иерусалима, освобождаясь изъ плѣнницы Феррарской, былъ призванъ въ Римъ Кардиналомъ Альдобрандини для полученія лавроваго вѣнца въ Капитоліи, по примѣру Пеннрарки; но умеръ за нѣсколько дней до торжества, ему приговореннаго.

СОЧИНИТЕЛЮ ПОСЛАНИИ.

Къ мечтательнымъ красамъ Ирпсъ, Нисъ, Хлоѣ,
Посланья пишешь ты и прислаешь ко мнѣ,
Читалъ ли? — Миѣ-но что жъ? миѣ дѣло въ вѣхъ
какое?
Читай ихъ ты, кому написаны онѣ.

А. Шлигевскій.

ПРЕКРАСНЫМЪ ГЛАЗАМЪ.

Больше глаза, голубые глаза!
Вамъ юношу долго ль помнить?...
Вамъ долго ль сверкать, привлекать, а попомъ
Любви безопытными быть?...
По цѣлымъ часамъ примѣчаю я васъ:
Вашъ свѣтъ благосклонный луны;

Гляжу и говорю и даю клятву сно разъ:

Вы вѣжнаго чувства полны.

Но только что вспыхну, но только уста

Дрожа зашепчуть: люблю —

Безвечный вашъ блескъ, тишина, чистота

Оптемляютъ надежду мою.

Больше глаза, голубые глаза,

О! бросьте завѣсы свои,

Опъ спрасно, глубоко горящей души

Примите хоть искру любви.

Блесните слезой, ошуманысь слезой

А послѣ прогляните глаза:

Да въ свѣшломъ воспоргѣ пара надъ землей,

Увижу я въ васъ небеса.

В. Туманскій.

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ

ОЛЕНИНУ,

при доставленіи послѣдняго изданія
Басень.

Прими, мой добрый Меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говоришь,
Что благодарности есть лишь чувство униженья;
Хоть можешь бышь, инымъ я спраненъ покажусь,
Но благодарнымъ бышь никакъ я не спыжусь.

И въ просномъ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказанъ, что на меня
Щедромъ Монастихъ луть склоня,
Льливой Музѣ и безпечной
Моей ны крылья подвязалъ.
И можешь, безъ небя бѣ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цѣна

И и бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ номъ назову?
При мысли сей, мое живѣе сердце бьется.

Прими жь мой скромный даръ теперь
 И вѣрь,
 Что благодарностию, не лестною ояъ дается.

18 Апрелья 1826.

И. Крыловъ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Други, други! радость
 Намъ дана судьбой:
 Пейте жизни сладость
 Полною струей.

Прочь отъ насъ печали,
 Прочь толпа заботъ!
 Юныхъ увѣчали
 Бахусъ и Эрощъ.

Пусть трещатъ морозы,
 Въпръ свиснишь въ окно:
 Намъ напомнишь розы
 Съ Мозеля вино.

Насъ любовь дельвентъ,
 Насъ, въ мѣдые дни,
 Какъ весна согрѣетъ
 Поцѣлуй любви.

Баронъ Дельвентъ,

ЦВѢТОКЪ И ТЕРНОВНИКЪ,

Б а с н я .

Въ степи пуспой, бесплодной,
 Въ кошорой кое-гдѣ Терновникъ видѣтъ бытъ,
 Цвѣшочекъ выросъ благопонной;
 Но полько чино раздѣлѣтъ, Терновникъ возопиетъ:
 « За чѣмъ ты здѣсь межъ нами?
 « Ты насъ собою лишь сраминишь!
 « Но ты не долго постоишь:
 « Узнаешь, каковы Терновники съ иглами, »
 Напрасно онъ Цвѣшнику грозилъ;
 Цвѣшнокъ нашелъ себѣ спасенье:
 Бошаникъ слепыя шой однажды проходилъ,
 И видя рѣдкое расшѣнье,
 Съ собою взявъ цвѣшнокъ и въ садъ пересадилъ.

М. Сухановъ.

РУСКОЙ РОМАНТИКЪ РУСКОМУ
КЛАССИКУ.

Дрожащій подъ ферулой школьникъ!
Тебя ли я возьму въ примѣръ?
Ты говоришь, что я раскольникъ,
Я говорю: ны спаровѣрь.

ПЕРЕГОВОРЫ ВЪ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ.

(*Черта изъ жизни Богдана Хмельницкаго.*)

«Послушай, мой неновельможный князь!
Я Казимира уважаю;
Но, съ нвердою душой родясь,
Сирадаль и вдвое поспрадаю,
Ни вась, ни сейма не боюсь —
За край, за родъ мой и за племя!»

Подумай, Любомірскій, самъ :

Хмельницкій говоритъ, какъ другъ: не то ужъ время,

Чипобъ Ляхъ давалъ законы намъ

И посылалъ разѣзжихъ строгихъ,

Сбирать съ колодязей налоги

И Церкви Божіи запродавать Жидамъ! ...

Вонъ положили; соберемся

И въ *Вбллой Церкви* погоспнимъ :

Мы завпра намъ. Тамъ мы о миръ попечемся.

Условіемъ, вельможный Князь, пивонмъ

Доволенъ!

Въ немъ сказано, чпо всякій водемъ

По званію, конвой и свишу привесни:

Куда ужъ Козаку за пансиномъ всѣдъ ползши?

Вы будете на сѣздъ съ шлахенсшвомъ, съ гайду-
ками;

Однако жъ, кое-кипо пріѣденъ и за нами!»

Разстались. — Вонъ примчалась вѣспъ,

Чпо Поляки скрываютъ месниъ;

Чпо свѣжая больна имъ рана

И имъ хонілось бы пушемъ прижаны Богдана

И въ снъ уловкою завести

На сѣздъ. — Мудрено! онъ крѣпко вѣрилъ въ Бога,

И, съ колыбельныхъ лѣтъ, военная перевага

Ему какъ мать родная знакома:

Припомъ Хмельницкій былъ великаго ума.

Большой конвой вели съ собой Поляки,

Чтобъ, въ недосыпкѣ словъ, взяли верхъ хоть
силой драки ;

Но трудно завести въ заманку Козака!

Узнавъ, что конница козачья далека,
Готовилъ Лихъ свои уловки...

Богданъ послалъ лихаго Ёзюка :

« Умри — скачи до Кочерговки.

Тунгъ сорокъ вершинъ, шамъ сорокъ два покла!

Дружный, быстрый, изъ всей козачьей мочи,

Пусть мчался на рыскахъ... чтобъ бысть, какъ
тунгъ къ полочи !

Я знаю, наши прилежанъ !

И пусть всё за лѣсомъ, полагаешь по вапатамъ...

Кипишь въ душѣ Хмельницкаго опивага,

Идешь на съездъ... Паны шумятъ,

Закинувъ кунюши, преважно

Закручивающъ длинный усь,

И сморяютъ свысока, и говорятъ прощажно....

Хмельницкій не быть съ роду пурь ;

Однако жь видишь, пдушь шюлки,

Паны особлси, какой-то есиъ секретъ ;

Ни опкровешосит, ни ласки мѣтъ ;

И на него глядишь, какъ волки. —

Поетъ онъ : « Шляхенные паны !

Какъ много привели вы сыны ,

И ваши вершинки всё золотомъ прикрыты ;

А мы, военною порой унружены ,

На клыкахъ кое-какъ примчались ;

Но, чтобъ надъ Козакомъ вы больше не ругались...

Онъ спясть передъ окномъ,

Махнулъ плашкомъ —

И зашамкался донь :

Подъ топопомъ коньшигъ заговорило поле

И свѣтъ Божьего, въ пыли, не видно боль!

Не спало пыльныхъ облаковъ —

И двадцать тысячъ козаковъ,

Прогнавъ толпу всеможескихъ холопей,

Сношить!

И двадцать тысячъ ранныхъ коней

Торчать!

Паны удобрились — и мнръ подписать,

Который славою въ скрижали время записатьъ.

Ө. Глинка.

★ ★

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

БАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

. . . . . Торопясь ,
 Часы лепишь. Уѣхалъ князь,
 Пора готовиться княгинѣ ;
 Нарядами окружена
 Давно не бывшими въ поминѣ ,
 Передъ ширюмо сплоснѣ она .

Ужъ газъ на ней, струясь, блистаетъ ;
 Роскошно, сладоспно очамъ
 Рисуетъ грудь, попомъ къ ногамъ
 Съ гирляндой яркой упадаетъ.
 Алмазъ мелькающихъ серегъ
 Горитъ за черными кудрими ;
 Ея чело жемчугъ облеетъ ,
 И межъ обильными косами
 Рукой искусной пропущенъ,
 То видимъ, но невидимъ онъ.

Надъ головою перья вѣютъ,
 И въ шомной прихожи своей,
 То ей лице они лелѣютъ,
 То дремлютъ въ локонахъ у ней.

Межь тѣмъ... (Къ какому разрушенью
 Ведетъ сердечная гроза!)
 Ея потухшіе глаза
 Окружены широкой тѣнью
 И на щекахъ румянца нѣтъ!
 Чуть видѣть въ образѣ прекрасномъ
 Красы бывшлой слабый слѣдъ,
 Въ стеклѣ живомъ и безприсрасщномъ
 Книгиня бѣдная моя
 Гадается, мнѣнѣ: «и это и!»
 Но пусть на спрашное видѣнѣ
 Онъ взоръ смущенный возведетъ,
 Пускай узритъ свое изворенье
 И всю вину свою пойменѣ.»

Другое, тяжкое мечпанье
 Попомъ волнуешь душу ей:
 «Уже ль соперницѣ моеи
 Ошдамся я на поруганье?
 Уже ль спокойно я спесу,
 Какъ, торжесивуя надо мною,

Свою цвѣтущую красу
 Съ моею увлденною красною
 Сравнить насмѣливо она ?
 Надежда еси еще одна :
 Слѣды печали и сокрою ,
 Хошь въ половину , хошь на часъ .... »
 И Пина препенной рукою
 Лице румянить въ первый разъ.

Е. Баратынскій.

О Т ВѢ Т Ъ.

За чѣмъ на моя ны и глупосишь и злобу ,
 Пленишь , вызываешь нескромной хвалой ?
 Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ
 Проспаго пѣвца ?

Такъ , были мгновенья низпосланы Фебомъ :
 Я плавать въ волнооргахъ , я небомъ дышала !
 Я пѣла — и мнѣ хоромъ , веселые , вторили
 Любили друзья :

Я илѣтъ — но въ то время роскошная младость
 Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ ;
 Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любви,
 Я славой горѣлъ!

И опытъ суровый смирить обольщенья,
 Мой взоръ прояснился ; но скрылись мечты,
 За нимъ и счастье, и прелесть любви,
 И славы призракъ. —

Какъ слушалъ Алертидъ, привязанный къ мачтѣ,
 Волшебныя пѣсни Скилійскихъ Сиренъ
 И щещино къ нимъ рвался — упрямыя вервы
 Держали его ;

Такъ я, твоей лирой печально плѣнясь,
 Воплеще порываюсь къ святимымъ высотамъ,
 Знакомымъ бывало, и въ робкія струны
 Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновеній ;
 Мнѣ мушь на родную сирану возбраненъ
 И глазъ мой подобенъ унылому гласу,
 Жестокомъ стрѣлкою

Подспрѣленной пищицы, когда завывающъ
 Осеннѣ вѣтры и къ шендымъ сираамъ
 Веселюу снаей при клякахъ несущя
 Подруги ея.

Баронъ Дельвингъ.

1820 года.

Н А Д Е Ж Д Ы.

(Съ нѣмецкаго.)

Нѣжнымъ весеннимъ цвѣтамъ надежды смертныхъ
 подобны :

Сей увядаетъ — а намъ краше ахнетъ ивой ;
 Пышно цвѣтушъ, пока согрѣваетъ ихъ солнце ; но
 первый

Осени хладъ оцупивъ, гибнушъ одинъ за другимъ.
 Гдѣ скорошечный ихъ блескъ?... Лишь ты, въ оу-
 стѣвшей доли,

Ты, безсмертія цвѣтъ (*), горней сіяешъ красой!

* *

(*) Immortelle.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Есть бытіе , но именовъ какимъ
 Его названъ ? ни сонъ оно , ни бдѣнье ;
 Межъ нѣтъ оно , и въ челоуѣкѣ имъ
 Съ безуміемъ граничитъ разумъне.
 Онъ въ полночь понимъя своего,
 А между шѣмъ какъ волны , на него
 Одни другихъ мятежнѣй , своенравнѣй ,
 Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.
 Какъ будио бы своей опчизнѣ давней,
 Спихійному смилпеню онданъ онъ.
 Но иногда , мечтой возпламененный ,
 Онъ видишь свѣтъ , другимъ не онкровенный.

Созданье ли болъзкенной мечты ,
 Иль дерзкаго ума соображенъе ,
 Во глубинѣ пошочной темноты
 Предспавшее очамъ моимъ видѣнье ?
 Не вѣдаю ; но предо мной тогда
 Разкрылся грядущіе года ,

Событія всшавали, развивались,
 Волнуясь подобно облакамъ
 И полными эпохами являлись
 Огнь времени до времени очамъ;
 И наконецъ я видѣлъ безъ покрова
 Последнюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ являъ мнѣ дивный садъ:
 Вездѣ искусство, общія примѣны;
 Близь веси весь и подѣль града градъ;
 Вездѣ дворцы, шеширы, водометы,
 Вездѣ народъ, и хищный свой законъ.
 Стихія всѣ признаны заснавали огнь.
 Ужь огнь морей мяшежныя пучины
 На осипровахъ искусственныхъ селилъ,
 Огнь разсѣкала небесныя равнины
 По прихоти имъ вымысленныхъ крилъ;
 Все на землѣ движеніемъ дышало,
 Все на землѣ какъ будно ликовало.

Ичезнули безплодные года:
 Ораши по волѣ призывали
 Вѣтра, дожди, жары и холода,
 И вѣрною спорицей воздавали
 Посѣвы имъ; и хищный звѣрь ичезъ,
 Во имѣ льсовъ и въ высонѣ небесъ

И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ .
 И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ .
 Воцѣ , мыслятъ я , прельщенный дивнымъ вѣкомъ ,
 Воцѣ разума великолѣпный пиръ !
 Врагамъ его и въ смѣдѣ и въ поученьѣ ,
 Воцѣ до чего доспигаю просвѣщенье !

Проникъ нѣка ; яснѣнь очамъ моимъ
 Видѣнїе другое начинаю :
 Что человѣкъ ? что вновь открыто нмъ ?
 Я гордо мнилъ ; и что же мнѣ предстало ?
 Наславную эпоху я съ ирудомъ
 Поснигнувъ могъ смупившимся умомъ .
 Глаза мои людей не узнавали ;
 Привыкшіе къ обилью дольнихъ благъ ,
 На все они спокойныя взирали
 Что суены раждало въ ихъ опцахъ ,
 Что мысли ихъ , что спрасни ихъ , бывало ,
 Влеченїемъ всецѣльнымъ увлекало .

Желанїя земныя позабылъ ,
 Чуждаися ихъ грубаго влеченья ,
 Душевныхъ сновъ , высокихъ сновъ призывъ
 Путь замѣнилъ другїи побужденья ,
 И въ полное владѣнїе свое
 Фошазїя взяла ихъ бышїе .

И уступенной природѣ уступила
 Тѣлесная природа между нихъ.
 Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
 Живая мысль на крыліяхъ своихъ.
 Но по землѣ съ нрудомъ они спупали
 И браки ихъ безплодны пребывали.

Прошли вѣка и шумъ моимъ очамъ
 Явилася ужасная картина:
 Ходила смерть по сушѣ, по водамъ:
 Сверхалася живущаго судьбина.
 Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылись въ гробахъ.
 Какъ древніе шолбы на рубежахъ,
 Последніа семейства изпѣвали;
 Въ развалинахъ сполли города,
 Но пажитиамъ заглухившимъ блуждали
 Безъ насырей безумныа снада;
 Съ людьми для нихъ изчезло пропитанье;
 Миѣ слышалось ихъ гладное блѣянье.

И тишина глубокая во свѣдѣ
 Задумчиво повсюду воцарилась,
 И въ дикую порфиру древнихъ лѣсъ
 Державная природа облачилась:
 Величественъ и грустенъ былъ поворъ
 Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.

По прежнему живошворя природу,
 На небосклонъ свѣшило дня взошло ;
 Но на землѣ ничто его восходу
 Произнесши привѣсна не могло...
 Одинъ туманъ надъ ней, снѣга , вился
 И жерною чистипельной дымился.

Е. Баратынскій,

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

Смертный, гонимый людьми и судьбой! расста-
 ваясь съ міромъ ,
 Злобу людей и судьбы сердцемъ просни и за-
 будь.
 Къ солнцу въ послѣднее взоръ обрати , какъ Руссо , и
 утѣшься :
 Въ тернахъ заснувшіе здѣсь , въ митрахъ про-
 будятся тамъ.

Баронъ Дельвицъ.

И Д И Л Л И Я.

Нѣкогда Титширъ и Зоя, подѣ шѣмью двухъ юныхъ
 плащановъ,
 Первыя чувства познали любви и, полные счастья,
 Осирымъ крестомъ на корѣ сихъ деревь имена
 начерпши
 Титширъ Зои, а Титшира Зои, богу Эропу,
 Шумихахъ свидѣтелей сврасши своей посвятивши.
 Подѣ старосиъ
 Къ двумъ злѣшнымъ плащанамъ они прибрели и
 видипъ
 Чудо: пни ихъ, другъ къ другу склонась, именами
 срослися,
 Гамадриды ихъ тайною силой именъ сочепавишсь,
 Нынѣ въ древѣ двойномъ вождельнемъ на пупника
 вѣюнъ,
 Нынѣ въ шѣви ихъ могили, въ могилѣ шой Титширъ
 и Зои.

Баронъ Дельвингъ.

Э П И Г Р А М М А.

Списокъ изданный съ трудомъ развернули. На-

прасны усилы :

Въ спаромъ списокъ прочли книгу извѣстную

всѣмъ. —

Юноша! къ Лидѣ ласкаясь, ты спарого шо же до-

бьзился :

Лидѣ подѣ часъ и шебѣ вымолвилъ слово :

люблю.

Баронъ Дельвингъ.

С М Е Р Т Ь,

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться.

намъ жалко:

Такъ не съ охотою мы старый смѣняемъ

халатъ.

Баронъ Дельвицъ.

«То звездочка красы дѣвцы...
О! какъ она чиста, свѣтла!
Во храмъ Небесныхъ Царицы
Невѣсна съ милымъ другомъ шла;
Но смерть завидливо коснется —
Невѣсна въ гробъ... скорбь у насъ!
— Ахъ! вонъ еще звезда капнется,
Капнется... вонъ! и свѣтъ погасъ!

«Минутный блескъ! ... Поворожденной
Бояръ свѣсивыхъ знанный сынъ,
Изъ колыбелъ позлащенной
Похищенъ смертию въ мигъ одинъ.
Ужъ лезнь, готовясь въ душу вникъся,
Какъ змѣй, вокругъ него вилась...»
— Ахъ! вонъ еще звезда капнется,
Капнется... вонъ! и свѣтъ погасъ!

И мрачный слѣдъ за ней остался!
Она — звезда временщика.
Бѣдамъ онъ нашимъ насмѣхался
И презиралъ насъ съ высока,
Теперь льстецъ робкій суевищся
Порирепъ его упрямилъ съ глазъ...»
— Ахъ! вонъ еще звезда капнется,
Капнется... вонъ! и свѣтъ погасъ!

« О горе! въ хижинахъ убогихъ
 Услышишь, сынъ мой, стонъ и плачъ:
 Защипникъ и пипашель многихъ,
 Скопчался добрый нашъ богатъ,
 Еще подъ кровъ его укрылись
 Спѣшишь бѣднякъ въ сей самый часъ... »
 — Ахъ! вотъ еще звезда капишя,
 Капишя... вонъ! и свѣтъ погасъ!

« Завоеватель дни кончаетъ...
 Мой сынъ! будь вѣчно чистъ душой:
 Пустьъ ложнымъ блескомъ не смущаетъ
 Звѣзда твоя ни чьихъ очей;
 Не то — когда твоей блескъ запомнися,
 Народа будетъ общій гласъ:
 « Смотрите! вонъ звезда капишя,
 « Капишя... мигъ — и блескъ угасъ! »

Ч Е Р Е П Ъ,

(Послание къ Д.)

Прими сей черепъ, Д*, онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву,
 Тебѣ повѣдаю, Баронъ,
 Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
 Парамъ Вакха нагрѣвался;
 Лишовскій мечъ въ недобрый часъ
 По немъ со звономъ ударился;
 Сквозь эту косицу не проходила
 Лучъ живописный Аполлона;
 Ну словомъ, черепъ сей хранилъ,
 Тяжеловѣсный мозгъ Барона,

Барона Д.* Баронъ
 Конечно былъ охотникъ славный,
 Наѣздникъ, чаша другъ исправный,
 Гроза васаловъ и ихъ женъ.
 Мой другъ, шпаконъ былъ вѣкъ суровый,
 И предокъ швой крѣпкоголовый
 Смушился бѣ рыцарской душой,
 Когда бѣ шебя передъ собой
 Увидѣлъ безъ одежды бранной,
 Съ главою, мирнами вѣнчанной,
 Въ очахъ и съ лирою золоной.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
 Ужъ былъ давно записанъ онъ,
 И съ предками своими въ Ригѣ
 Вкушалъ непробудимый сонъ.
 Баронъ въ обихахъ печальной
 Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
 Паспорта лесныя погребальной,
 Гербомъ гробницы феодальной
 И эпитафией плохой.
 Но въ наши безпокойны годы
 Покойникамъ покой нѣтъ.
 Косманый баловень природы,
 И мапеманикъ, и поэтъ,
 Будитъ задумчивый и важный,

Хирургъ, юристъ, фпзiологъ,
 Идеологъ и филологъ,
 Короче вамъ — студентъ присяжный
 Съ вишюю пирубкою въ зубахъ,
 Въ плащъ, съ дубиной и въ усахъ
 Явился въ Ригъ. Тамъ спъсиво
 Въ пракширахъ спадъ онъ пѣнишь шидо,
 Въ дыму шабачныхъ облаковъ;
 Бродить надъ берегами моря,
 Мечтаетъ объ Лонхенъ или съ гора
 Спихи писать, да бить Жидовъ.
 Студентъ подъ альпинцей пракшира
 Въ каморкѣ шемной жить одинъ:
 Тамъ, въ видѣ зеркаль и каршпйтъ,
 Коронкйи плащъ, каршузъ, рапира
 Висѣли на спѣнѣ рядкомъ.
 Полуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихше и Платона,
 Да два восточныхъ лексикона,
 Подъ паупиною въ углу
 Лежали грудой на полу, —
 Предметъ занятйи разнородныхъ
 Ученаго, да крысь голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскоши пусшой
 Почтенный мышшшець не ищентъ:
 Смѣясь надъ глупой суешой,
 Въ чуланъ онъ безопасно свичеть.

Умѣренность, вѣщать мудрецъ,
 Сердце высокихъ оппечашокъ.
 Спуденъ однакожь наконецъ
 Замѣнилъ важный недоспашокъ
 Въ своемъ бышу: ему предметъ
 Необходимый былъ... скеленъ,
 Предметъ, философамъ любезный,
 Предметъ приличный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ;
 Но гдѣ доспашенъ онъ скеленъ?
 Вошъ онъ однажды въ воскресенъ
 Сошелся съ кисперомъ градскимъ,
 И пошлась взявъ въ соображенъ
 Его характеръ и служенъ,
 Рѣшился подружился съ нимъ.
 За кружкой пива, мой мечпашель
 Открылся кисперу душой
 И говоритъ: не лъзяль, прішель,
 Тебѣ досужною порой
 Свесни меня въ подвалъ могильный,
 Костями праздными обильный
 И между шѣмъ, одинъ скеленъ
 Помочь мнѣ вынесни на свѣль?
 Кианусъ тебѣ Айдесскимъ богомъ:
 Онъ буденъ дружбы мнѣ за югомъ
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обилели моей.

Смутился кисперъ изумленный,
 « Чпо за желанье ? чпо за снрасть ?
 Нипти въ подвалъ уединенный,
 Вспревожипъ мершыхъ сонмъ почтенный
 И одного изъ нихъ украсшь !
 И кшо-же?... Онъ , гробомъ хранитель !
 Чпо скажутъ мершвые пошомъ ? »
 Но ниво , снраха усыпипель
 И гнвной совѣсти смирипель ,
 Сомнпня разрѣшидо въ немъ .
 Ну , пакъ и бышь ! Днешъ онъ слово,
 Чпо къ ночи будетъ все гошово
 И другу назначаентъ часъ .
 Они разспались .

День угасъ ;

Наспала ночь . Плащентъ покршпый ,
 Сипоншь герой нашъ знаменишый
 У галереи гробовой ,
 И съ нимъ преступный кисперъ мой ,
 Держа въ рукѣ фанаръ разбишый ,
 Гошовъ на подвигъ роковой .
 И вопъ визжиптъ замокъ заржавый ,
 Визжиптъ преданельская дверь —
 И сходиптъ внизипзи шеперь
 Во мракъ подвала величавый ;
 Спнпемъ шощимъ фанаря
 Глухпе своды озаря ,

Идутъ — и эхо гробовое

- Смущенное въ своемъ покоѣ ,
- Протяжно выпорхнѣ звукъ шаговъ .
- Предъ нимъ длинный рядъ гробовъ ;
- Вездѣ щиты , гербы , короны ;
- Въ шведскомъ плѣннѣ кругомъ
- Починитъ непробуднымъ сномъ
- Высокородные Бароны . . . .

Я бы никакъ не осмѣлился оставитъ рѣшмы въ эту поэтическую минушу , если бы твоей прадедъ , коего гробъ попался подъ руку студенса , вздумалъ за себя вступиться , ухвативъ его за воротъ , или погрозивъ ему косячимъ кулакомъ , или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствие ; къ несчастью , похищенье совершилось благополучно . Студентъ по частямъ разобралъ всего Барона , и набилъ карманы косяками его . Возвращаясь домой , онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою , и такимъ образомъ сохранилъ себѣ

скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи Баронскихъ костей изъ погреба въ пракирный чуланъ, разнеслась по городу. Преслушный кнестеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обшоянцельства не позволили ему брать съ собою *будущаго*, то разобравъ опять Барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его пещорію, и зная, сколько я себя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ нихъ, которымъ обязанъ я своимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д*, онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Обдѣлай ты его, Баронъ,
 Въ благоприсойную оправу.

Надъѣлье гроба преврати
 Въ увеселительную чашу,
 Виномъ кипящимъ освящи,
 Да заливай уху да кашу.
 Швыцу Корсара подражай
 И Скандинавовъ рай воинской
 Въ пирахъ домашнихъ воскрешай;
 Или какъ Гамленгъ-Бараньинской
 Надъ нимъ задумчиво мечнай:
 О жизни мертвый проповѣдникъ,
 Виномъ ли полный члъ пусной,
 Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
 Онъ споймилъ головы живой.

И,

К О Н Е Ц Ъ.

3 2044 020 390 225

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

406137
CANCELLED
FEB 21 1975

JAN 29 1975 H

479541

JUN 3 1975 H

~~WIDENER
SEP 10 1993
BOOK DUE~~

WIDENER
FEB 2 1996
CANCELLED

